

А. КАРАБАЕВА

НЯНЬКА ДЛЯ ДРАКОНА

Глава первая

в которой происходит загадочное ночное преступление с участием собаки, и я обо что-то спотыкаюсь

— Все, больше не могу! — Я бросила учебник по практической магии на стол, и тот приземлился с громким хлопком. Снующие вокруг студенты лишь скользнули по мне взглядами, ничуть не удивленные заявлением — этой бессонной ночью оно возглашалось каждые пять минут, но потом отчаявшийся студент осознавал тщетность своего положения и возвращался к зубрежке.

Но с меня хватит. Я встала из-за стола и направилась к выходу из кухни. Уже второй час ночи. Что знаю, то знаю; а что не знаю, в голову все равно не лезет, так что я окончательно решила покинуть ряды страдальцев, пытающихся надышаться перед смертью. Да и какая тут учеба, когда все беспрестанно шастают на кухню, где я обосновалась. Пойду спать, только перед этим подышу свежим воздухом, чтобы сон крепче был.

К счастью, на вахте сегодня дежурил Лерой. Он сидел на своем обычном месте у входа, за столом в квадратном холле на первом этаже, и читал книгу, держа ее в коротких и толстых, как сосиски, пальцах. Несмотря на свою неказистость, эти пальцы могли очень ловко плясать по струнам гитары — это знали все студенты. Щеточка усов Лероя привычно топорщилась из-под плоской шапки, которую он никогда не снимал.

Дверной проем справа от меня вел в крытый коридор, а двойная дверь слева — на улицу. Я прошла мимо Лероя, направляясь к двери слева.

— Куда ты собралась? — добродушно поинтересовался он, подняв на меня взгляд. Глаза у него были темные, светящиеся блеском, как у юнца, и сидели на морщинистом лице, как два цветущих деревца посреди пустыни.

— Воздухом подышать, — ответила я.

— Смотри, не простудись.

Я вышла на крыльцо и спустилась по трем каменным ступенькам. Тихая январская ночь принесла с собой прохладу, и я застегнула курточку. Совершила короткую прогулку по парку под облысевшими деревьями, вдыхая морозный воздух. Немного посидела на скамеечке под светом большой полной луны и половинки маленькой, изо всех сил изображая из себя принцессу, томящуюся от скуки, но принцы как-то не объявлялись, зато попа начала примерзать к скамье, так что я перестала паясничать. Встала и по-простецки сделала парочку упражнений, чтобы согреться.

Зима в Эльсе, конечно, одно название. Если бы она встретилась с настоящей русской зимой, то подала бы в отставку. Эх, какой тут снег по колени и щечки-яблочки — хоть бы одна снежинка упала, а то уже конец января! Впрочем, десять градусов — тоже не пекло. Стоило надеть под куртку еще и теплую кофту, а то подхватчу насморк накануне экзамена.

Я оглянулась на институтское здание. Первый учебный корпус молча таращился на меня пустыми глазницами окон, мрачно белея в темноте, зато почти во всем общежитии горел свет, придавая красному кирпичу оранжевый оттенок и бросая на землю желтые квадраты. Без лишних слов — сессия.

Свет, конечно, горел не везде. Некоторые этажи почти полностью погасили огни — те,

у кого завтра нет экзамена. А вот мой третий этаж озарялся полностью — весь второй курс трясся перед экзаменом по практической магии. Молчали только два окошка — оба в блоке, где жила я. Моя соседка Тиффани выгнала меня из комнаты, чтобы я не мешала спать. Она-то, конечно, давно все выучила. Тиффани применяет очень сложную, мало кому доступную технику «учись-во-время-семестра», с легкостью сдает все экзамены и спит по ночам. Как и Динка из соседней комнаты нашего блока.

А вот я уже второй год пинаю ветер весь семестр и лихорадочно пытаюсь выучить все перед самым экзаменом. У меня просто... конституция такая. Кость ленивая. Хотя эта сессия проходит вполне успешно: сданы четыре экзамена из пяти, даже экономика. Да-да, представьте себе, экономика в институте магических искусств. Здесь вообще все не так весело, как я ожидала.

История моего попадания в Эльс довольно краткая. Жила я себе в скромном русском городке, заканчивала школу. Выпускной, ЕГЭ, лихорадка с выбором университета — обычное дело. Вдруг заявляется парень в крутом костюме — сотрудник отдела по связям с немагическими мирами: так и так, мол, родители, ваша дочь Рита обладает способностями к магии, не хотите ли отдать ее в наш институт в другом мире? На сову с письмом они там пожмотились, конечно.

Сейчас я думаю, что насчет моих способностей его обманули, ибо я таковых особо не наблюдаю. Но родители, услышав про бесплатную учебу и перспективу видеть любимую дочурку два раза в год максимум, времени зря не теряли и дали свое согласие. Я бы тоже сама от себя устала за восемнадцать лет.

Когда дело дошло до моего согласия, я тоже недолго раздумывала. Да и кто бы отказался? И я все равно не знала, чем хочу заниматься и куда поступать. Так что собрала пожитки, попрощалась с семьей, и меня через портал доставили в Эльс. С тех пор уже три семестра прошло.

Правда, поступая сюда, я рассчитывала играть в квиддич и кататься на единорогах, а тут вот тебе — экономика и прочие земные предметы наряду с магией, понять которую не так-то просто. Но меня это не очень расстроило. Меня вообще сложно расстроить. Здесь не так весело, как я рассчитывала, это правда, — но чудеса нужно творить своими руками (читай — устраивать веселье самому). Так что живется мне отнюдь не скучно.

Вот и сейчас, прежде чем вернуться в общежитие, я решила сделать крюк и совершить набег на казенный огород. Землянички — так мы называли магов, возящихся с землей, — выращивали на огромной площади, отведенной под огород, новые сорта всего, что можно было употреблять в пищу. Удачные результаты экспериментов отправлялись в нашу столовую, а семена и корни новых продуктов питания распространялись по всей стране.

У меня как раз закончились съестные припасы, а закупиться удастся только после завтрашнего экзамена. Можно, как обычно, пойти побираться по соседям, — на то она и общага — но мне очень уж хотелось поглядеть, что нового вырастили землянички.

Огород стоял в отдалении от зданий, спортплощадки и обустроенной для прогулок части парка; даже протоптанные пути в лес и соседние деревни проходили в отдалении. Землянички сделали все, чтобы заниматься своими овощами в тишине и покое.

У входа на территорию огорода меня встретил Апогей, приветственно залаяв. Я шикнула, и он замолчал, бешено молотя двумя хвостами. Апогей — не собака и даже не Апогей. Это экспериментальный образец под названием АПГ-42, внешне напоминающий короткошерстную красноглазую собаку исполинских размеров и с двумя хвостами. Тут,

вообще, куда ни плюнь — одни экспериментальные образцы. Вон в парке стоит дерево непонятого семейства и очень гордится своей уникальностью. А у Тиффани на окошке живет подаренная кем-то мухомашка — большая ромашка в цветочном горшке, но палец ей лучше в рот не совать. Мухомашке, конечно. Хотя и Тиффани тоже.

Но я считаю неправильным называть живое существо каким-то номером, так что АПГ-42 превратился в Апогея. Экспериментаторы задумывали сделать из него идеальный образец животного, способного охранять территорию без нареканий. Но я могу сказать, откуда у них руки растут, потому что Апогей ведет себя как самая настоящая дворняжка — приласкай его, и он тебя пропустит в любое время дня и ночи. Конечно, Апогей хорошо знает, что значит «не пускать чужих на территорию», но в «своих» у него числится пол-института. Так что держат его тут просто из жалости. Наэкспериментировали — придется и девать куда-то.

Я переступила через низкий заборчик, очерчивавший территорию огорода, и потрепала это создание, ничуть не переживавшее о своей судьбе. Апогей довольно подставлял уши, чтобы я за ними почесала, и мне почти не приходилось наклоняться.

— Ладно, Апогей, сторожи хорошо. — Я приложила палец к губам, чтобы он больше не лалял, и зверюга понимающе мотнула головой и вернулась в свою конуру.

Я прошла мимо хорошо знакомых мне теплиц и грядок с холодоустойчивыми сортами либо магическими полями вокруг. Теплолюбивые растения почили на зимнее время, и многие грядки пустовали. Поглядев по сторонам, я убедилась, что меня никто не видит, кроме укоризненно высившегося в отдалении здания общежития.

Я не воришка, я просто... экономлю время. Можно было бы написать заявление декану, причитая, что я бедная и несчастная, перевариваю только лично приготовленную пищу, не могу жить на столовском пайке, прошу выдать мне свежими продуктами. Но пока он одобрит мое заявление, я умру с голоду, поэтому в критические моменты я просто наведываюсь сюда сама.

А в столовую я больше не сунусь после найденного там таракана. Это жизнерадостное шестилапое создание просто шло по стенке по своим тараканьим делам и даже не догадывалось, что именно оно стало причиной дикого визга всех девчонок, находившихся тогда в столовой. Парни просто молча относили подносы с недоеденной пищей. Самые храбрые и самые голодные доели, что взяли, но в столовку больше никто не совался, пока руководство не объявило, что никаких тараканов там больше нет. Но лично я до сих пор брезгую ходить туда. Я насекомых не боюсь, но обнаружить их в своей тарелке никакого желания нет.

На глаза мне попались помижаны — помидоры, скрещенные с баклажанами. Синие на свету, они казались черными в темноте. Вкусная штука. Я протянула руку, и вокруг нее волнами пошел тусклый, еле видимый свет от термоизоляционного поля вокруг грядок. Сорвав парочку помижанов, я засунула их в карманы куртки. Прихватила также картошку и пару яиц. Яйца, выращиваемые на грядке (точнее, то, что выглядит как яйца, и точно такое же на вкус), — это лучшее изобретение земляничек. Вегетарианцы могут спать спокойно, цыплятам ничего не угрожает.

Я оглянулась вокруг в поисках новых овощно-культурных изобретений, прошла дальше по тропе между грядками. Вдруг я запнулась обо что-то большое, но не тяжелое. Коварный предмет откатился прямо мне под ноги, и чтобы не наступить на него, я попыталась сделать шаг в сторону, но получилось крайне неудачно: потеряв равновесие, я упала на землю, чудом ничего не примяв. Овощи посыпались из карманов. Чертыхнувшись, я поднялась на колени,

собрала свой будущий завтрак и обернулась, нашаривая в темноте причину своего падения. Наконец, я нащупала этот предмет. Он был твердым, матово-черным в свете лун, овальной формы и весил около килограмма, а рядом лежали тряпки, из которых он выкатился. И еще он был... теплым.

— Яйцо! — осенило меня.

Но я тут же нахмурилась. Откуда оно здесь? И чье оно? Яйцо было раз в шесть больше куриного. Я представила себе гигантскую курицу и покачала головой. В Эльсе чего только не водится, и яйцо может принадлежать кому угодно.

Вот только что мне делать с такой находкой? Я не большой специалист в высиживании яиц, но сдаётся мне, к утру оно замерзнет, если оставить его здесь. Вряд ли яйцо положили сюда специально — скорее всего, потеряли, хотя и странное местечко выбрали для прогулок с яйцом. Ладно, в таком случае я могу отнести его в тепло, а если кто-то будет искать, скажу, что оно у меня. Внутри яйца теплилась жизнь, и мне совсем не хотелось бросать маленькое существо на произвол судьбы. Лишь бы оттуда не вылупилось какое-нибудь кровожадное чудо-юдо.

Я бережно завернула находку в тряпки и направилась к выходу. Апогей выполз из конуры попрощаться со мной, и я сунула ему под нос яйцо.

— Это твое? — спросила я.

Апогей с энтузиазмом обнюхал тряпки и посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Пожалуй, яйцо великовато даже для исполинского Апогея. Не говоря уж о том, что высиживание яиц не входит в список его способностей.

— А чье оно, ты знаешь?

Апогей подумал и пожал плечами. Странное зрелище. Но, похоже, он понятия не имеет, откуда на грядках взялось яйцо. Хороший же из него сторож.

Я почесала ему за ушами на прощание и направила стопы к общежитию. Осторожно прикрыла за собой первую входную дверь и заглянула в проем второй, высматривая комендантшу, но в холле обнаружился только Лерой, продолжавший читать книгу.

Вряд ли комендантша осчастливит нас визитом посреди ночи, но перестраховаться не мешало. Ей лучше вообще не попадаться на глаза, даже если ты ничего не нарушаешь. Увидишь ее в коридоре — разворачивайся назад и прячься где-нибудь. Если мы знали, что она придет проверять комнаты, то всем общежитием сматывались куда подальше и пережидали бурю. Комендантша у нас — высокая и широкая бабища с зычным голосом и стальными нервами. Говорят, что в ней течет кровь горных троллей, и я склонна верить этим слухам.

Сегодня, к счастью, обошлось без нее.

Я вошла и показала Лерою пропуск. Он только скользнул по нему взглядом, как и по завернутому в тряпки яйцу и по оттопыренным карманам, но ничего не сказал и снова углубился в чтение книги — я заметила, что он читает книгу про Джеймса Бонда, которую я привезла ему после летних каникул. Лерою нравилась такая «фантастика». Для меня-то ничего фантастического в этих книгах не было — обычные романы о жизни в разных странах Земли или детективы, но Лерою ужасно нравились непонятные компьютеры, телефоны, автомобили и прочие устройства, которых не было в Эльсе.

— Спокойной ночи, Лерой, — кивнула я вахтеру.

— Спокойной, — отозвался он, не отрываясь от книги. — Удачи на экзамене.

— Спасибо.

В этом весь Лерой. Всегда вежливый, добрый. А если он на смене, выходить на улицу можно, когда хочешь. Он с пониманием относился к поре студенчества и позволял нам некоторые вольности. Со вторым вахтером, Филимоном, договориться намного сложнее. Он боялся, что, в случае чего, все шишки посыплются на него. Лерой относился к перспективе потерять работу более философски, и мы всегда старались его не подводить.

Я поднялась на свой третий этаж. Тут было довольно шумно: по коридорам периодически шастали неспящие студенты в поисках очередной порции бодрящего напитка или к соседу за советом. В одной из комнат раздался громкий хлопок от неудачно выполненного заклинания. Из другой вылезли корни растения — похоже, что переусердствовали с заклинанием роста. У меня уже не было сил и энергии присоединиться к всеобщему бодрствованию, да и Берек обещал помочь. Я отправилась к себе.

В нашем блоке было тихо: в моей комнате спала Тиффани, в другой — Динка. Ее соседка Ким, видимо, учила где-то в другом месте. Мы с Ким и ее братом-близнецом Тимом отлично ладили, но Тиффани запрещала нам с Динкой меняться комнатами, опасаясь, что мы с Ким вместе разнесем этаж по щепкам или, по крайней мере, доведем соседок до белого каления своими выходками. Я и сама не спешила съезжать: Тиффани помогала с домашкой или хотя бы заставляла учиться. С Ким я бы совсем расслабилась.

Я осторожно, стараясь не разбудить Тиффани, вошла в нашу комнату. Лунный свет не попадал в окно, и я наощупь двинулась вперед. Врезавшись в стол, сориентировалась в пространстве. Слева от меня, у стенки, стояли два письменных стола, мой и Тиффани. Справа — шкаф и двухъярусная кровать у окна, где уже спала моя соседка.

Овощи я бросила под кровать. Яйцо аккуратно положила на нижнюю полку моей половины шкафа. Для надежности завернула его еще и в запасной пододеяльник. Надеюсь, что оно не успело замерзнуть. Куриные яйца вроде бы кладут под лампочку, но с волшебными существами не угадаешь. Завтра разберусь.

Я быстро сбегала в ванную комнату, затем переоделась в любимую пижаму с котятками и нырнула под одеяло на нижнем ярусе кровати. Тиффани мирно спала надо мной и даже не шелухнулась. Можно выдохнуть — в ближайшее время разнос она мне не устроит. А если хозяин яйца обнаружится, то она ничего и не узнает. Тиффани с подозрением относится ко всему, что я притаскиваю в комнату, а уж если это яйцо какого-нибудь василиска или гарпии, она с меня шкуру спустит.

Я повернулась на другой бок и закрыла глаза. Свежий воздух подействовал умиротворяюще: я моментально заснула, и мне всю ночь снился Лерой, высиживающий яйцо, а вокруг него скакал Апогей с книжкой в руках.

Глава вторая

в которой я чувствую себя властелином мира благодаря волшебной книжице

На следующее утро Тиффани разбудила меня в восемь часов. Она уже успела прихорошиться, позавтракать и в идеальном порядке разложить на столе письменные принадлежности, тетради и учебники.

— Маргарита Лопухова, вставай! Не проспай экзамен.

У Тиффани такой строгий голос, что он буквально силком вытягивает меня из сна. Помнится, дома я никогда не слышала будильники по утрам, и маме приходилось долго меня трясти, чтобы отправить на учебу. Но Тиффани справляется одной фразой. Особый эффект производит мое полное имя — сразу мурашки по коже. Мне не хотелось вставать после ночных бдений, но впереди было столько дел, что я заранее попросила Тиффани растормошить меня в восемь. Пунктуальная до чертиков, она выполнила просьбу минута в минуту.

Первое дело с утра — полежать еще пять...надцать минут. Я боролась со сном, хлопая глазами. Тиффани сидела за столом, спина идеально ровная, и писала кому-то письмо. Жить с Тиффани тяжело, и мысли об этом посещают меня каждый раз, когда я на нее смотрю.

Во-первых, она ужасно красивая: правильные черты лица, фигура — на зависть моделям, стройная, с изящными женскими изгибами, ноги длинные. Волосы — светлые, до пояса, всегда с ровно подстриженными кончиками. Я бы тоже такие хотела вместо своей непонятной темно-русой копны. А глаза у Тиффани — редкого зеленого цвета. Не серо-зеленого и не каре-зеленого, а самого настоящего бутылочного. Смотришь на Тиффани — и невольно начинаешь завидовать. Особенно когда встаешь с утра, глаза не открываются, на щеке след от подушки, волосы растрепались — самая настоящая Баба-Яга, а Тиффани уже как огурчик. Я к огурчику имею отношение разве что по пупырышкам.

Во-вторых, она ужасно умная и собранная. Тиффани учится на пятерки, они с Динкой единственные сдают все вовремя. Она староста группы и один из представителей курса по организационным вопросам, на парах всегда отвечает первая, не давая остальным рта раскрыть, вступает в вежливые дискуссии с преподавателями, за что ее очень любят. А еще успевает посещать факультативы.

И в-третьих, что самое страшное, она прекрасно знает о своих достоинствах и не стесняется выставлять их напоказ. Она не хвастается, вовсе нет. Тиффани просто констатирует факты с непробиваемым спокойствием, причем это касается как достоинств, так и недостатков. С одинаковым безразличием она может признать как то, что ей идут юбки выше колен, потому что у нее красивые ноги, — так и то, что она неудачно подобрала косметику на последнее торжество. Тиффани — уникальное существо женского пола, которое не любит незаслуженные комплименты и уверения, что все в порядке, когда ничего не в порядке. Она никогда не бежит к подружкам, чтобы ее утешили, а просто решает все свои проблемы.

Я, конечно, восхищаюсь Тиффани, но когда дело касается других, она столько же непримирима. Когда я первый раз завалила зачет, и мне назначили пересдачу, я пошла искать у соседки утешения, причитая: «Надо было раньше учить» — на что Тиффани мне

ответила: «Да, надо было». Я, конечно, оторопела от такой прямоты, но Тифф не собиралась делать вид, что я ни в чем не виновата и это препод меня завалил. Однако она помогла мне подготовиться к зачету и сдать его. Так что за помощью с уроками и за жизненными советами я хожу к ней, а если надо поплакаться — это уж к кому-нибудь другому.

— Рита, ты встаешь или нет? — спросила Тиффани, закончив письмо.

— Да-да. — Я окончательно проснулась и выпрыгнула из кровати, сунув ноги в тапочки с бурыми медвежьими мордочками и занявшись утренней гимнастикой. Мои упражнения больше походили на безумные прыжки и махи. — Кому ты пишешь?

— Родителям. — Тиффани заклеила конверт и положила его на заранее подготовленную коробку с сувенирами. — Хочу предупредить их, что в эти каникулы приеду позже.

Тиффани — моя землячка в широком смысле слова. Мы с одной планеты, но Тиффани — из Англии. Я бы скорее подумала, что она немка, но Тиффани вообще ни под какие стереотипы не подходит. А говорим мы в Эльсе все равно на одном языке (магия какая-то, меня не спрашивайте).

— Почему ты хочешь остаться? — поинтересовалась я.

— Чтобы сходить на бал, конечно.

Я замерла в наклоне и наострила уши.

— Какой такой бал?

Тиффани вздохнула.

— Вчера сказали, что в честь успешно закрытой сессии в главном корпусе устроят бал. Всем студентам и преподавателям вход свободный. Ты что, ничего не слышала? — Она встала, подхватила конверт и посылку, и направилась к двери. — Разогнись, а то так и останешься скрюченной. И для начала сдай экзамен, потом будешь думать о бале.

Тиффани вышла, захлопнув за собой дверь. Я приняла вертикальное положение, сияя, как начищенный котел. Бал — это веселье, танцы и вкусная еда. Но Тиффани, как обычно, права — сначала надо сдать экзамен.

Я открыла шкаф, и на глаза мне попало яйцо. Совсем про него забыла. Я осторожно развернула тряпки и ощупала скорлупу. Она оказалась черной, с темно-синими прожилками — довольно устрашающий вид. Яйцо нигде не повредилось и все еще было теплым, хотя и не таким, как вчера. Я очень надеялась, что с ним все в порядке.

Завернув яйцо обратно, я оставила его на темной полке шкафа и достала чистое платье, повесив его на крючок около кровати. Ради последнего экзамена не грех и принарядиться. Я закрыла дверцу, и яйцо осталось лежать в темноте.

Полдевятого утра. Экзамен в десять. Еще полно времени!

Выкопав из-под кровати драгоценные овощи и яйца, я отправилась на одну из двух кухонь, находившихся в разных концах коридора. Здесь по левую руку стояли плитки, работающие на волшебстве или на бог его знает чем еще, но точно не на газу или электричестве. Справа протянулись столы со стульями, настенные шкафчики над ними, а в углу — высокий холодильник с наложенными на него чарами заморозки. Пустое место посередине занимал столпившийся народ, соображая себе местный аналог кофе или чего покрепче, и я бодро всех поприветствовала. Мрачные, невыспавшиеся лица недовольно обернулись на слишком радостный звук и застонали, как ходячие мертвецы, завидевшие аппетитную жертву. Я перестала улыбаться и по стеночке протиснулась к свободной плите, стараясь прикинуться не слишком бодрой. На этаже шла холодная война между теми, кто

поспал, и теми, кто всю ночь не сомкнул глаз, и я не хотела попасть под горячую руку.

Я зажгла ровное белое пламя на плитке и поставила сверху большую казенную сковородку. Покрошила овощи, залила яйцами. Пока я ждала завтрак под громкое урчание собственного желудка, ко мне подкатил Тим. В обычное время он был энергичен и бодр, но пятый экзамен его доканал. Его серые глаза потускнели и приютили под собой громадные мешки, каштановые волосы не расчесаны, кажется, с последнего экзамена и торчат во все стороны. Подбородок зарос мужественной щетинкой. В одной руке Тим держал учебник по практической магии, в другой — громадную чашку с местным бодрящим напитком. Интересно, его сестра-близнец тоже так плачевно выглядит?

— Привет, — выдохнул он.

— Привет, — отозвалась я. Слишком много бодрости в голосе. Тим подозрительно на меня уставился.

— Ты что, спала ночью? — спросил он таким тоном, словно я нарушила священный закон.

Я виновато пожала плечами и предложила ему омлет с овощами — все равно его много. Тим с радостью согласился, и мы по-братски поделили завтрак, присев за одним из столов. Бесперывный поток однокурсников тек мимо нас, на кухню и обратно, стремительно поглощая общие запасы напитков. Кофе кончилось, в дело пошел чай и травяные настои.

— Ты что, все выучила? — спросил Тим и принялся за омлет.

Я скривила лицо, показывая, что не выучила, а «забила». Надеюсь, попадется то, что я знаю.

— Берек обещал мне помочь со шаргалкой, — поделилась я. Это меня частично успокаивало.

— Берек? — пробурчал Тим. — И что за шаргалка?

— Какая-то книжка с подсказками, не знаю. Я к нему еще не ходила.

Тим покачал головой.

— Я бы не доверял ни этим книжкам, ни Береку.

— А ты что, собираешься так сдавать? — восхитилась я.

— Именно. — Тим гордо просиял, но тут же скис: — Если б я писал шпоры, пришлось бы переписывать весь учебник.

Я догадалась, что Тим тоже забил на экзамен, но судный день близился, и мой друг начал подозревать, что «авось» не прокатит. В последний момент сел хоть что-нибудь подучить.

Я в два счета доела омлет, вымыла за собой тарелку и, пожелав Тиму удачи, заскочила в свою комнату. Переоделась в платье, взяла сумку и бросилась в библиотеку. До экзамена почти час, но я хотела прийти к кабинету пораньше, чтобы по праву первенства занять место на «камчатке».

Общежитие и второй учебный корпус очень удобно соединял крытый коридор, и не пришлось выходить на холод. По дороге я встретила счастливых третьекурсников, вчера отмучавшихся с последним экзаменом и планировавших закатить празднование по этому поводу — они отнесли все документы в деканат и сейчас собирались пойти в ближайшую деревню за покупками. Они поинтересовались, какой у меня предмет, и сочувственно пожелали удачи.

Я вошла в коридор учебного корпуса, оттуда — в холл, откуда несколько дверей вели на улицу, в другое крыло, на второй этаж и в библиотеку, куда я и направилась. В библиотеке

торчали перваки, еще не расправившиеся с первой сессией, и дружно читали учебники за длинными столами слева от входа. Справа, у стены, высился обширный каталог, и какой-то первокурсник, привстав на цыпочки, лихорадочно рылся в верхних ящиках. Он и сам не знал, что ему надо было, иначе бы Берек отыскал книгу в два счета.

Самого хранителя библиотеки на месте не было: его стол напротив входа пустовал. Со второго яруса раздалось «псс», и, подняв голову, я увидела Берека. Он приветственно махнул рукой и спустился вниз по винтовой лестнице.

В прошлом году Берек еще учился в этом же институте, а после выпуска остался здесь работать. По нему и не скажешь, что он такой начитанный — вид у него самый разгильдяйский: кожаная куртка, ухо проколото. Недавно еще и бакенбарды отрастил, писк моды. И ведет себя хамовато для библиотекаря. Но все же книги — его страсть, Берек любит читать, анализировать, критиковать и даже сам что-то сочиняет. В библиотеку он устроился, только чтобы спокойно учиться в магистратуре и писать диссертантскую по современным методам обучения теоретической магии, и мне будет его не хватать, когда он закончит. Но очень надеюсь, что в качестве преподавателя он сюда не устроится, иначе все его пары превратятся в бесконечные подколы.

Берек устроился за своим столом, вынул из ящика малоформатную книжечку, но не спешил отдавать ее мне. Конечно же, для начала надо поехидничать.

— Ну, как подготовка к экзамену? — спросил он, насмешливо сузив карие глаза.

— Все очень плохо, ничего не знаю, на тебя вся надежда, мой спаситель. — Я шутливо поклонилась ему, воздев руки, и он торжественно вручил мне книжицу.

Я заглянула внутрь — страницы были исписаны таким мелким почерком, что и не прочитаешь.

— Прошепчи, что тебе нужно, и книга подскажет, — пояснил Берек. — Можешь очень тихо, она все равно услышит.

Я наклонилась над книжкой и тихо, почти беззвучно шепнула: «Как превратить ложку в вилку?». Книга раскрылась и негромко, но отчетливо подсказала мне заклинание превращения одного металлического предмета в другой, посоветовав держать в голове необходимый образ, а еще лучше снабдить заклинание стишком по теме. Стихи частенько помогали направить магию в нужное русло, но великие магистры считали такое рифмоплетство ниже собственного достоинства. Да и попробуй быстро сочинить стишок с точным указанием, чего ты хочешь. Но я слышала, что мощные заклинания часто произносятся в сопровождении баллад на древнем языке.

— Смолик же услышит, — разочарованно простонала я. Хорошая вещь эта книга, но на экзамен не сгодится.

— Не услышит, — подмигнул Берек.

Хранитель библиотеки отобрал у меня книгу и что-то прошептал над ней. Она бесшумно раскрылась на другой странице — и тишина.

— Что? Не сработало? — не поняла я.

Берек с хитрой усмешкой захлопнул книгу и вернул ее мне.

— Еще как сработало. Я-то услышал подсказку.

Я восторженно ахнула. Мне останется только исхитриться, чтобы книга не попалась Смолику на глаза, — и готово! В моих руках гарантированная подсказка к экзамену, которую услышу только я!

— Берек, ты чудо! — громко воскликнула я.

Перваки обернулись и зашикали. Вот понабрали наглую молодежь, указывают старшим. Я показала им язык.

— Берек, что я тебе должна за это? — уже тише спросила я.

Он довольно улыбнулся и почесал левую бакенбарду.

— Да ничего, — великодушно произнес он. — Бескорыстно помогаю товарищу в беде. Но если что — я знаю, к кому обратиться.

Я согласно закивала. Мне не жалко будет помочь Береку, если он попросит.

Тихие библиотечные часы, которые никогда не били, — только кукушка молча вылезала каждый час и горестно разводила крыльями, — показывали девять пятнадцать. Я рассыпалась перед Береком в благодарностях и умчалась на экзамен в приподнятом настроении.

Глава третья

в которой волшебная книжка кричит не жутко громко, но запредельно близко, раскрывается тайна невыеденного яйца, и совершается месть преподавателя

Выйдя из библиотеки, я пересекла холл, поднялась на второй этаж и с удовлетворением обнаружила, что пришла первой. Минут пятнадцать просидела на скамейке перед закрытым кабинетом, разглядывая голые зеленые стены и медитируя над своей волшебной книжкой. Потом пришла Динка, как всегда, с аккуратно забранными кудряшками, в круглых очках на пол-лица. Ее опять припахали к работе: Смолик попросил открыть кабинет и взять за него ведомость в деканате. Надеюсь, он сам не забудет прийти на экзамен, а то в прошлом году спустя час после начала пришлось играть всей группой в «ведьму-чары-меч», пока не определился «победитель» — его отправили к Смолику напомнить, что у него тут экзамен идет. Счастливицей стала Ким, и она упорно не хотела принять поражение, но мы вытолкали ее за дверь и не пускали обратно, пока она не дошла до преподавательской.

Динка открыла дверь, и я поспешила занять место на последней парте среднего ряда. Кто первый встал — того и тапки, известное дело. Динка села передо мной, хотя вот уж кому экзамена бояться, так только не ей. По учебе она ничуть не отстает от Тиффани, недаром они так сдружились. Вот только по характеру она совсем другая — жутко стеснительная, рта лишний раз не раскроет. И все время думает, что ничего не знает, хотя все знает. Иногда так и хочется треснуть ей по голове, чтобы перестала паниковать, — все равно ведь все сдаст, как обычно! Зато она и добрее Тиффани, к ней всегда можно прийти, когда хочется выговориться или поплакать. Динка просто молча слушает, а у тебя создается впечатление, что ты кому-то важен и нужен, и чувство собственного достоинства сразу поднимается до небес, и жизнь кажется не такой плохой. Подозреваю, что Динка в такие моменты просто думает о чем-то своем и терпеливо ждет, пока нытик уйдет восвояси, но какая разница, если людям становится лучше.

— Как ты, Рита? — спросила она, обернувшись и поправив очки. — Выучила?

Я мрачно на нее посмотрела. Если я скажу, что ничего не выучила, Динка посетует, что тоже плохо знает материал, но ее «не выучено» и мое «не выучено» рядом не валялись. Мне не хотелось разводить в своей душе панику перед экзаменом, поэтому я ограничилась лаконичным:

— Ну, так, — и сменила тему, соврав: — Тебе Берек привет передавал.

Динка покраснела и сказала только: «О...». Берек и Динка просто из какой-то мыльной оперы вылезли: она влюблена в него по уши и ни с кем другим встречаться не хочет. Не знаю, предлагал ей кто-то или нет, но она так очевидно страдает по Береку, что все вокруг об этом знают. Кроме самого Берека. Он — персонаж-тугодум, который в конце сериала должен осознать свою ошибку, понять, что любит Динку, и предложить ей руку и сердце. Потом должны петь песни, танцы и закат, куда можно уйти, держась за руки.

Но жизнь, конечно, — не мыльная опера. Несмотря на весь свой интеллект, Берек никак не догадается, что нравится Динке. А она, бедная, постоянно крутится в библиотеке — то книжку возьмет почитать, то к экзаменам придет готовиться. И дело не в том, что она не

нравится Береку — он сам согласился, что она милая, когда я закинула эту удочку. И общих интересов у них полно, я не раз видела, как они о чем-то оживленно болтают в библиотеке, когда она приходит за новыми книгами (а скромная Динка даже с Тиффани так не щебечет). Просто он вообще пень по части девушек. Считает, видимо, что еще слишком молод для отношений, а то, что симпатичную и умную Динку того и гляди кто-нибудь уведет, он и не догадывается.

Надо бы помочь этим двоим, да не с руки. Мы на первом курсе шутки ради заключили пари, чем кончится их история. Сейчас вроде одумались, нехорошо так делать, но на кону стоят деньги, и мы обещали не вмешиваться в их отношения. Да и очень уж любопытно, кто из них первым догадается признаться другому.

Динка при упоминании Берека смутилась и замолчала. Повисла неловкая пауза, которую, к счастью, скрасил проскакавший по коридору табун одnogруппников, застопорившийся в дверях. Парни толкали друг друга, пытаясь войти быстрее остальных и занять лучшие места. Среди них орудовала локтями Ким, остальные девушки маячили позади, пытаясь как можно деликатнее отпихнуть друг дружку.

Наконец, ребята протиснулись, и самые удачливые заняли последние парты. Остальные со стоном расселись впереди. Опоздавший Кристоф окинул класс удрученным взглядом и издал отчаянный вопль: «О, неееет!». Позже всех появилась Тиффани, за пять минут до начала экзамена. Она с королевской грацией вошла в кабинет и села на первую парту среднего ряда, напротив преподавательского стола. Это Проклятая Парта — садящийся за нее отвечает первым. А так как ученических столов на экзамене всегда в аккурат по одному на брата, кто-то вынужден приносить себя в жертву. К счастью, у нас есть Тиффани, которая добровольно занимает эту Парту. Так что Кристоф может радоваться, что хоть отвечает не первым.

Тиму повезло занять место на последней парте, слева от меня. Ким села впереди него. Она выглядела далеко не так плачевно, как ее брат: усталость выдавали только круги под глазами.

— Рит, покажи свою книжку-шпаргалку, — попросил Тим.

Я протянула ему свой спасательный круг. Спасательный прямоугольник, если точнее. Тим и Ким склонились над книгой. Никто при взгляде на них даже не подумал бы, что они брат и сестра, не то что близнецы. Разного роста, с непохожими чертами лица, они делили на двоих только серый цвет глаз. Может, и волосы у них были одинаково каштановыми, но Ким постоянно красила свои — сейчас она щеголяла с огненно-рыжим цветом, хотя еще неделю назад он был синим. Зато по характеру они были очень даже похожи и любили одно и то же. Разве что Ким училась чуть получше, да и то, наверное, из-за влияния Динки.

Близнецы быстро разгадали секрет моей книги и принялись выпытывать у нее разные заклинания. Пришлось надавать им по рукам и отобрать книгу.

— Не тратьте заряд! — возмутилась я.

— А что, у нее есть заряд? — поинтересовалась Ким. — И надолго ее хватает?

— Понятия не имею, но проверять не буду.

Кто, если не я, хорошо знает, что бывает, когда телефон отключается во время контрольной. Природа магических книг мне неведома, но не могут же они работать бесконечно! Я положила книжку на стул и села на нее сверху, таким образом, прикрыв ее своей филейной частью.

Пробило десять часов, о чем нервно возвестили с первых парт. Наступила гробовая

тишина. Каждый надеялся, что Смолик не придет, и экзамен оттянется. Но в этот раз профессор удостоил нас своим визитом, опоздав всего на пять минут. Он грузно протиснулся в дверь, мы почтительно встали, дрожа в коленках, а он только махнул рукой — садитесь, мол, за семестр достаточно наздоровались.

Профессор Смолик был высоким, круглым и лысым. Его можно было бы принять за крупного человека, если бы не массивная нижняя челюсть и выступающие из-под нижней губы клыки. А если бы он оброс шерстью, то больше всего смахивал бы на медведя.

Смолик положил свой неизменный портфель на стол и присел. Стул натужно скрипнул под ним, но выдержал это испытание. Профессор не обратил никакого внимания ни на стул, ни на воцарившуюся тишину. Он умел так поставить себя, что даже сломайся под ним стул, это ни у кого не вызвало бы жестокой насмешки. Неторопливо, словно нарочно испытывая наши нервы, Смолик достал из портфеля журнал с оценками и посещаемостью за семестр, лизнув палец, пролистал до нашей группы. Вынул ручку и деревянную линейку, стопку черновиков на наши нужды, листы с заданиями, билеты. Убрал портфель, проглядел ведомость.

Я сидела, как ужаленная, книжка-помогалка жгла мягкое место. Кристоф на первой парте нервно задержал ногой, но резко прекратил, когда профессор взглянул в его сторону.

Смолик обвел взглядом класс и не удержался от усмешки — он любил припугнуть студентов. И у него хорошо получалось.

— Ну, что, господа студенты? — привычно завел он. — Готовы к экзамену?

Послышались вялые невнятные ответы, и только Тиффани четко сказала: «Да!». Смолик бросил на нее взгляд, в котором скользило разочарование: у меня складывалось впечатление, что ему больше нравились нервные студенты, неуверенные в своих знаниях, из которых можно выжать все соки и только потом поставить заслуженную оценку. Из Тиффани еще никому не удавалось выжать не то что все соки, но и полстаканчика оных, и для преподавателя-садиста не было никакого удовольствия принимать экзамен у такой уверенной студентки.

Смолик передал на каждый ряд пачку контрольных листов и черновиков, и те с шуршанием расползлись до самой «камчатки». Я получила лист самой последней и взгляделась в задание.

— Ну, вы знаете, что делать, — просто развел руками профессор.

Что делать, я знаю. Но как? На листке числился список пятнадцати всевозможных ситуаций, под которыми нужно было вписать подходящее заклинание или ответить на вопрос. Я скосила глаза в сторону Тима. Он жалостливо продемонстрировал мне свой листок, и я, сощурившись, разглядела заголовок его задания. Покачала головой — варианты разные, помочь ничем не могу. Тим вздохнул и уставился в листок.

Я накарябала в углу фамилию и приступила к заданию. Вписала все, что знала сама: заклинание увеличения роста неживых объектов, условия использования заклинания Оллитви Дикс, ограничения на изменение структуры твердого вещества и несколько других вопросов, осевших в моей голове. После письменной части нас ждет еще практическая — демонстрация применения тех или иных заклинаний. В практике я не уверена — плохо тренированные заклинания обычно превращаются у меня в черт-те что, а если я буду сильно волноваться, так и вовсе устрою тут взрыв или пожар. Поэтому наляжем на письменную работу — у меня же есть волшебный справочник.

Я тихонько вынула из-под попы книгу и положила на колени. Пошевелила губами,

словно прочитывала вопрос про себя. Книга послушно раскрылась, не зашелестев ни одной страницей, и принялась диктовать ответ — только успевай записывать. Время от времени я поглядывала в сторону Смолика, но передо мной сидел целый ряд одноклассников, и мы с профессором были лишены сомнительной перспективы лицезреть друг друга.

Книга успешно справлялась со всеми вопросами, и Тим только кидал на меня завистливые взгляды. Я решила поскорее расправиться с тестом и как-нибудь передать ему книжку. Десять вопросов уже были позади, и осталось всего пять. Так я быстрее Тиффани справлюсь!

— Как изменить цвет твердого вещества? — шепнула я.

— Пробная версия закончена! Для дальнейших подсказок отправьте пять золотых по адресу: Зачарованный лес, Избушка-на-страусиных-ножках! — известила вдруг книга отчетливым голосом.

Я вздрогнула, но заставила взять себя в руки — книгу же никто не слышит, кроме меня. Однако все головы дружно повернулись ко мне, и я сглотнула. Смолик медленно поднялся из-за стола и вскинул брови. Он даже не искал виноватых и посмотрел на меня. Чуть что, сразу я!

Я лихорадочно пыталась придумать, куда деть книжку, но физических решений не находилось, а разве ж проведешь профессора магии магией? Он без усилий заставил справочник вылететь из-под парты. Я пыталась удержать его в руках, но с позором провалилась — после нескольких секунд молчаливой борьбы книга выскользнула и полетела Смолику прямо в руки. Он с любопытством осмотрел сие литературно-магическое произведение, крикнул и левитировал его обратно. Книга с укоризной приземлилась на парту передо мной.

— Эх, студентка Лопухова, как же вы так лопухнулись.

Я смолчала. Не он первый так шутит, не он последний. Пусть смеется, лишь бы экзамен принял. Но это в его планы пока что не входило.

— Что ж, Лопухова, придете на пересдачу, — притворно-скорбным голосом возвестил он, словно не от него зависела моя судьба. — Время назначу позже. Хех.

Я скорбно кинула свои вещи в сумку и направилась к выходу, пунцовая от стыда. Впрочем, за дверью это быстро прошло. Смолик — не самый плохой преподаватель. К тем, кто прилежно учится, он относится благосклонно. Но и остальных не валит, в отличие от некоторых преподавателей. Только любит поиздеваться — посмеяться или поиграть на нервах. Как большой сытый тигр, гоняющий мышку, а она, бедная, и не знает, что он сыт и отпустит ее, наигравшись. Смолик запросто устроит пересдачу с утра пораньше, чтобы помучить меня недосыпом. Но это я стерпеть могу. В конце концов, сама виновата.

Но не я одна! Ух, и устрою я Береку сладкую жизнь за такую подставу! Но для начала, раз уж меня выгнали, надо воспользоваться положением. Я решила подглядеть в замочную скважину, какие заклинания будут в практической части. Но круглая дверная ручка вдруг выпрыгнула со своего места и пребольно ударила меня по лбу. Намек понят. Потирая ушиб, я пошла разбираться с Береком.

— Мне очень жаль, — только и сказал он, когда я спустилась в библиотеку и во всех подробностях и с излишним драматизмом рассказала про экзамен. Злополучная книжка лежала перед хранителем библиотеки, и когда он проверил мои слова, снова затребовала пять монет.

Первокурсники, все еще торчавшие за столами, недовольно забубнили, но я так

зыркнула на них, что они прикусили языки и поспешили ретироваться в более спокойное место. Библиотека опустела, и только я осталась метать молнии в Берека.

— «Мне очень жаль»? — с нажимом процедила я. — Это все, что ты можешь сказать? Меня с позором выгнали с экзамена!

Вообще-то, пока я шла к библиотеке, я совсем успокоилась и не злилась на Берека, но ему этого знать необязательно. Так что я напустила на себя еще более строгий вид.

— Я не знал, что так выйдет, — оправдывался хранитель библиотеки, но как-то не очень искренне. Я догадалась, в чем дело.

— Все ты знал! — воскликнула я, на этот раз по-настоящему возмущившись. — Хотел проверить на мне книжку, да? Ах, ты...

Случайный выброс магии с моей стороны ужалил Берека, и он громко ойкнул.

— Ладно, ладно, не злись, — замахал он руками. — Прости, что так вышло. Я буду тебе должен, хорошо?

— Другое дело, — кивнула я. И тут же вспомнила, чем он может помочь. Перестав притворяться злой, сказала: — Я кое-что нашла. Можешь взглянуть?

Берек поднял на меня взгляд, полный сожалений, что вообще со мной связался. Он явно с подозрением отнесся к моей просьбе и не хотел ни на что «глядеть».

— Сейчас я не могу, — попытался отнекиваться он. — Надо следить за библиотекой...

— А потом не могу я — Тиффани вернется с экзамена. Ничего, устроишь перерыв на обед. Да не трясись ты, я просто нашла какое-то яйцо — надо узнать, чье оно. Не хочу, чтобы у меня в шкафу вылупилась мозгожуй.

Берек заметно повеселел, услышав, что нужно лишь определить тип яйца. Перспектива столкнуться с мозгожужем его не испугала: во-первых, никакого мозгожуя нет, и я просто выдумала его для красного словца; во-вторых, что бы там ни вылупилось, от самого рождения оно вряд ли опасно.

Берек закрыл входную дверь на опознавательное заклинание — теперь войти мог только он и преподаватели. Для них библиотека была открыта круглые сутки.

Лерой все еще дежурил на вахте в общежитии, и Берек радостно его поприветствовал. Заняв должность библиотекаря, он переехал в хоромы, — так мы звали общежитие для преподавателей, обустроенное намного лучше нашего — и с тех пор он у нас не бывал. Берек в годы учебы водил дружбу с Лероем, как и все мы, но я не дала ему остановиться и поболтать.

— У нас дела, — напомнила я, дернув парня за рукав кожаной куртки. — На обратном пути наговоришься.

Мы поднялись по лестнице. На нашем третьем этаже продолжалась какофония из голосов, сильнее всего шумели на кухне, ближайшей к лестнице.

Всего нас тут жило около восьмидесяти человек. Мы учили одно и то же, на лекции ходили всем скопом, на практические занятия — по группам. Две группы ушли на экзамен: моя — к Смолику, вторая — к преподавательнице, чьего имени я не помню, у нас она не ведет. Другие две группы остались паниковать и ждать своего часа.

Я потянула Берека в комнату, но для этого пришлось пройти мимо кухни, где входные двери отсутствовали в принципе. Меня, конечно же, заметили и тут же понеслись в нашу сторону со всех ног, желая узнать подробности экзамена. Я кинулась прочь, таща за собой Берека, и крича, что ничего не знаю, я экзамен завалила, и вообще отстаньте. Но они не отставали.

Мы с Береком успели добежать до блока и заперли дверь изнутри. Толпа снаружи требовала ответов, грозясь ворваться силой, и пришлось рассказать им, какие мне попались вопросы на письменной части. Снаружи раздавались только скрипы карандашей. Но когда я закончила, они никак не желали верить, что больше я ничего не знаю, и задавали одни и те же вопросы по сто раз.

— А какое настроение у Смолика?

— Списать реально?

— Смолик очень разозлился, когда тебя выгнал?

— А где ты взяла свою книжку?

И все в таком духе. Берек вынужден был запустить в моих однокурсников каким-то заклинанием через замочную скважину, и они, наконец, отстали.

— Мда, придется мне сидеть тут, пока они не уйдут на экзамен, — тоскливо заметил Берек.

— Тиффани скоро вернется, отвлечет их внимание, тогда и выберешься, — утешила я.

Мне не терпелось показать находку. Я пустила Берека в свою комнату, и, пока он с интересом разглядывал мухомашку на окне, вынула яйцо из шкафа и аккуратно положила на свой стол, развернув тряпки. Хранитель библиотеки ахнул и протянул руки к черной скорлупе, прикоснувшись к ней, как к святыне. Ощупал от узкого кончика до широкого, провел пальцами по синим прожилкам.

— Ну? — не выдержала я.

— Это яйцо дракона, — восторженно объявил Берек, отлипнув, наконец, от моей находки. — Никогда не видел их вживую. Да я и драконов никогда не видел.

— Драконье? — ахнула я. — Здорово!

— Подожди радоваться. Где ты его нашла?

Я рассказала ему про вчерашнее ночное похождение, и Берек надолго задумался.

— Странно... Оно просто лежало между грядок? — Я кивнула. — И АПГ... то есть Апогей не видел никого чужого? — Я покачала головой.

Берек присел на нижний ярус кровати, а я убрала яйцо в шкаф и пристроилась на стуле напротив.

— Что все это значит? — озадаченно спросила я. — Я во что-то вляпалась, да? Может, отдать кому-нибудь яйцо?

— Вляпалась-то уж точно, — невесело хмыкнул Берек. — Но с яйцом делай, что хочешь.

— Это как? — оторопела я. — Ты что, не запретишь мне выращивать дракона в общежитии, если я захочу?

— Нотаций читать не буду, — улыбнулся Берек, но тут же снова стал серьезным. — Слушай... яйцо не могло просто так оказаться там, где ты его нашла. Драконы живут изолированно, среди людей не появляются, охотиться на них запрещено, иначе бы их давно перебили ради ценной чешуи и органов. Единственное объяснение, которое я могу придумать, — яйцо положили туда для передачи третьим лицам.

— Ты имеешь в виду... контрабандистов? — уточнила я, поймав мысль.

— Именно. Кто-то выкрал у драконов яйцо и оставил в условленном месте. На их беду, кое-кто слишком много ест и шастает по ночам по огородам.

Я вытянула ногу и легонько подопнула Берека. Он засмеялся.

— Это хорошо, что ты там оказалась. Ты спасла этого дракончика. Представляю, как

расстроились покупатели, ничего не найдя в условленном месте.

— Почему ты так уверен, что это контрабандисты? Может, яйцо... ну, не знаю, провалилось в случайно образовавшееся искривление?

Берек бросил на меня снисходительный взгляд.

— На территории института не бывает случайных искривлений, его бы сразу засекли. Да это вообще штука исключительно редкая.

— Ну, еще что-нибудь случилось? — не уступала я.

— Что? Мимо пролетал дракон и потерял яйцо? — фыркнул Берек. — Они живут в горах к северу отсюда — Драконьих горах, как ты можешь догадаться. И с яйцом они просто так не расстанутся... Слушай, я до вечера могу рассказывать. Давай я лучше подберу тебе книги, сама считаешь. А мне пора обратно в библиотеку.

Берек поднялся с кровати и направился к выходу, но я бросилась ему наперерез. Стоя рядом, он возвышался надо мной на целую голову.

— Подожди, подожди, а мне-то что делать?

— А что ты хочешь делать? — хмыкнул он.

— Конечно, оставить его себе, — пробурчала я. — Но ведь... разве можно?

— Зачем я, по-твоему, рассказал свою догадку про контрабандистов? Не смекаешь? — Берек вздохнул. — Мы не знаем, ни кто принес сюда яйцо, ни кто должен был его забрать. Но это минимум два человека из нашего института, ведь посторонний не пройдет сюда незамеченным. Хочешь рискнуть и рассказать кому-нибудь из преподавателей — валяй, но я бы не советовал. Если обратишься не к тому человеку, мы больше не увидим ни яйцо, ни тебя.

— Да ну... — засомневалась я. — Никто из них бы не...

— Вот именно.

Да, тут Берек прав, пожалуй. Не могу представить, чтобы хоть один из наших преподавателей занимался распространением или скупкой контрабанды — а значит, это может быть любой из них. И любой из студентов... ну, кроме младших курсов, пожалуй. У нас ни силенок, ни денег. А еще есть служебный персонал...

— Может, это ты контрабандист, — сказала я.

— Если так, тебе крупно не повезло, — усмехнулся Берек. — Но к счастью, я слишком занят, чтобы заниматься контрабандой. Так что можешь выдохнуть, твой дракон в безопасности.

— Но я же не могу растить его все оставшиеся пять с половиной лет обучения.

— Да, Тиффани его заметит, когда он перестанет влезать в шкаф, — согласился Берек.

— Я серьезно! Нам вообще животных нельзя, а дракон — не хомячок, его под мышкой не спрячешь. И чем его кормить? Как вообще яйцо высидеть для начала? Не понимаю, почему ты так спокоен!

Берек отвесил мне щелбан, чтобы я замолчала и успокоилась. Он угодил как раз туда, куда до этого ударила дверная ручка, и я, ойкнув, потеряла больной лоб, но замолчала.

— Перестань паниковать, — сказал Берек. — Слушай и запоминай: яйцо оставь в шкафу, но бери в руки как можно чаще, драконы не любят одиночество и чувствуют присутствие других существ даже через скорлупу. Кормить будешь чем угодно, они всеядны, но лучше не забывать про молоко и мясо. А когда он подрастет и научится летать, сам вернется в горы.

— Что, правда? — не поверила я.

— Драконы — очень умные существа. Они знают, где их родители и дом на каком-то подсознательном уровне. Ты еще сама будешь скучать, когда он улетит. Ладно, заходи как-нибудь в библиотеку. Не поверишь, сколько всего можно узнать из книг.

Я пропустила подкол мимо ушей и отступила в сторону, давая Береку пройти. Ему явно не хотелось влезать в эту историю, и я его понимала. Раз уж подобрала яйцо, сама и буду за него отвечать.

Из блока Берек выскочил в общий коридор, готовясь отбиваться от студентов, но они все скопились около лестницы. Я выглянула узнать, в чем дело. Похоже, что Тиффани вернулась с экзамена, и ее облепили сокурсники. Ее это надолго не остановит, быстренько всех прижучит и пройдет мимо. Берек кивнул мне на прощание и ушел, протиснувшись мимо толпы, а я пошла обратно в комнату.

Когда вошла Тиффани, я уже переделалась в штаны и кофту и натягивала куртку.

— Какая оценка? — из вежливости спросила я.

— Пять. — Кто бы сомневался. — Мне досталось изменение формы твердого тела без потери объема.

Эх, это и я умею, более-менее.

— А ты куда? — спросила Тиффани.

— Погуляю, воздухом подышу, — туманно отозвалась я. Сделаю вид, что слишком расстроена из-за экзамена, пусть не допекает меня нравоучениями.

Но пошла я не просто погулять, а еще раз наведаться на место преступления. Если кто-то был там после меня, он мог оставить улики. Детектив Рита Лопухова идет по следу.

На самом деле, мне не хотелось связываться ни с какими контрабандистами. От мысли, что даже Лерой или старый-добрый Хеиван, или Смолик может оказаться преступником, становилось не по себе. Но если я смогу выяснить, кто приходил вчера ночью к месту встречи, то буду знать, кого точно избегать.

Апогей снова приветствовал меня у ограды. Кто бы тут вчера ни побывал, он явно приласкал двухвостого пса, чтобы тот его пропустил. Подружиться с Апогеем можно без проблем — почеси ему за ушами или дай кусок мяса.

Я перешагнула через заборчик и пошла туда, где вчера запнулась о яйцо. Но там ничего подозрительного я не нашла. На твердой земле между грядками не оставалось явных отпечатков ног, а преступники не сделали мне одолжение в виде забытого фамильного браслета или визитной карточки.

— Что ты тут делаешь? — окликнул меня подошедший старшекурсник. Он стоял с другой стороны грядки, руки по локоть выпачканы в земле, грязь на коленках. Когда буду выбирать себе специальность в следующем году, земляничек обойду стороной, не хочу так же сидеть на корточках и копать в земле.

— Моя подруга потеряла тут сережку, — соврала я. — Попросила меня поискать. Ты не видел?

— Нет. Какая подруга? — с подозрением протянул он.

— Ээ... Мириена. — Так, кажется, зовут одну третьекурсницу с их факультета. — Ладно, тут ничего нет, пойду я...

Пришлось развернуться и уйти. Парень не стал меня останавливать — поверил, наверное.

Мне не хотелось проводить время с Тиффани, и я отправилась на прогулку. Апогей увязался за мной, оставив свою бесполезную службу в конуре, и вместе мы дошли до

Озерного леса, служившего границей институтской территории, прогулялись под елками и пошли обратно. Пес по дороге весело махал двумя хвостами и носился по жухлой траве. А я наполнила карманы зимними орехами.

В общежитие я вернулась через пару часов, но остановилась на входе: у доски объявлений столпился народ, оживленно шушукаясь. Я спросила у Лероя, что там такое. Вахтер оторвался от книги и охотно пояснил:

— Бал.

— Ба-ал?!

Экзамен, дракон и контрабандисты разом вылетели у меня из головы. Я мигом ввинтилась в толпу и принялась усердно протискиваться к объявлению. Стоявшие впереди постепенно уходили, пропуская тех, кто напирал сзади, и вскоре я получила прекрасный обзор большого цветного объявления, гласящего, что бал по случаю успешного окончания сессии состоится первого февраля в восемь вечера, то есть, через четыре дня. Приглашаются все студенты (маленькая приписочка разрешала прийти даже тем, кто не закрыл сессию). Форма одежды парадная. Будут: еда, напитки, танцы, знатные гости из соседних стран и сюрпризы. Даже не знаю, что из этого привлекало меня больше всего!

Я обрадованно начала выкручиваться из толпы, но тут мой взгляд зацепился за бумажку, прикрепленную сбоку от объявления. На ней плясали мелкие буквы: «Уважаемые второкурсники! Передача практической магии состоится второго февраля в 8:00. Не опаздывайте! С уважением, профессор Смолик». Вот она, месть.

— Издеваетесь?! — возмутилась я.

Все присутствующие обернулись в мою сторону, и я не преминула пожаловаться:

— Смолик поставил передачу на следующий день после бала!

Я не знала этих людей, и эти люди не знали меня, некоторые не знали даже Смолика, но все сочувственно покивали.

Я вихрем взметнулась на третий этаж, где уже вовсю шло празднование. Все четыре группы сдали последний экзамен: одни веселились по поводу закрытой сессии, другие — просто за компанию. Где-то собралась вездесущая компания гитаристов и развлекала весь этаж.

В своей комнате я обнаружила Динку, обсуждавшую прошедший экзамен с Тиффани — я и слышать ничего не желала о практической магии, поэтому, оставив курточку, сунулась к Ким. Ее комната стояла под другим углом, но была упакована точно так же: два стола, шкаф и кровать, бежевые обои с цветочным узором на стенах и дощатый пол, только еще лежал коврик солнечной расцветки, связанный бабушкой Тим и Ким, с которой у моей подруги были очень теплые отношения.

В комнате обнаружился Тим и бутылочка чего-то интересного. Мы распили по чарочке, поздравив Ким с успешным окончанием сессии и шутливо раскланявшись ей в ножки, как нашей королеве. Тим завалил практическую магию, и мы выпили еще по чарочке за нашу горькую долю.

— Но ты, — объявил Тим, — наш герой.

— Чей это «наш»? — хмыкнула я.

— Всех, кто не сдал практическую магию. Я сидел, тряся, но когда тебя выгнали, понял, что в любом случае не один пойду на передачу, и успокоился. И все, кто завалил экзамен, думали так же.

— Тц, вот уж достижение, — фыркнула я. — И многие не сдали?

— Еще трое, но они из другой группы. У Смолика мы с тобой одни такие любимчики, никак с ним не расстанемся.

— Но Риту-то выгнали за шаргалку, значит, ты единственный из двух групп Смолика не сдал! — подколола его Ким.

— Зато не позорился на весь класс. — Тим глянул на меня, и я показала ему язык.

Мы втроем еще попрепирались, вспоминая, кто как облажался в эту сессию, а потом я упомянула бал.

— Ты видел? — спросила я у Тима. — Смолик поставил пересдачу на следующее утро, причем в восемь! Сам-то повеселится на балу, ему к экзамену не готовиться!

— Выучите заранее, — предложила Ким.

Мы все втроем рассмеялись. Вечная шутка, никогда не надоест.

— Да ладно тебе, Ритка, — отмахнулся Тим, вытерев слезы, выступившие от смеха. — Придешь к открытию, час-другой повеселишься — и снова сядешь учить.

— Разве ж это веселье? — возмутилась Ким, тряхнув рыжими волосами. — На открытии одни старикашки с речами будут выступать. Лучше уж хотя бы к десяти подойти. А танцевать — вообще до утра!

— Не сыпь соль на рану, — мрачно сказала я. После танцев до утра на экзамен меня понесут на носилках. Ногами вперед.

— А еще говорят, там принц будет, — заговорщицки сказала Ким.

— Принц? — Я оживилась. — Какой страны?

— Арленсии.

Тим фыркнул:

— Самая маленькая страна Эльса.

— Но все равно страна! — возразила я. — А принц есть принц! Ах, как же хочется пойти на бал!

Тим покачал головой и состроил такое выражение лица, которое выражало все его глубочайшее презрение к принцам и девушкам, восхищающимся ими.

— Вот если бы это была принцесса, ты бы по-другому заговорил, — заявила я.

Вообще-то, это неправда. Тиму все равно, принцесса или нет. Ему даже все равно, красавица или нет, он вообще за девушками не увивается, как и Берек. Но других аргументов в пользу принцев у меня не было.

— Говорят, что принц Кримон уже приехал с целой свитой, — продолжала распространять слухи Ким. — А еще посол из Дарона и дворяне из Нового Королевства. Они все поселились в хоромах.

Как видно, стран в Эльсе было немало — своеобразная Европа. Всего их насчитывалось восемь, кажется, но некоторые области, даже населенные, не входили ни в какие страны, так что народов здесь еще больше. Институт магического искусства тоже не является частью никакой страны. Когда трое соседей пытались силой присоединить его к себе, маги каждый раз показывали им, где раки зимуют, и оставались независимыми. Теперь все страны пытаются конкурировать за институт финансово — кто больше платит ему, тот получает больше выпускников на свою территорию. А померяться казной все приезжают в наш институт — ради этого и устраивают балы.

За время моей учебы это первый бал, но я слышала от старших курсов, что всегда приезжает много дворян разного уровня знатности. И мне слабо верилось, что все они поместятся в хоромах. Но даже если поместились с помощью магии, странно, что их никто

не видел.

— А выходят погулять по ночам, что ли? — спросила я.

— Может, гуляют во внутреннем дворике хором, — пожала плечами Ким.

Тим хохотнул.

— Ага, представляю: столпятся все эти принцы и аристократы — и давай по кругу гулять, наступать друг другу на пятки.

— За что купила, за то и продаю, — развела руками Ким. — Сама я никого не видела. Может, это слухи, и все только перед балом приедут.

В комнату заглянул один из наших сокурсников — черт его поймешь, кто это. В лицо знаю, а имя не помню. На этаже почти сотня человек живет, я даже за полтора года всех не запомнила. Мне кажется, он тоже нас не знал, но это не помешало ему заглянуть в комнату и пригласить к себе, на песни под гитару.

Мы перекочевали, куда нас позвали. Петь я не умела, но, как водится, самый безголосый поет громче всех, и я гитаристам понравилась. Потом компания плавно перетекла туда, где наливали, затем — туда, где закусывали. При очередном перемещении потеряли Ким, но потом снова нашли. Так мы и ходили туда-сюда разным составом, и всем уже было все равно, кто как сдал сессию — мы уже и забыли, что именно праздновали. Все, кто присоединяться к веселью не желал, спасался от нашествия в моем блоке, откуда всех буйных выпроваживала Тиффани. Когда я вечером вернулась в свою комнату, меня тоже собирались выкинуть, но я клятвенно заверила, что пришла не буянить, а спать. Я и в самом деле жутко устала.

Меня несколько не смутило присутствие лишнего количества народу, и я просто отвернулась к стенке. Коллективная терапия в виде праздного шатания по гостям благосклонно на меня подействовала, и я мысленно расправилась со всеми своими проблемами. Экзамен — как-нибудь пересдадим. Дракона — как-нибудь вырастим. На бал — как-нибудь попадем. У меня отлично получалось решать проблемы методом «как-нибудь».

Главное, что сплю спокойно.

Глава четвертая

в которой из праха восставшие студенты веселятся на балу, в моей комнате появляется неожиданный гость, а меня ждет большое разочарование и бессонная ночь

На следующий день я пожалела, что Тиффани не поехала домой (точнее, не телепортировалась). Я только-только позавтракала на кухне и вернулась обратно в свою комнату, столкнувшись здесь со стеной железной логики и нестигаемых принципов Тиффани. Скрутив светлые волосы в тугий пучок, она учительским жестом велела мне сесть за стол, и я настороженно подчинилась.

— Это список билетов, отметь те из них, которые знаешь. — Тиффани положила передо мной альбомный лист. — Остальные распредели на два дня. В третий будешь все повторять.

Следом за списком она положила на стол мою тетрадь и толстый учебник по практической магии.

— Дополнительной литературой грузить не буду, — «утетила» соседка, — но я выбрала для тебя самое необходимое из того, чего нет в учебнике.

На стол легли конспекты дополнительных источников, сделанные аккуратным почерком Тиффани. Она заботливо выделила то, что мне пригодится, и я бы прослезилась от такого внимания к моей персоне, если бы любила, когда меня контролируют. Впрочем, на «спасибо» я все же расщедрилась и кисло посмотрела на материалы, которые предстояло выучить. Уж чего я точно не собиралась делать с утра пораньше, так это садиться за учебники, но от Тиффани так просто не отделаешься.

— А ты куда собираешься? — спросила я, краем глаза заметив, как Тиффани перебирает свою половину шкафа.

— В Лунград, — отозвалась Тифф, задумчиво разглядывая вечернее платье из синего атласа. — Пройдемся по магазинам перед балом.

— Покупки к балу! — Я просияла. — Что же ты сразу не сказала?

— Потому что ты не идешь, — холодно ответила Тиффани.

— Но...

— Никаких «но». — Соседка зыркнула в мою сторону, пригвоздив меня к месту, и все аргументы отпали сами собой. — Если у тебя кончились съестные запасы, я возьму для тебя что-нибудь на обратном пути, но ты останешься тут и будешь учить. Я знаю, что передача на следующий же день после бала.

— Ладно, — проворчала я себе под нос и вернулась к учебнику.

Не очень-то и хотелось! Уверена, что за покупками пойдет аж пол-общегития, не меньше — просто массовое шествие, разоряющее города. Как-нибудь обойдусь без походов по магазинам с такой толпой. Да и платье для бала у меня есть, то самое белое, и пусть оно одно, зато приличное. Я ведь принца не поразить своим шикарным нарядом хочу, а просто поглядеть на него — на принца, то есть. Интересно же! Ну а там... как дело пойдет.

Тиффани аккуратно перебрала шкаф, просмотрела свои украшения и переоделась, готовая к поездке в город: теплая кофта под длинным светлым пальто, темно-синие джинсы с родины, кожаные сапожки на низком каблуке. Хоть прямиком на обложку журнала отправляй.

— Можно я возьму у тебя тот лиловый шарф? — внезапно спросила она и потянулась к моей половине шкафа.

— Нет!!! — выкрикнула я, резко обернувшись всем телом.

Рука Тиффани замерла в воздухе. Мы периодически заимствовали друг у друга вещи — чаще всего украшения, зонтики, платки (особенно я, ведь у Тиффани просто потрясающий гардероб), и в любое другое время я без вопросов разрешила бы ей залезть в мой шкаф, но я совершенно не помню, чем прикрыла яйцо дракона. Если тем самым лиловым шарфом, Тиффани тут же обнаружит, что под ним лежит.

— Эмм... — растерянно промычала я, придумывая достойную причину такому резкому поведению. — У меня там не прибрано, лучше не открывай, а то что-нибудь на тебя выпадет. А шарф все равно в стирке.

Тиффани поверила и достала свой голубой платок.

— Сразу после экзамена приберись в своем шкафу, — строго сказала она, — а то мне из-за тебя опять попадет от мисс Битн.

— Хорошо, — покорно отозвалась я.

От комендантши никому не хотелось получать нагоняй. Обычно Тиффани заставляла меня прибираться, но иногда ее не было рядом, чтобы проконтролировать ситуацию. А поскольку я ловко избегала мисс Битн, за мои косяки доставалось соседке. Впрочем, не слишком сильно: комендантша знала, какая Тиффани умница и какая неряха я, так что все ее упреки сводились к «возьми шефство над своей соседкой».

В комнату постучалась Динка, замотанная в шарф. Тиффани еще раз наказала мне зубрить предмет и вышла за порожек. Как только я заперла за ней дверь, весь мой настрой сошел на нет. Я еще помучалась недолго, пытаюсь хоть что-то запомнить, но сдалась. Вместо этого я достала драконье яйцо и, как советовал Берек, аккуратно держала его в руках, пока не постучала Ким — тогда пришлось вернуть сокровище на место.

— Давно ли ты запираешься? Что ты тут делаешь? — с порога выпалила Ким, когда я открыла дверь.

Моя подруга нарядилась в теплую кофту, штаны и кеды с яркими шнурками, готовая идти на улицу. На голове у нее красовалась любимая вязаная шапка с мордочкой, из-под которой торчали во все стороны непослушные рыжие волосы.

— Учу.

— А-а, — сочувственно протянула Ким. — Тогда не буду мешать...

— Подожди. — Ким развернулась и собиралась уйти, но я ухватила ее за капюшон кофты. — Что ты хотела?

Я правильно догадалась, что Ким что-то затеяла и хотела позвать меня с собой. Недолго думая, она рассказала, что намеревается пойти к преподавательскому общежитию и попытаться проникнуть внутрь.

— Зачем? — не поняла я.

— Ну как же, я ведь говорила вчера: принц уже здесь. Мы хотели узнать, правда ли это, и первыми на него посмотреть.

Под «мы» Ким подразумевала стайку девушек с разных курсов, собравшуюся в холле на первом этаже. Сама не знаю, каким образом я оказалась среди них, но очнулась только тогда, когда мы вышли на улицу. Видимо, мой инстинкт откладывать учебу на потом сработал автоматически. Возвращаться я не собиралась, и все вместе мы пересекли парк по каменным дорожкам и приблизились к хоромам.

Преподавательское общежитие представляло собой трехэтажное широкое здание без излишеств. Серый кирпич украшала редкая белая лепнина, а под крышей вокруг всего здания протянулся фриз с изображением обитателей Эльса — от мелких духов до разумных существ вроде людей и гоблинов. У здания, по рассказам, имелся внутренний дворик, который не увидеть снаружи. Вокруг простирался небольшой уютный парк с деревьями, никогда не терявшими листья, и цветами, благоухающими круглый год, и упирался в высоченный забор, зачарованный от нелегальных проникновений. Ворота в заборе сделаны из прутьев, так что при желании через них можно подглядеть, что творится внутри. Там, правда, ничего не творилось.

Как нам рассказывали старшаки, раньше эти ворота были сплошными, но студенты шли на всяческие ухищрения, чтобы подглядеть, как живут преподаватели, и лезли за забор с усиленным рвением, несмотря ни на какие защитные чары. Сработала обычная тактика — ворота заменили, и через прутья все сразу видели, что ничего особенного там нет, и набеги прекратились. Конечно, всем интересно посмотреть на внутренний дворик и комнаты преподавателей, но таких самоубийц, которые полезут в само здание без приглашения, еще не находилось.

Во имя личного пространства защитные чары оставили, а в воротах поселили духа, пускавшего внутрь только преподавателей или тех, кто получил приглашение. Дух этот обитал в страшном железном лице, висящем над воротами, к которым мы дружно прилипли.

— Ничего не видно, — пожаловалась какая-то низкорослая светловолосая девушка, усердно пытавшаяся втиснуть лицо в узкое пространство между прутьями.

За обильно посаженными кустами и деревьями едва виднелся серый камень здания, и через ворота мы принца не увидим, только если он не выйдет поздороваться.

— Есть план? — поинтересовалась я.

— Есть, — с энтузиазмом отозвалась Ким.

Видно было, что ее изрядно увлекла вся эта затея. Но зная подругу, могу точно сказать, что ее волновали вовсе не царевичи-королевичи, а сама возможность бросить вызов системе защиты. Ким настолько любила разные эксперименты, что никогда не видела разницы в масштабах — ей что испробовать новое интересное зелье, что проникнуть на частную собственность. На самом деле, я восхищалась ее изобретательностью и живостью, которых даже у меня было меньше, и если бы Ким могла учить не только то, что интересно, она бы точно стала хорошисткой, если не отличницей.

Ким поманила нас подальше от ворот, где нас могли заметить преподаватели или отчитать занудный дух. Мы завернули за угол и собрались в плотный кружок. Я чихнула — настолько сильный аромат самых разных духов забился мне в нос. Да уж, подготовились девушки по полной программе, ничего не скажешь.

— Итак, как мы попадем внутрь? — отчихавшись, спросила я. — За эти годы студенты перепробовали всё.

— Всё, да не всё, — туманно отозвалась Ким. — Что обычно пробуют студенты? Сломать заклинание и пробраться через ограду.

— Я слышала, что один семикурсник использовал самотелепортацию, — вставила высокая брюнетка с такими идеальными стрелками на веках, что только позавидовать можно. — Его даже не наказали, а наоборот, дали какой-то грант на дальнейшую учебу в магистратуре.

Мы восхищенно присвистнули. Перенести самого себя или любое другое живое

существо без порталов очень сложно. Но еще и практически бесполезно — дальше нескольких метров все равно не работает. Тем не менее, надо быть Талантом с большой буквы, чтобы освоить эту магию всего лишь на седьмом курсе. Нам этот способ точно не подойдет.

— В общем, — подытожила Ким, — все пытались проникнуть по верху или сквозь ограду. Про один способ всегда забывают — снизу!

— Ты предлагаешь нам копать яму под забором? — Я вскинула брови. — Откуда ты знаешь, что никто этого не пробовал?

— Если и пробовал, студенческие летописи об этом умалчивают, — заявила Ким и принялась раздавать всем инструкции к действию.

— Ага, ввиду своего отсутствия, — пробурчала я, но никто не слушал. Своих идей у меня все равно не было, — я давно бросила затею пробраться на территорию хором — так что я молча наблюдала, как одна из старшекурсниц прощупывала магическое поле на предмет агрессивных заклинаний, еще две девушки раскапывали землю. Работали, конечно, магией, да так медленно, что я бы и лопатой быстрее справилась. Но когда я предложила сбегать за упомянутым инструментом, магички гордо отозвались, что физическая сила тут не поможет.

— Противолопатное заклинание там, что ли? — фыркнула я себе под нос.

Наконец, рядом с забором выросла кучка земли, а непосредственно под ним появилась яма достаточных размеров. Первой, как подопытного ежика, запустили самую маленькую девицу, которая недавно пыталась принять желеобразное состояние и проникнуть сквозь прутья. Она с готовностью согласилась, воинственно засучила рукава, замотала светлые волосы в гульку и нырнула под забор головой вперед.

Поначалу все шло хорошо — девица припадочной змейкой просачивалась на ту сторону. Мы немного поволновались, когда она застряла в области округлых форм, но девица сумела протиснуть и свои формы, а дальше она была уже, и дело пошло как по маслу. Однако на полпути произошло нечто странное — то ли забор опустился, то ли земля поднялась. Причем так быстро, что мы не успели понять, как это случилось, — но факт в том, что храбрая ползунья застряла в талии и не могла двинуться вперед.

— Помогите! — запищала она и задрыгала ногами. Голос приглушенно доносился с той стороны забора.

Мы испуганно подошли поближе и осмотрели забор — он аккуратно опустился так, чтобы не раздавить нарушительницу, но и не дать ей вылезти. Две девушки потянули ее за ноги, но это не помогло, только писку прибавилось.

— Все потому, что кто-то слишком много ест, — прокомментировала я, но всем было не до смеху.

— Сделайте что-нибудь! — протараторил кто-то из девушек.

— Не могу поднять забор или расширить яму, — пропыхтела другая, попытавшись применить магию.

— Может, превратить ее во что-нибудь помельче? — задумчиво предложила третья.

— Например, в дворняжку, — с готовностью предложила я. — Тогда она будет подзаборной дворняжкой.

— Не надо меня превращать! — завопила несчастная, не оценив мою игру слов.

Тут к ее писку с той стороны забора присоединился мужской бас и насмешливо продекламировал:

— Три девицы под окном пряли поздно вечерком, а девица под забором получила нагоняй.

Все притихли, узнав голос Хеивана, преподавателя бестиологии и смотрителя конюшен.

— Не в рифму, — услужливо подсказала я, нарушив молчание.

— Да? Ну, к счастью, мои обязанности состоят не в написании стихов, а в раздаче наказаний студентам-нарушителям, с чем я успешно справляюсь.

После этих слов нас долго уговаривать не пришлось — мы сиганули в направлении общежития, словно участвовали в спринтерском забеге с красным дипломом в качестве главного приза, и остановились только на лестнице между первым и вторым этажами.

— Неудачный план, — отдышавшись, призналась Ким. — И с Феоррой нехорошо вышло, бросили ее там...

— Она пострадала во имя общего дела, — торжественно произнесла я.

— Ничего, Хеиван еще на всех нас отыграется, — «утетила» брюнетка со стрелками. — Как пить дать, узнает, что это мы там были.

— Думаешь, он будет пытаться Феорру? — притворно ужаснулась я.

— Не время для шуток, — поморщилась брюнетка. — Думаешь, для преподавателя мало способов выяснить, что это были мы? Как хотите, а я иду к себе.

Она гордо удалилась, вслед за ней разбрелись по своим этажам все остальные. Наша маленькая революция зачахла, не успев даже вспыхнуть, и поверженные повстанцы разошлись по домам. Мы с Ким тоже поднялись на свой этаж, но она куда-то ускакала, не расстроенная неудачей, а мне пришлось вернуться к учебникам. Я тоже не паниковала — несмотря на свои слова, Хеиван не из тех, кто любит наказывать студентов, и я надеялась, что пронесет.

Я усердно фокусировала взгляд на учебнике до самого вечера, пока из города не вернулась Тиффани. Она вручила мне обещанные пакеты с едой и примерила новое платье и украшения.

— Как тебе? — поинтересовалась она.

Я выразила свое восхищение. Тиффани купила зеленое платье чуть выше колен и без рукавов, с плотным лифом и свободной юбкой. Сережки-гвоздики с зеленым камнем матово поблескивали, а на правом запястье звенели тонкие серебристые браслеты. Тиффани, как обычно, выглядела великолепно, но я без нужды разошлась в комплиментах, надеясь, что это отвлечет ее от вопросов.

Но мои надежды не оправдались. Переодевшись, Тиффани потребовала рассказать, что я выучила за день. Пришлось отвечать, умолчав про попытки увидеть принца. Кое-как отвязавшись от расспросов, я выскочила из комнаты, пока соседка не заставила меня снова сесть за учебники.

Я поднялась на четвертый этаж и отнесла дань Феорре. Пострадавшая студентка благосклонно приняла мое скромное подношение в виде кулек с леденцами. На столе я заметила несколько пачек печенья, шоколадку и два пирожных, из чего заключила, что я не первая пришла с извинениями.

— Ну, как? — поинтересовалась я. Феорра поняла меня без пояснений.

— Хеиван просил передать, что все могут спокойно выдохнуть, — передала она, и я выдохнула, как было сказано. — Он заставил меня проторчать под забором полчаса и вспоминать пройденный курс общей бестиологии, но потом сжалился и велел духу отпустить меня.

Я радостно выкатилась из комнаты и, чтобы не портить пока еще прекрасное настроение, решила не возвращаться к Тиффани. Вместо этого я отправилась в библиотеку.

Берек что-то усердно писал, свободной рукой подергивая бакенбарду, и поднял взгляд, только когда я его окликнула.

— Нашел для меня что-нибудь интересное? — поинтересовалась я.

Берек кивком указал на стопку из двух книг, лежащую на его столе.

— Ты все равно много читать не будешь, — сказал он. Я бы обиделась, но это правда, не люблю торчать за учебниками.

— Вот эта книга очень подробная, здесь много хорошего материала, — показал Берек. — Можешь ориентироваться по названиям разделов и глав, если не хочешь читать все. А эта — художественная, приключенческая. Написана натуралистом, изучавшим драконов, хотя и немного приукрашена, но что касается драконов, все достоверно.

О, художественная книга — это другое дело. Ее я возьму с удовольствием, а то давно уже ничего не читала.

Я рассмотрела предложенные книги. Энциклопедия была очень увесистой, с вытисненным на кожаной обложке названием. Художественная книга «По следу дракона» была средних размеров, в простой твердой обложке с цветным изображением бурого дракона.

— Так что, мы квиты? — уточнил Берек.

— Конечно, — махнула я рукой. Я уже и забыла, что вообще обижалась на него за подставу.

Про яйцо он спрашивать не стал. Дружба дружбой, а в неприятности лезть не хочется. Надеюсь только, что Берек прав, и вырастить дракона не составит большого труда.

Я поблагодарила его за книги и вернулась к себе. От Тиффани не укрылось мое библиотечное приобретение.

— Драконы? — удивилась она, посмотрев на обложки. — С чего вдруг?

— Просто увлеклась ими. — Я напустила на себя беспечный вид. — Надоело одну практическую магию штудировать, почитаю вечерком про драконов, расслаблюсь.

Взгляд Тиффани говорил, что лучше бы я читала учебник, но поскольку она одобряла любое стремление пополнять знания, то смолчала.

Я решила начать с энциклопедии и с удовольствием устроилась в кровати, закутавшись в одеяло, прислонившись к стене и положив том на колени. В первую очередь я полистала главы про еще не вылупившихся и новорожденных драконов. Как и сказал Берек, драконы не любят одиночество, а окружающий мир начинают воспринимать еще зародышами, поэтому им очень важен контакт. Насчет того, может ли это быть человеческий контакт, ничего не сказано, но и такой сойдет, за неимением другого дракона. Зародыш выживает почти при любых условиях, но больше всего ему подходит темнота и температура выше нуля, иначе в малышах может не сформироваться внутреннее пламя.

В последующие дни я вообще многое узнала о драконах. Художественная книга возносила их до небес, да и в энциклопедии было написано, в основном, хорошее. Драконы представлялись сильными, с непробиваемой чешуйчатой шкурой, жили долго, выживали при любых условиях: при высокой температуре их тело охлаждалось, при низкой — нагревалось. Они умели летать и плавать, ползать по горам, впадать в спячку, переживая не лучшие времена; всегда чувствовали друг друга, и расстояние при этом зависело от величины и возраста дракона — чем он крупнее и старше, тем шире область, на которой его чувствуют

сородичи. Они еще и были разумными: понимали мир лучше, чем любые млекопитающие, и общались между собой телепатически.

Чешуя и клыки драконов, и даже внутренности (тут я содрогнулась) представляли особый интерес для магов, поскольку обладали свойствами разного рода. Чаще всего на магическом рынке можно было найти чешую (хотя и ее было мало) — старая постепенно отпадала, сменяясь новой, нужно было только ползать по горам и собирать. К чужакам крылатые ящеры относились терпимо — если верить автору «По следу дракона», даже любили наблюдать, как маленькие человечки, кряхтя, карабкаются на склоны.

Видимо, некоторые прохвосты решили не мучиться и вырастить собственный источник волшебной чешуи, выкрав яйцо.

В книгах упоминалось также, что драконы действительно развиваются очень быстро. Для существ, которые любят компанию, они были на удивление самостоятельными. В «По следу дракона» утверждалось, что новорожденные могут благополучно выжить сами, питаясь чем попало, пока не окрепнут для охоты на животных, хотя и вырастают слабее сородичей.

Ну, просто загляденье, а не создания.

Но чем сильнее что-то расхваливают, тем больше думаешь: где тут подвох? Если верить книгам, с дракончиком у меня проблем не будет вообще никаких, но чутье подсказывало, что все окажется совсем не так просто.

Но сейчас мне было не до того. Пока дракончик не собирался вылупляться, я могла спокойно готовиться к пересдаче. Но на третий день, когда должен был состояться бал, Тиффани заставила меня рассказывать все билеты и выяснила, что я хорошо знаю только половину материала, остальное хранилось в моей памяти либо частично, либо никак. И вот результат — она запретила мне идти на бал. Тифф мне, конечно, не нянька, но аргументы у нее очень уж убедительные, и спорить с ней бесполезно.

Таким образом, вечером, без пятнадцати восемь я лежала на своей кровати в пижаме с котятками и завистливо наблюдала, как Тиффани наводит марафет. Она рисовала стрелки на глазах — единственное, что не получалось у нее идеально с первого раза. Но немного подтерев там, подкрасив тут, она добилась ровного результата.

— Жизнь — несправедливая штука, — мрачно заключила я, в утешение обнимая тыкву. Ее мне сегодня принес Тим со своими друзьями. Где они ее откопали, спрашивать не стала, но подозреваю, что на тех же грядках земляничек. Презрев кулинарные таланты сестры, Тим вручил тыкву мне, и завтра я собиралась пустить ее в дело.

На столе меня дожидался раскрытый учебник по практической магии, но я всячески его игнорировала.

— А кто не учился во время семестра, а, Рита? — многозначительно ответила Тиффани, вертясь перед зеркалом. — И кто ничего не делал, пока меня не было?

Ну, я, я не училась. Я отдыхала, когда Тиффани не видела. Я просиживала над открытым учебником, уставившись в пустоту. Но разве это повод лишать себя праздника? Я уже очень многое выучила и готова к завтрашней пересдаче. Ну, почти.

— Я только на часок! — решила я, вскакивая с кровати и бросая тыкву на подушку.

Тиффани молча на меня уставилась. Опять этот ее особенный взгляд, выдергивающий совесть из самых глубин. Я честно пыталась выдержать его, но сдалась через минуту и горестно присела за стол, с мстостью испепеляя взглядом учебник.

— Никуда ты не пойдешь, — заключила Тиффани. — Праздники еще будут, и принц

приедет, а второй пересдачи может и не быть. Ты что, хочешь лишиться стипендии и таскаться за профессором Смоликом хвостом, пока он тебе не поставит еще одну пересдачу?

— Не хочу, — пробурчала я.

Приставать к Смолику мне не сложно, доставать людей — буквально мой талант. Но деньги мне нужны. Институт, богатый на спонсоров, и так лояльно относится к студентам, выплачивая стипендии направо-налево. Одним побольше, одним поменьше, конечно, но даже я получаю свою долю. Но вот если завалю пересдачу, то следующая будет уже после начала семестра, а те, кто до этого времени никак не уложатся, с пересдачами или без, стипендию не получают.

— Но там ведь будет принц Арленсии! — выложила я свой единственный аргумент.

Тиффани мой довод не впечатлил. Конечно, у нее-то на родине свои принцы есть — Гарри, Уильям, кто там еще. А у нас они только в сказках. Естественно, хочется посмотреть на самого настоящего принца. Увидеть, светятся ли его глаза королевской мудростью, и сыплется ли золотая пыль с благородных кудрей.

Но Тиффани невозмутимо надела прелестную белую курточку, поправила волосы и заявила, прежде чем уйти:

— Принц или не принц — а ты остаешься здесь повторять материал перед завтрашней пересдачей. И убери уже куда-нибудь тыкву.

Дверь закрылась с назидательным хлопком, и я осталась в гордом, но тоскливом одиночестве. Учебник затаил дыхание, ожидая моих дальнейших действий, и мне не оставалось ничего иного, кроме как взять его в руки и продолжить зубрежку.

Поначалу все шло неплохо, многие заклинания мне были знакомы, а незнакомые я усердно повторяла. Но страниц через десять я вдруг обнаружила, что вместо слов в моей голове пляшут человечки, и среди них — Тиффани и прекрасный принц. Я потрясла головой, отгоняя лишние мысли, но буквы в учебнике упорно не желали складываться в слова, словно их кто-то заколдовал. Тогда я решила немного отвлечься и сходила на общую кухню за чаем, встретив там Тима. Он медленно пил чай, не горя желанием возвращаться обратно в комнату.

Ким запретила ему идти на праздник, а также учить предмет вместе со мной, а Тиффани запретила мне учиться с ним, так что мы только сочувственно поинтересовались друг у друга, как дела, и дружно решили, что все преподы — мстительные лешие, особенно по практической магии, а Ким и Тиффани — деспотичные ведьмы.

Чай не помог, даже после третьей кружки и добавления к нему русальей травки, повышающей концентрацию внимания. Количество прочитанных страниц увеличилось до пятидесяти, объем усвоенного материала оставался под вопросом.

С кровати на меня призывно смотрела тыква. Вспомнив наказ Тиффани убрать куда-нибудь овощ, я решила не откладывать дело в долгий ящик. Хотела положить на окно, но решила, что там тыкве будет холодно, да и соседство мухомашки не очень приятно. Сунула было под кровать, но там слишком темно и неудобно. После некоторых раздумий я полезла убирать тыкву на шкаф. Но все свободное место было уже занято, и все нужное и ненужное барахло существовало там в таком немислимом и хрупком равновесии, что я не осмелилась его нарушить.

Оттянув таким образом минут пятнадцать, я со вздохом положила тыкву на свободный стул и вернулась к учебнику, но уже через пять минут, простонав, уронила голову, пребольно стукнувшись о стол.

— Вот бы мне попасть на бал... — пробормотала я.

Кто-то постучал.

Я отправилась открывать дверь, хотя она и не была заперта на щеколду. За дверью никого не оказалось. Стук, тем не менее, вновь повторился, и я поняла, что он исходит из другого конца комнаты. Из-за окна, если точнее.

Закрыв дверь и подойдя к окну, я протерла глаза, но галлюцинация не исчезла: там маячило нечто большое и розовое.

— Открывать будем, нет? — нагло спросило нечто пьяным басом.

— Нет, — тем же тоном ответила я, зрительно вычлняя у существа небритую морду, руки, ноги и нежные трепещущие крылышки.

Существо мой отказ не смутил. Оно, волнообразно паря в воздухе, не без труда вытащило из интересного места палочку со звездой на конце, помахало ею перед щеколдой, и та сама собой поднялась, и окно открылось. Существо, не вписавшись в оконный проем с первого раза, всплыло в комнату и приземлилось на подоконник, непрочно встав на копытца, венчающие шерстистые ноги. Мухомашка хищно потянулась к нему, но не достала, а существо «солдатиком» бухнулось на верхний ярус кровати, потеряв при этом маневре свою палочку — та покатила по полу.

Я закрыла окно, пока поднявшийся морозный ветер не сдул все, что плохо лежало, и при свете рассмотрела в стельку пьяного создание мужского пола, покрытое жесткой черной шерстью, в розовом платье с оборочками, приделанными сзади заколдованными крылышками и кокетливо выглядывавшим из-под юбок черным львиным хвостом.

— Ты кто такой? — Я без удовольствия рассматривала неожиданного гостя, но вышвыривать его пока не собиралась. Что ни сделаешь — лишь бы к экзамену не готовиться.

— Фей, — просопел мужик.

— Какой еще фей?

— Крестный — ик!

Крестные у меня были, но точно не феи, и жили они на Земле. Чьим бы крестным ни был этот чудак, явно не моим.

— А чего это ты такой рогатый, фей? — Я с подозрением поглядела на его голову. Из-под шерсти торчали два небольших конусовидных рожка, как у молодого козлика.

— Дак ить... — Он с трудом сфокусировал на мне взгляд. — Я аще-то черт, самый настший, но эта гадина фея Фифина обыграла меня в карты — и, грит, иди, исполняй за меня обязанности на сегодня. — Он снова рухнул головой на подушку Тиффани. — Те фея-крестная нужна, нет?

— А что ты умеешь? — загорелась я.

— Да усё! — благодушно махнул рукой черт-фей. — Ты хотела попасть на бал — и я могу усё для этого сделать.

Я призадумалась. Если крестная фея, пусть даже такая, исполняет желания страждущих попасть на бал, то просто грех этим не воспользоваться.

— А ничего, что ты не мой крестный? — уточнила я на всякий случай.

— Да эт прост нзвание такое... Крче, надо тебе чего или нет?

— Надо! — обрадованно ответила я, пока он не передумал, и продемонстрировала ненавистный учебник и свою тетрадь по предмету, исписанную крупными, пьяными буквами. — Мне нужно все это выучить.

— А без этого на бал не пускают? — прищурился фей, делая тщетную попытку сесть в

кровати.

— Не пускают, — подтвердила я, щенячьими глазами глядя на черта.

— Будт сделано.

Фей, наконец, сел, покачиваясь.

— Платьце бы еще, — попросила я, хлопая ресницами. Ну, а что, бери, пока дают. Свое платье поберегу.

Фей слепо пошарил вокруг в поисках палочки, и я, не медля, подняла ее с пола и сунула в руки незадачливого черта. Сфокусировав взгляд на волшебном инструменте, рогатый взмахнул им пару раз, направив звездочку в мою сторону. Та заискрила, и моя пижама и тапочки мгновенно преобразились.

— Мне, конечно, нравится, но... — Я сделала многозначительную паузу, разглядывая фривольный кожаный наряд, носить одно название с которым любое платье сочло бы ниже своего достоинства.

— Пардоньте, — без капли сожаления извинился черт, рассматривая открывшиеся благодаря наряду перспективы.

Фей стучал палочкой о ладонь, пока та не зачихала розовыми звездочками, и повторил магическую процедуру. На сей раз платье вполне могло именоваться платьем: оно даже состояло из приличной по длине юбки, рукавов с декоративной белой шнуровкой и неглубокого декольте. Синяя ткань при движении переливалась, как морские волны. К платью также прилагалась аккуратная косичка, закрученная на затылке, черные туфли на невысоком каблуке, а на шее — серебристый морской конек на тонкой цепочке.

— Нртся? — моргнул черт.

— Нравится, — удовлетворенно кивнула я. — Спасибо. Тебя как звать-то, кстати?

— Чепуш! — гордо ответил фей. Потом он вынул все из того же интересного места бумажку и, до щелочек сощурив глаза, прочитал: — Работу за тебя сделаю, платье уже наколдовал... Тэк-с, дальше по плану тр... трэнс... трнспорт. О, и тыква имеется!

— Но-но! — Я схватила тыкву со стула, прежде чем исполнительный фей нацелил на нее волшебную палочку. — Тыкву не трожь, в хозяйстве пригодится. Транспорт мне не нужен, бал в соседнем корпусе проводят. Пешком дойду. А что там насчет полуночи и прочего?

— Все как положено — лишь пробьет... чего-то там... Короче, до полуночи лучше с бала уйти, и туфли не теряй.

— А то что? — заинтересовалась я.

— А то босиком пойдешь, — пожал плечами Чепуш и повалился на кровать.

Я повертелась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон, прихватила пропуск (в связи с наплывом гостей, администрация ввела временную пропускную систему в общежитии) и отправилась в соседний корпус. Для этого пришлось выйти на улицу и быстро-быстро бежать, чтобы не замерзнуть. В ночной тишине каблучки звонко цокали по заскорузлым асфальтовым дорожкам.

Праздник состоялся в бальном корпусе, построенном специально для торжеств. Огромный зал на первом этаже мог вместить сотни гостей, и еще столько же поместились бы в верхних залах и на внутренних балконах, поэтому корпус идеально подходил для танцев. Ну, еще для занятий по боевой магии — не пустовать же ему во время учебы.

Бал оказался грандиознейшим! Это я поняла, едва только ступив на широкую дорожку, ведущую к корпусу. Ее обрамляли тусклые фонари, создававшие мистическую атмосферу и

упиравшиеся в лестницу. Над ступеньками возвышались гладкие колонны с треугольным фронтоном наверху. Внутри фронтона, на тимпане, изображалось открытие института, но все люди были абсолютно одинаковыми, так что одного преподавателя от другого не отличишь, как ни сравнивай с портретами из архива.

Через открытую дверь лился яркий свет, перемежавшийся на земле с узкими тенями колонн. Я ступила на прямоугольник света и поднялась по ступенькам, на мгновение замерев на самом верху, чтобы насладиться моментом. Здесь я хорошо слышала заунывную скрипку в сопровождении оркестра. Снаружи почти никого не было — лишь несколько студентов, вышедших попортить легкие никотином. Если никто не вышел подышать свежим воздухом и проветрить голову, значит, веселье еще только начинается.

Я шагнула внутрь, в громадное, залитое огнями помещение. Казалось, тысячи несгорающих свечей и магических огней разместились в зале — на стенах под самым потолком, на больших напольных канделябрах, над камином, на столах. Цветы и ленты в умеренном количестве украшали стены, на гладком потолке растянулась карта Эльса, выполненная красками, и лепнина по краю. В зале было очень много людей, заполнявших все свободное место: преподаватели в строгих костюмах, студенты в одежде разной степени нарядности, черно-белый персонал с галстуками-бабочками, музыканты на возвышении в углу. Заметила я и новые лица, среди которых по изысканным нарядам тотчас же узнала именитых гостей, а по более простым — их верных стражей.

Нарядные гости, музыка, блеск и красота — все как положено! И, конечно, еда.

Вдоль стен, чтобы освободить место для танцев, протянулись столы. На белых скатертях — блюда, тарелки, вазы, кувшины со всевозможными яствами. Я первым же делом пробралась к столам, набрала в тарелку все, что уместилось, и отошла в сторонку, мирно расправляясь с добычей и рассматривая толпу. Вливаться я не спешила — сначала перекушу и оценю ситуацию.

Ким была права: приходиться к открытию — гиблое дело. Сейчас уже около половины десятого, а народ еще только начинает пританцовывать и ведет себя донельзя прилично. Видимо, моему приходу предшествовала целая серия речей и какой-нибудь вялый концерт.

Жуя последнюю канапешку, я не забывала оглядываться вокруг с двумя целями: заприметить принца и не попасться на глаза Тиффани. Мимо периодически проходили сокурсники, но их нисколько не волновала моя завтрашняя пересдача: они лишь понимающе кивали и пытались подмигивать на разный лад — у кого как получалось в зависимости от степени опьянения, хотя пока что большинство держалось бодрячком. Кристоф, слегка охмелевший, до того расстарался, что, подмигнув, запустил в меня каким-то убойным сглазом. К счастью, не попал. Но в ужасе округлил глаза и посмотрел мне за спину.

Обернувшись, я поняла, что он очень даже попал, во всех смыслах этого слова. Мишенью оказался профессор Смолик, и его круглые уши стремительно расползались в стороны, превращаясь в ослиные. Пока он ничего не заметил, мы с Кристофом сочли за лучшее ретироваться в разные стороны, а я сделала мысленную пометку никогда не ссориться с однокурсником, а то и своих ушей не досчитаюсь. Неконтролируемые выбросы магии такой силы — страшная штука.

Я откатилась к другому краю зала и поставила тарелку на стол. Вдруг заприметила Тиффани, идущую в мою сторону под ручку с Динкой и Ким, и юркнула за соседнюю портьеру.

— Занято! — отозвалась портьера.

Я оглянулась и увидела Тима с бутербродом с икрой в одной руке и бокалом шампанского — в другой. Я даже не удивилась, что мой друг тоже здесь: принц ему даром не сдался, но от бесплатных угощений отказываться, по его мнению, — просто кощунство. Он даже не нарядился, а только натянул чистую рубашку с помятым воротником.

Тим оглядел меня с ног до головы и сподобился на комплимент:

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо, — ответила я. Мне было приятно, но бутерброд с искрой в руке Тима слишком отвлекал внимание, и я, не удержавшись, спросила: — Где взял?

— Третий стол налево от входа, — отозвался тот и хитро на меня посмотрел: — Ты что, все выучила?

— У меня есть проверенное средство, — ответила я, придавая словам загадочности.

Тим хмыкнул, дожевывая бутерброд и свободной рукой вынул из кармана длинную бумажную ленту, исписанную муравьиным почерком.

— Это твое проверенное средство? У меня, как видишь, свое есть. Никакой магии, старые-добрые шаргалки. Кричать на весь кабинет не будут.

Я неопределенно пожала плечами, не желая раскрывать тайну крестной феи... то есть, фея. Вместо этого я, с помощью разумного довода «мужик ты или не мужик?», убедила Тима выглянуть за портьеру и посмотреть, где Тиффани и Ким.

— Горизонт чист, расходимся, — доложил он.

Тим направился было в неопределенном направлении, но я окликнула его:

— Ты знаешь, как выглядит принц?

— Да вон он, у окна. Беседует с посланцем Дарона. — Тим со смешком махнул рукой, расплескав шампанское, и удрученно посмотрел на лужицу на полу.

Я обернулась и нашарила глазами парочку у окна, на которую указывал Тим. Принц оказался высоким и широкоплечим. Под великолепным красным камзолом определенно прятались недюжие мускулы. Пряди темных волос падали на глаза — что называется, «томно». Да, не светлые кудри, золотая пыль с них не посыплется. Но в целом он был очень симпатичным, с приятными чертами лица, насколько я могла судить с такого расстояния, и свои надежды я сочла оправданными.

Принц разговаривал с приземистым зеленокожим гоблином, чьи оттопыренные зеленые уши непрерывно подергивались, и явно находился не в восторге от компании, но продолжал вежливо улыбаться. Гоблин сложил руки за спиной и по-военному выпрямился. Он был на две головы ниже принца, но чувствовал себя вполне комфортно, словно не замечал никакой разницы в росте. Одежда у него была нарядная, но скромная: строгого пошива камзол, рубашка и жилет, штаны, заправленные в высокие сапоги, — все коричневато-бурых тонов и золотая вышивка на жилете.

— Симпатичный, — оценила я, глядя на принца. Ничего особенно «принцевского» в нем не было, но я решила, что надо рассмотреть поближе. В конце концов, в запасе еще есть «королевский блеск в глазах». С такого расстояния его не разглядишь. — А в Дароне разве живут гоблины?

С этнографией Эльса я знакома не то чтобы идеально, но, насколько мне помнилось, Дарон был населен людьми; с Раггером, где обитают гоблины, он не граничит; а трон занимает какой-то престарелый король вполне себе человеческого вида.

Тим вдруг расхохотался и поставил стакан на стол, чтобы не пролить содержимое окончательно. Он досмеялся до того, что раскашлялся, и мне пришлось постучать его по

спине — немного сильнее, чем требовалось.

— Всё, всё, хватит меня бить. — Он поморщился, но широкая улыбка не сползала с его лица. Казалось, еще чуть-чуть — и кончики рта можно будет обвязать вокруг ушей.

— Что смешного? — угрожающе спросила я.

— Просто... хе-хе... в Дароне нет гоблинов.

Он снова загнулся от смеха, а я обернулась к принцу. К счастью, стоял он неблизко и из-за музыки не слышал истеричного смеха Тима. Хватит и того, что проходившие мимо с любопытством поглядывали на парня, у которого от смеха уже икота началась.

— Если в Дароне нет гоблинов, почему их посол... — Я запнулась на полуслове и проглотила дальнейшую фразу. Глаза так выпучились, что, стукни кто меня по затылку, точно вывалились бы из орбит.

У Тима закончилось дыхание, и он шумно вдохнул, перестав смеяться, но все еще подхихикивал.

— Да-а, Ритка. Сочувствую. Ну, не ты первая, не ты последняя. Все разочарованные девицы навешивают вон к тому столу. — Он указал на стол с огромной чашей сока, в которую наверняка уже плеснули чего покрепче. — Это ж надо: никто не в курсе, что Арленсия заключила мир с гоблинами и поставила одного из них в очередь на престол. Обхохочешься!

Но мне было совсем не до шуток. Я отправилась заесть печаль бутербродами с икрой и, стоя в уголке, уныло посмотрела в сторону посла Дарона, которого по ошибке приняла за принца. Он отвязался от собеседника и нашел компанию в лице нескольких преподавателей. А к принцу Арленсии подошел ректор. Да уж, гoblin вообще не соответствует моим представлениям о сказочном принце.

Тим поплелся за мной и осторожно поинтересовался, боясь, что обидел:

— Ты ведь не расстраиваешься?

— Н-мм-м, — неопределенно пробурчала я, пожав плечами. Я надолго расстраиваться не умею. В конце концов, какая мне разница. Принц — это просто сказочный персонаж, нечто волнующее, как... как драконы или магия. Но встретить я одного, что я с ним делать буду? Охмурять? Попробовать могу, но получится вряд ли. Это оставьте более опытным девицам. А меня устроит вкусная еда, напитки и танцы.

В этом Тим был солидарен со мной, и мы дружно наворачивали за обе щеки: бутерброды с маслом и икрой, сардины, соленые грибы, салат из свежих овощей, кролик под острым соусом, сладкие булочки с корицей и горький шоколад — я не перепробовала и половины всего. Не забыла я и глотнуть того самого сока. В него и правда что-то подмешали, отчего я совсем повеселела. Градус всеобщего охмеления тоже постепенно повышался.

Ближе к полуночи мы с Тимом заметили, что Тиффани и Ким в компании друзей и подруг вышли в парк. Музыка как раз повеселела, оркестр взбодрился, танцы приняли массовый характер, и я потащила друга танцевать, не боясь, что строгая соседка меня уличит. Тим попытался было сопротивляться, но быстро вошел в раж. Под последнюю мелодию, более медленную, пары танцевали в обнимку, и Тим как-то совсем повеселел, прижав меня к себе. И чего это он? Когда успел напиться?

Мы изобразили что-то вроде вальса. Получилось не очень изысканно, но своеобразно. Впрочем, большинство, даже умеющее танцевать, уже шаталось из стороны в сторону как попало, и на других никто внимания не обращал.

Музыка внезапно кончилась, и Тим нехотя отлип от меня. На улице начали обратный

отсчет, он докатился до моих соседей по танцам на цифре 18. До меня вдруг дошло, что считают оставшиеся секунды до полуночи, и я резко округлила глаза.

— Семнадцать!.. — кричала толпа. — Шестнадцать!..

— Тим, нет времени объяснять, но я должна уйти! — скороговоркой бросила я.

Девушка должна быть загадочной. Я почти преуспела в этом, оставив Тима гадать о моем внезапном отбытии. Но галоп, каковым я бросилась к выходу, чуть подпортил впечатление.

Секунд оставалось слишком мало, и мне было не до церемоний. Народ, к счастью, отчего-то повалил к окнам или наружу через широкие двери, и особых препятствий на пути я не встретила и быстро выскочила на улицу.

Там меня коварно подстерегал дождь.

Возвращаться назад за зонтом для гостей не было времени, и я скатилась по ступенькам (не потеряв ни одной туфли!). На улице было на удивление много гостей. Они растеклись по парку во всех направлениях и стояли под зонтами или использовали заклинания от дождя. И чего им внутри не нравится?

Дождь промочил меня до костей в считанные секунды, но мне было все равно: лишь бы добраться до общежития, пока платье не превратилось обратно в...

— Ноль!!!

Ну, здравствуй, любимая пижама.

Хорошо хоть, что темно, и дождь льет, как из ведра. Никто и не увидит, в чем я иду.

Тут грянул оглушительный взрыв, и небо взорвалось огромным фейерверком! Я зачарованно обернулась, задрала голову и любуюсь яркими всполохами света в ночном небе, но вдруг поймала на себе любопытные взгляды окружающих. Ну, конечно: фейерверк осветил все вокруг на добрые полмили.

Густо покраснев, я горделиво задрала голову, сделав вид, что приходиться на бал в пижаме и мокнуть под дождем — пик моды, и степенно ретировалась с дорожки в кусты. За густой живой изгородью меня никто не видел, и я перевела дух под развесистым деревцем, защитившем меня от дождя толстыми ветвями.

Как хорошо все начиналось, но концовка подкачала. Принц оказался для меня несколько экстравагантен. Угощений было съедено много — это плюс, но вот волшебного сока выпито слишком мало, чтобы забыть все как страшный сон и мучиться воспоминаниями только с утра. И в довершение всего, я стою под дождем посреди лужайки в пижаме и тапочках. Бурые мордочки медведей расползлись от сырости и взирали на меня из грязи, а когда я направилась к общежитию, еще и укоряюще захлюпали.

Я рысцой добежала до общаги и ворвалась внутрь. На вахте сегодня сидел Филимон. Он бросил взгляд в мою сторону, но решил не связываться от греха подальше и промолчал, когда я прошла мимо, не предъявив пропуска и оставляя за собой лужицы воды. Все равно в лицо помнит — а теперь, похоже, по гроб жизни не забудет.

Чепуш спал на кровати Тиффани сном младенца и что-то бормотал про танцующих гномов. Я решила пока что не будить его. Переоделась в сухую одежду, попыталась высушить волосы заклинанием, но оставила попытки, когда кончики угрожающе задымились.

Я взяла со стола список с вопросами к экзамену и наугад прочитала один: «Заклинание Буберта-Буберона. Автор. История открытия. Суть. Химическая основа заклинания. Частные случаи применения. Демонстрация заклинания».

Автор? Легко: Буберт-Буберон. История открытия? Э-э... Суть? Превращение чего-то там во что-то там...

Так.

Глубоко вздохнув, я положила листок обратно на стол, щедро приклепнув его сверху ладонью. Если бы во мне текла демоническая кровь, глаза мои сейчас пылали бы от гнева, а черта я бы испепелила на месте.

— Эй, крестный черт, фей тебя дери! — со всей мочи прокричала я, потянувшись к шерстистому уху рогатого колдунишки.

Тот мгновенно проснулся и так резко подскочил, что чуть не заехал мне копытом в глаз.

— Не ел я яблок, и с гномами не танцевал! — клятвенно заверил он, озираясь вокруг.

Кажется, Чепуш так перепугался, что мигом протрезвел. Поняв, что гномы привиделись ему во сне, он облегченно выдохнул. Но, заметив меня, сглотнул, и его уши мелко затрепетали.

Я сощурила глаза, от всей души желая насрать на фея какой-нибудь сглаз, как неплохо получилось у Кристофа, — но моих способностей на это явно не хватало. Случайный выброс магии не случился. Но Чепуш все же почувствовал себя неудобно.

— Какого фея?! — воскликнула я. — Ты обещал сделать так, чтобы я знала наизусть весь учебник!

Черт скромно потупился.

— Я такого не обещал, — пробормотал он.

— Как это? — оторопела я. — Ты меня на бал отправил, платье наколдовал и все такое. И я говорила, что мне нужно выучить материал из учебника и тетради. Помнишь?

— Помню-помню, только я не обещал, что ты выучишь учебник, — еще тише пробурчал он. — Способность у фей такая: могу за тебя чечевицу перебрать, могу всю работу по дому сделать, могу и учебник выучить... за тебя...

— И ты что, весь учебник знаешь? — ахнула я.

Крестный фей понуро кивнул. Я присела на свою кровать, спрятав лицо в ладонях. Фей спрыгнул, сел рядом, и мы горестно помолчали. Что ж, винить Чепуша — нет смысла. Самой надо было думать. Ох уж мне эти оговорки в магии — терпеть их не могу!

Только что же мне теперь делать?.. Несколько часов потрачены впустую, еще и спать хочется...

— А давай я тебя поднатаскаю? — предложил рогатый мужик, виновато хлопая ушами.

Я вяло кивнула — что ж еще оставалось делать?

в которой я ликую, потом тоскую, а дракон зимней ночи подвергается опасности

Проснувшись утром, я обнаружила, что солнце уже всю радуется жизни, поливая лучами комнату. Я мигом потеряла остатки сна и подскочила в кровати, вопя:

— Проспала экзамен!

Вместо крика из горла вырвался хрип — в довершение всех бед, я еще и простудилась под вчерашним дождем.

Я мигом откинула одеяло и выпрыгнула из кровати. Наглый фей, конечно же, смылся — небось, сразу же, как только я заснула. Вчера ночью он честно тренировал меня — на слух я воспринимала гораздо лучше, но было так поздно, что даже это не помогало. Я припомнила, что пыталась учить, но, видимо, в какой-то момент решила прикорнуть на пять минут и попала в ловушку сна.

Круглые настенные часы показывали одиннадцать утра. Но я не успела начать проклинать себя и все на свете — на глаза мне попала оставленная на столе записка с аккуратным почерком Тиффани, сделанная на красивой светло-фиолетовой бумаге из запасов моей соседки. Начала она с самого главного: «Не паникуй». Это мне понравилось. Остальной текст был такой: «Вчера кто-то сглазил профессора Смолика. Представляешь — у него выросли ослиные уши! А снять сглаз никто не может. Говорят, профессор уехал куда-то в глушь, чтобы его никто не видел с такими ушами, и там будет ждать, пока само не пройдет, все равно занятий пока нет. За экзамен он поставил тройки всем должникам, но придется отрабатывать эти оценки все две недели каникул. Про задание спроси у Тима».

Ничего себе! Мы что, бесплатная рабочая сила? А зачетку Смолику маслом не намазать? Но я тут же остыла: как-нибудь отработаю, что бы там ни ждало. Главное, что сессия сдана! После минутного размышления я решила, что отрабатывать даже лучше, чем сдавать экзамен, и даже мысленно возблагодарила Смолика, а заодно и Кристофа, так удачно наставшего сглаз.

«Я не стала тебя будить, — писала дальше Тиффани. — Кажется, ты устала после вчерашней зубрежки. Я знаю, что ты была на балу, но поскольку потом ты, очевидно, занималась, да и пересдачу отменили, ругать не буду».

Кто-то все-таки рассказал Тиффани, что видел меня на праздновании... Ну, хоть Чепуша она не застала. Какое облегчение!

«Я уезжаю домой. Вернусь через две недели, перед началом семестра. Настоятельно рекомендую тебе попрактиковать заклинания — не относись так халатно к учебе; заклинания нужны не только для того, чтобы сдать экзамены, но и пригодятся тебе в дальнейшей жизни. Не забудь поливать мою мухомашку и открывай для нее окно. Хорошо проведи каникулы. Тиффани».

Я радостно запрыгала по комнате, но быстро закашлялась. Домой я не поеду, так что комната в моем распоряжении целых две недели, и никаких уроков! Почти все студенты, должно быть, уже разъехались по домам, пока я спала, или отправятся осматривать достопримечательности Эльса, преподавателей тоже обычно остается немного — тишь да гладь, никто над душой не стоит. Зато Тим будет здесь, поскольку ему тоже надо будет

отрабатывать — можем сообразить какой-нибудь интересный эксперимент. Учить магию на уроках мне скучно, но поэкспериментировать — всегда пожалуйста.

Я ласково погладила яйцо, продолжавшее мирно почивать в шкафу, и переоделась. В животе заурчало, но для начала сбегая в медпункт. Там меня быстро вылечат, пока я совсем не разболелась.

Медпункт находился в первом корпусе, и я, прихватив пропуск, спустилась по лестнице и пересекла крытый коридор. В здании было пусто — сессия закончилась, все разъехались, но корпус оставался открытым для желающих воспользоваться библиотекой или медпунктом. Других желающих, кроме меня, не нашлось — еще бы, сюда в основном бегают, чтобы получить больничный и откосить от пар.

Я постучалась в дверь слева по коридору и вошла. Солнечный свет, льющийся через единственное большое окно, освещал просторную, стерильно чистую комнату: стол, кушетка, два шкафа — с карточками и препаратами, календарь и часы на стене. За столом обнаружилась медсестра Лечкинс в белом халате, оставленная за главную на каникулах, и я вяло поздоровалась с ней. С «быстро вылечат» я погорячилась. В способностях Лечкинс предотвращать простуду я не сомневаюсь, но работала она ужасно медленно.

— Что-о боли-ит? — протянула она, подравнивая ярко-розовые ногти пилочкой.

Я присела на кушетку и хрипло ответила:

— Горло.

— На-асморк е-есть? — Лечкинс ни на секунду не отрывалась от ногтей. Вжик-вжик, вжик-вжик. Это начинало действовать на нервы.

— Пока нет.

— А температу-ура?

— Не знаю. — Градусник я, что ли? — Какое у меня давление, рост и вес, я тоже не в курсе.

Она никак не отреагировала, отложила в сторону пилочку, нашептала что-то на указательный палец и коснулась моего лба. Пока она со скоростью улитки осматривала мое горло, слушала легкие и готовила настойку, я решила, что в следующий раз лучше умру, чем еще потащусь в медпункт. Впрочем, мне и так недолго осталось — живот заунывными песнями предвещал скорую смерть от голода.

Настойка, к счастью, помогла сразу, горло моментально перестало болеть. Лечкинс заверила, что если буду принимать настойку сегодня и завтра три раза в день, то и вовсе не заболею. Она процокала к шкафу и распахнула застекленную дверь.

— Ку-урс? Фами-илия?

— Второй курс, Лопухова.

— А-а, Лопухо-ова, — неопределенно отозвалась медсестра, сверяясь с каким-то листочком, засунутым за стекло на дверце шкафа. Меня это насторожило. — Профессор Смо-олик сказал обра-ащаться, если нужна по-омощь.

Я кисло подтвердила, что так и есть. Тиффани что-то написала про отработку, но до Тима я еще не дошла. Видимо, отработка нашла меня сама.

— Нужно разобра-ать карточки в шкафу-у, рассортирова-ать по ку-урсам, каждый ку-урс — по алфави-иту. — Лечкинс явно обрадовалась, что не надо искать в этой барахолке мою карточку.

— Что, прямо сейчас? Я еще даже не позавтракала... или не пообедала. В общем, не поела.

— Ничего-о! — еще более радостно махнула рукой медсестра. — Я как ра-аз собиралась в столо-овую, заодно и тебе-е принесу.

Я содрогнулась при мысли о еде из столовой, но Лечкинс было не отговорить, и я попросила принести только свежую выпечку как наиболее безопасную. Она уцокала прочь, и я принялась за сортировку. Карточки, похоже, совали обратно, как попало, а было их изрядно количество, и в итоге тут все перепуталось. Я перетащила все коробки на стол, вынула оттуда карточки и принялась раскладывать по курсам и группам.

Лечкинс, сытая и счастливая, вернулась минут двадцать спустя, с двумя пирожками на тарелке и большой кружкой чая.

— С чем пирожки? — деловито осведомилась я.

— С пови-идлом.

Повидло — это здорово, в повидле таракана не спрячешь. Хорошо, что не с изюмом...

Я с сомнением разглядела выпечку со всех сторон, но она выглядела вполне обыкновенно, а живот у меня крутило от голода, да и от дармовщины я обычно не отказываюсь. Недолго поразмышляв, я все же принялась за еду. Пирожки были теплыми, сладкими, вкусными, а чай отдавал приятным запахом лимона, и я счастливо вздохнула. Двумя пирожками сыт не будешь, но хотя бы потерплю до полноценного обеда.

Лечкинс, явно не желая работать, понесла обратно в столовую тарелку и кружку и задержалась по дороге на добрых сорок минут.

Больше всего я замучалась раскладывать фамилии по алфавиту. Какая там буква идет раньше — с или т?.. Так, проверим: ёпрст... Ага, Рискин пойдет перед Ритрой. Обнаружила карточку Ким, я посмеялась над ее фотографией, сделанной до поступления в институт: Ким выглядела еще как ребенок, совсем другой человек. И волосы у нее действительно были каштановые, как у Тима, еще не крашенные в ядерные цвета. Я поглядела на фотографии всех своих знакомых, подхихикивая над выражениями лиц. На свою карточку я предпочла не глядеть и бросила ее в сторону.

Лечкинс успела вернуться до того, как я закончила с работой, и по буковке выводила диагноз и методы лечения в моей карточке. Как она ни старалась медлить, все же расправилась с работой раньше меня, однако, не горя желанием помочь, вновь принялась подравнивать ногти.

— Закончила! — объявила, наконец, я, когда все карточки были рассортированы, а коробки убраны в шкаф. — Можно идти?

Идти было не можно. Лечкинс указала пилочкой на шкаф около другой стены. В нем стояли баночки-скляночки со всякими лекарствами, коробочки с травами, а также сосуды с более странным содержимым вроде «третьих глаз жабышей» и «бородавок кикимор». Надеюсь, в мою настойку Лечкинс ничего такого не клала...

— Что, опять по алфавиту? — уныло спросила я.

Медсестра кивнула. Ногти подравнивать было уже дальше некуда, и Лечкинс, отринув позывы совести, взялась за чтение романа с пикантной обложкой. Алфавит я уже повторила, так что в этот раз дело пошло быстрее.

— Готово! — сказала я, закончив через полчаса. — Теперь-то можно идти?

Лечкинс задумалась, к чему еще можно меня припахать, но ничего не придумала.

— Мо-ожно, — протянула она. — Если что-о, я напишу-у на доске объявле-ений.

Мне дважды говорить не надо — я мигом выскочила из кабинета, не забыв прихватить пузырек с настойкой, и пошла обратно в общежитие. Вахтер Филимон опять затребовал

пропуск — видать, гости еще не разъехались, и пока они тут, придется все время таскать с собой эту картонку с магическим оттиском в виде герба института. Герб у нас обыкновенный — лев с разинутой пастью и надпись: «Знание — сила и ответственность». Хотя каждый год проводится конкурс на лучший герб, этот побеждает уже лет десять. Я в этом году предложила бобра с книгой заклинаний и надписью: «Грызём гранит магической науки» — но мою идею не оценили. Наверное, потому, что бобр получился слишком похожим на ректора. В следующем году думаю взять тему черта, выполняющего обязанности феи. Надпись будет в духе: «Рожденный чертом может стать феей». А что, на злобу дня. Я сдаваться не намерена и буду рисовать гербы все семь курсов, пока не примут мой вариант. А может, и потом буду по почте присылать.

В холле общежития я подошла к доске объявлений. Приглашение на бал уже сняли, бумажку о пересдаче тоже. Вместо них висело длинное расписание для отрабатывающих на все дни каникул. Смолик любезно оставил памятку: фамилии студентов (с разных курсов нас было всего пятнадцать) и правила — отрабатывать каждый день с девяти утра, кроме выходных, и записывать свою фамилию, а если никакой конкретной работы не поступит, пойти копать в огороде либо на конюшню, там дел на всех хватит. У сегодняшней даты, второго февраля, стояла заметка «медпункт», и я с чувством выполненного долга вписала напротив свою фамилию. Непыльная работа, но очень уж скучная. Я заметила, что несколько человек тоже успели отработать, и Тим в том числе — ходил перетаскивать вещи. Хорошо им, парням, даже левитацию знать не надо, а хрупкой девушке и грыжу недолго заработать. На завтра два единственных распоряжения уже были заняты, и я решила, что пойду на конюшню, к Хеивану.

В животе у меня была целая стая волков, пирожки успели куда-то рассосаться, и я быстро поднялась наверх. Настало время для тыквы, и пока я поднималась, то обдумывала, что же и нее приготовить. Но желанного овоща почему-то не обнаружилось в комнате. Чепуш ночью забрал, что ли? Кончилась сила в крылышках и сделал из моей тыквы транспорт? С утра я не обратила внимание, была ли она в комнате. Но я тут же забыла про овощ, когда открыла шкаф. На нижней полке тряпка и пододеяльник растопырили в стороны все четыре угла — мятые и пустые. Я с ужасом и благоговением выдохнула: неужели дракон уже вылупился?! Да нет, скорлупы нигде не было. Я пошарила по дну шкафа, но укатиться яйцу некуда.

Тыква, яйцо...

Осененная внезапной догадкой, я со всех ног понеслась на кухню. Затормозив у порога, застала на месте преступления своих одноклассников и одноклассницу. Ким резала тыкву на кусочки, три парня с нашего курса сутились вокруг, а Тим положил яйцо на попу рядом с большой миской и как раз заносил молоточек, чтобы аккуратно разбить скорлупку.

— Яйцо на родину! — бешено заорала я, бросаясь вперед. Как раз успела выхватить его, но Тим уже опускал руку с молотком и вместо яйца угодил себе по пальцу. Не слишком сильно, но все же чувствительно. Сунув палец в рот, он обиженно засопел.

— Тебе жалко, что ли, а, Рит? — заканючил белобрысый парень. Я вспомнила, что он один из весельчаков-гитаристов с нашего этажа. — Мы бы с тобой поделились, чесс-слово.

Ким его поддержала:

— Ты обещала что-нибудь сделать из тыквы, вот мы и начали резать, пока тебя нет. Поискали, что у тебя в шкафу припрятано, а у тебя там огромное яйцо. Мы еще помижанов у тебя прихватили.

— Будет больша-ая яичница с овощами, на всех хватит, — мечтательно протянул один из парней.

— Во-первых, это мое яйцо, и это я с вами должна делиться, а не наоборот! — грозно рявкнула я. — Во-вторых, оно не для еды, так что делиться я все-таки не буду! И в-третьих, нечего шарить по чужим шкафам!

— Для чего оно, если не для еды? — фыркнул гитарист.

Дракон внутри яйца явственно зашевелился и отвлек меня. Черная скорлупа начала трескаться, и я прикрыла трещину ладонью.

— Проект для Смолика, — буркнула я и поспешила в свою комнату. Скорлупа трескалась на ходу и, едва я заперла за собой дверь комнаты, начала осыпаться кусочками. Я села на пол, прислонившись к двери спиной. Затаив дыхание, наблюдала, как из образовавшейся дырочки вытянулась чешуйчатая мордочка. Кожа век разлепилась в стороны, и на меня уставили добрые желтые глаза. Зрачки расширились и увеличивались, привыкая к свету, пока не стали узкими, как у кошки. Дракончик был угольно-черным, но я отчетливо видела каждую чешуйку и маленькие рожки на затылке. Благоговейно коснулась пальцем липкой мордочки, и он довольно заклокотал похоже на дельфина.

Дракон высунул лапки и старательно разломал еще часть скорлупы, выбравшись наружу. Я смела остатки яйца в сторону и держала малыша на руках. Он был маленьким, меньше взрослой кошки, но больше котенка и длиннее. На спине двумя толстыми веточками торчали наросты, из которых потом получатся крылья. Длинный хвост с тупоконечными зазубринами чуть покачивался из стороны в сторону, когда дракончик пытался найти баланс на моих руках, переступая мягкими холодными лапками. По этим зазубринам я поняла, что дракоша — мальчик, у девочек их не бывает.

Я чуть не плакала от умиления, позабыв про все на свете, и смотрела, смотрела, смотрела на это хрупкое, невинное создание, впервые постигающее мир.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В дверь постучали, возвращая меня в реальность. Дракончик повернул голову на звук и чуть наклонил ее. Я вспомнила, что драконы не так хорошо различают звуки, но замечательно чувствуют вибрации.

— Рита, ты в порядке? — спросил Тим с той стороны. — Мы не хотели тебя обидеть. Не знали, что яйцо такое важное.

Как-то он сильно беспокоится о моих чувствах. Как будто не знает, что я скорее подзатыльник в ответ дам, чем обижусь.

— В порядке, — коротко ответила я.

Тим сел с другой стороны двери.

— А что это за проект? Мне Смолик ничего не давал.

— Эээ... это так, в наказание за книжку... — неубедительно ответила я.

Дракончик выбрал прекрасное время, чтобы запищать, и я спешно понесла его на другой конец комнаты.

— Что там у тебя? — раздалось из-за двери.

— Н-ничего.

Я положила дракона на кровать и вытерла его подвернувшимся под руку полотенцем. Малыш принялся обследовать поверхность, но продолжал попискивать. Голодный, наверное. Кроме орехов у меня ничего не было, и я предложила один дракону. Скромные запасы, купленные Тиффани, уже иссякли, остались только украденные помижаны, и я корила себя,

что не догадалась сделать запас для дракончика.

— Я же слышу, — не сдавался Тим. — Кто-то вылупился из яйца? Тебе помощь не нужна?

— Нет. Говорю же, проект для Смолика, — отозвалась я. — Он попросил приглядеть за яйцом, а вылупился... — я не знала, что и соврать, — цыпленок.

— Из огромного черного яйца? — не поверил Тим.

— Это огромный черный цыпленок.

Дракончик обхватил ртом орех, и я увидела, что у него не выросли зубы. Он обмусолил орех так и сяк, но не смог разгрызть даже очищенный и жалобно запищал.

— Сиди тихо, — шепнула я и пошла к двери, но дракон потянулся следом, плача еще громче и жмуря глаза. Пришлось взять его на руки.

Просто замечательно! Голодный дракон требует поесть, но не отпускает меня, на кухню я взять его не могу. А под дверью все еще сидит Тим, допытывающийся, что происходит. Я обессиленно простонала.

— Ты можешь принести мне кусок тыквы с кухни? — сдалась я.

— А ты дашь посмотреть на «цыпленка»? — моментально оживился Тим.

Ладно, другого выхода все равно нет. А Тиму я доверяю, как никому другому. Он и сам по себе не мог бы быть контрабандистом, да и я вычеркнула из подозреваемых первые два-три курса. К тому же Тим умеет хранить язык за зубами.

— Только если ты никому не скажешь. Даже Ким. — Ее так просто молчать не заставишь, запросто растреплет подругам «по секрету», хоть и не со зла. — И принеси еще миску и толкушку. И молока.

— Хорошо, — вздохнул Тим. А вот нечего было помощь предлагать.

Я баюкала дракончика на руках, пока Тим не вернулся, постучав в дверь ногой. Я предупредила, чтобы он крепко держал все, что принес, и не уронил от удивления.

Держал он действительно крепко, как я и попросила, но глаза выпучил так, что чуть не лопнул. Дракоша уставился на него в ответ и потянулся вперед, почуяв еду.

— Дракон! — только и сумел выпалить Тим.

— Сама знаю, что не курица. Заходи, давай, ставь все на стол.

Тим бочком обошел меня, не сводя глаз с дракона, и поставил на стол Тиффани тарелку с тыквой, кружку молока и зажатую под мышкой толкушку из дерева. Я закрыла за другом дверь и вручила ему дракона. Он даже подпрыгнул от неожиданности и оцепенел, когда малыш заполз ему на плечо и удобно устроился, наблюдая, как я толку тыкву до кашицы. Вот и проверим, так уж ли всеядны драконы.

Я налила в миску с тыквой молоко и посадила дракончика рядом. Тим выдохнул, избавившись от такого всадника. Я читала в книге, что люди какое-то время пытались оседлать драконов, но это первый раз, когда дракон оседлал человека.

Угощение малышу понравилось. Он с удовольствием выпил молоко, проглатывая мякоть тыквы. Дракончик действительно был способен питаться самостоятельно, хотя и нетвердой пищей. Он съел все, что было в миске, и даже послонявил толкушку, у меня аж глаза на лоб полезли — и куда в кроху столько влезло? Я перенесла дракончика на свою подушку и села рядом. Он повозился и свернулся калачиком.

— Я чувствую себя мамочкой, — просюсюкала я, глядя на малыша. — Ну, только не надо кормить его из соски. И менять пеленки. Собственно, пока что он очень непроблемное дите.

Тим решил уклониться от темы материнства и задал вопрос, который довлел над ним уже пятнадцать минут:

— Где ты его взяла?

Я даже не знаю, чего в его голосе было больше: ужаса, восхищения или любопытства.

Пришлось еще раз рассказывать историю, добавив сюда идею Берека про контрабандистов. Тим слушал, раскрыв рот.

— Нельзя же оставлять контрабандистов безнаказанными! — воскликнул он, выслушав меня.

— А что ты предлагаешь делать?

— Давай расскажем кому-нибудь... Не может быть, чтобы ректор Боскарента занимался контрабандой. Или Хеиван — он же нормальный мужик.

— А кто тогда может заниматься контрабандой? — Я покачала головой. — Мы не можем даже предполагать, кто это, поэтому нельзя доверять никому, иначе дракоша может пострадать. Давай расскажем кому-нибудь после того, как он улетит.

Тим с сомнением посмотрел на спящего дракона. Я и сама не верила, что он найдет дорогу домой, где бывал только в яйцеобразном состоянии, но Берек и книги убеждали, что так и есть.

— Нам нужно составить список подозреваемых: кто был здесь в ту ночь, у кого нет алиби... — начал Тим, загибая пальцы.

— Давай не будем играть в Шерлока и Ватсона, — простионала я.

— В кого? — не понял Тим.

— Неважно. Как-нибудь привезу тебе книгу. Я хочу сказать: давай не будем делать вид, что мы можем поймать людей, которые сумели выкрасть у драконов яйцо. Потому что мы не можем. Зато, если постараемся, дракоша вернется домой в целости и безопасности.

Я многозначительно сверлила Тима глазами, пока он не согласился со мной, хотя и неохотно.

— К тому же, мне влетит за то, что я не рассказала обо всем сразу, как только нашла яйцо, так что отступать поздно. А ты теперь соучастник.

Тим хмыкнул, показывая, что нисколько не против. В отличие от Берека, он добровольно впутался в эту историю и не собирался бросать меня в одиночестве.

— А кто-нибудь еще знает, что дракон у тебя? — спросил он.

— Только Берек.

— Берек? Зачем ты рассказала Береку?

Он что, обиделся, что ли?

— Мне надо было выяснить, чье это яйцо, — зачем-то оправдывалась я. — А Берек-то точно это знал, он же такой начитанный. И он был мне должен за ту глупую книжку с пробной версией.

— Ну ладно, — протянул Тим, и возникла какая-то непонятная пауза. Чтобы заполнить ее, я спросила:

— Как твоя отработка?

— Нормально, потаскали стулья из кабинета в кабинет, поставили парты на место. А ты?

Я в красках описала медсестру Лечкинс, удачно изобразив ее в пантомимах, отчего Тим засмеялся. Люблю его смех, красивый, когда Тим не расходится, как на балу. Не то, что мой. Начинаю смеяться, как лошадь, а в конце обязательно хрюкну, как свинка. Целый зоопарк! А

тихо смеяться вообще не умею, и если мне на лекциях сказать что-то смешное, так и буду на всю аудиторию хохотать. Причем все этим пользуются, и анекдоты рассказывают непременно мне, поэтому преподаватели не раз выгоняли меня за дверь за хулиганское нарушение тишины. К счастью, им хватало чувства справедливости выгнать и того, кто меня рассмешил, и мы вдвоем пинали ветер до конца пары.

Я посмотрела на чешуйчатое чудо на подушке.

— Куда я его дену завтра? — вздохнула я. — Придется оставить здесь, пока я на отработке. Затоскует ведь.

Тут мой живот выдал внезапные рулады, и я вспомнила, что так и не пообедала. Живот моего друга подхватил песню, и Тим предложил принести чего-нибудь поесть. Я с радостью согласилась.

Принес он непонятное нечто, которое тем временем наварили Ким и компания. Поняв, что я со своими скромными, но хотя бы имеющимися кулинарными навыками не вернусь, они решили кашеварить сами и просто смешали в кучу все, что нашли: тыкву, помижаны, еще какие-то овощи, обычные яйца, колбасу и фей его знает, что еще. На вид — адская смесь, но съедобно. Я собиралась делать суп-пюре приятного оранжевого цвета, но на халявную еду жаловаться не буду.

Мы уплетали еду за обе щеки, потом Тим сгонял за чаем. Дракончик даже не пошевелился во сне, и Тим поинтересовался, сколько еще он будет так лежать.

— О, маленькие долго спят, — пояснила я. — Он столько съел, что до вечера не проснется. Но я не хочу, чтобы он открыл глаза и не застал меня, поэтому лучше никуда не пойду.

— Хочешь, останусь с тобой? — предложил Тим. — Чтобы нескучно было.

Я обрадованно закивала.

Тим и правда просидел со мной до ночи.

Он отлучился, только чтобы проводить сестру до портала. Я тоже ненадолго вынырнула попрощаться, но из блока выходить не стала. Сказалась больной, для убедительности продемонстрировав бутылочку с настойкой, выписанной Лечкинс. Ким обняла меня так, что ребра чуть не хрустнули.

— Хорошей отработки, дурашка. — Она показала язык. — В следующий раз бери с меня пример и сдавай экзамены сразу.

— Не задирай нос, а то голова отпадет, — посоветовала я со смешком.

Вот такая у нас дружба. Без подколов не обходимся.

Вечером дракончик проснулся, но отказался от еды. Тим нашел в книге главу, которая объясняла: драконы могут накапливать энергию разом и потихоньку ее тратить. Вот повезло им — наелся один раз и весь день сыт. Мне бы такую способность.

Проснувшись, дракончик первым делом наведалься в уголок и сделал дела, свойственные всем, кто хорошо покушал и успеть немножко переварить. Тим с ногами забрался в кровать, чтобы не мешаться на пути, пока я носилась туда-сюда, прибирая наделанные дела и настойчиво показывая малышу поднос с опилками в другом углу — лучшее, что смог найти Тим за неимением в общежитии кошачьих лотков.

Потом я отпустила дракончика исследовать комнату, и он облазил весь пол, пожевал стол Тиффани, собрал пыль под кроватью и застрял под шкафом. Тим вытащил его, но дракону захотелось ко мне на ручки. Малыш принялся мусливать мой палец, и я заметила, что у него прорезаются маленькие зубки.

— Как быстро! — поразилась я. Мне показалось, что и наросты-крылья чуть раздвинулись. — Дракоша-то быстро вырастет.

— Что ты его все дракошей называешь, — сказал вдруг Тим, пристроившись на кровати рядом со мной. — Дай ему какое-нибудь имя.

— Хм... Уголек? — предложила я, поглядев на черную чешую дракона.

— Как скучно, — фыркнул Тим. — Он же не котенок.

— Ладно, твой вариант, умник?

— Черная Смерть! — тут же воодушевился Тим. — Или Зимний Буран!

— Ну, Смертью мы его называть не будем, — поморщилась я. — А Буран мне нравится. Он же у нас зимний солдатик. Как тебе, нравится, Зимний Буран?

Дракончик довольно запищал.

Когда он, наконец, утомился и снова пристроился на подушке, Тим ушел к себе, и я легла спать. Буран вежливо поделился подушкой и тихо спал рядом, но я чувствовала, что не одна, и от этого было очень уютно.

Глава шестая

в которой мои 33 несчастья продолжаются: я копаюсь в земле, не вовремя блещу стихотворным талантом, а в моей комнате появляются еще одни незаконные жильцы, приведшие к пожару

Утром, проснувшись, я почувствовала на себе что-то тяжелое. Открыв глаза, увидела дракона, растянувшегося на мне, причем филейной частью к лицу. Пузо он прижал к моей ключице, мордой доставал до живота. Ну и наглость.

— Буран, а хотя бы мордой к лицу никак? — спросила я у его задницы. Дракон тоже проснулся и вильнул хвостом, ударив меня по носу.

— И тебе доброе утро, — отозвалась я.

Сбросив наглеца на одеяло, я заметила, что за ночь наросты на его спине раскрылись, между косточками стали видны перепонки. Буран тоже заметил обновления и довольно сжал и разжал маленькие крылышки.

— Скоро и летать сможешь, — хмыкнула я и погладила дракончика. Он радостно запищал, и во рту показались маленькие зубки. Растет он действительно не по дням, а по часам.

Я встала и серьезно обратилась к дракону:

— Буран, сиди тут. Я схожу за едой.

Я изо всех сил попыталась послать дракону телепатические сигналы своих намерений. Не знаю, получилось или нет — может, Зимний Буран просто стал освоился со вчерашнего дня. В любом случае, он потянулся за мной и запищал, но не жалобно. Я забежала в ванну, потом совершила набег на кухню. Прикарманила чей-то йогурт из общего холодильника (не подписано — значит, общее; закон нашего общежития. Я тоже иногда попадаюсь, забыв подписать). Себе сделала яичницу и налила чай, понесла все это в комнату, где застала следующую картину.

Зимний Буран еще до моего прихода сумел запрыгнуть с кровати на подоконник и пошел водить знакомство с мухомашкой. Та прикинулась невинным цветочком и замерла, наивный Буран с любопытством потянулся к желтой сердцевине. Я открыла дверь, как раз когда мухомашка бессовестно захлопнула белые лепестки на морде дракона. Я сильно сомневалась, что небольшое растение съест крылатого ящера, пусть и маленького, но оттяпать что-нибудь может.

Я бросилась на помощь малышу, но пока бежала из одного угла комнаты в другой и ставила еду на стол, Буран вывернулся и сожрал плотоядный цветок — только стебель грустно поник, скорбя о содеянном. Я обалдела уставилась на дракона, а тот лишь пискнул в ответ. Ну, и кого тут еще надо было спасать?.. Мда, Тиффани меня убьет. Впрочем, когда она увидит, что у нас живет дракон, ей будет не до почившей мухомашки.

Буран с удовольствием позавтракал не только цветком, но и йогуртом, отхватил кусочек моей яичницы и сунул длинную морду в кружку с чаем, чуть не опрокинув ее. И впрямь дите малое. Вот только у меня нет времени возиться с ним.

— Прости, Буран, мне надо идти. — Я взяла малыша на руки и почесала пока еще нежный подбородок. — Обследуй комнату и веди себя хорошо. Вот орешки — съешь, если

проголодаешься. Вот катушка ниток — можешь поиграть с ней. Но не перепутай, что для чего!

Буран выслушал меня так внимательно, что я не сомневалась — он меня понял. Я опустила малыша на пол, и он обнюхал миску с размельченными орехами. Есть не стал — видимо, после вчерашнего переедания про запас он догадался, что голодуха ему не грозит и съесть все разом необязательно. Потом Буран прошлепал к предложенной катушке синих ниток. Не знаю, играют ли драконы, как собаки или кошки, но ничего другого я не нашла. Буран, тем не менее, остался доволен: толкнув лапкой катушку, он пришел в восторг от того, как она покатила прочь, и с радостным писком запрыгал вокруг. Толкнул в другую сторону, потом еще.

— Вижу, что тебе нравится, — подытожила я. — Не скучай.

Я прихватила пропуск и тихонько вышла за дверь, не забыв запереть ее на ключ. В коридоре столкнулась с Тимом, и мы пошли вместе. Как и я, он надел спортивный костюм.

— Куда ты? — поинтересовалась я.

— К земляничкам. А ты?

Я собиралась на конюшню, но, подумав, решила пойти с Тимом. Вместе веселее.

— Как там... — Тим оглянулся по сторонам и громким шепетом закончил: — ...Буран?

— Растет, и очень быстро. Уже более самостоятельный. Только не знаю, чем кормить, сама скоро буду питаться солнечным светом.

— Бери еду в столовой, — предложил Тим и пояснил, увидев мое скривившееся лицо: — Да не для себя, для Зимнего Бурана. Сама говоришь, он всеядный, так что и таракана с удовольствием слопает.

Идея мне понравилась — заодно и проверим, как там обстоит дело с насекомыми и действительно ли ото всех непрошенных гостей избавились.

Мы с Тимом подошли к огороду, поприветствовав Апогея. Гигантский пес радостно облизал нам руки. На грядках уже собралась кучка должников, человек восемь, и рассредоточилась по огороду, занимаясь каждый своим делом. Любителей чистить стойла было явно маловато. Парень, который окликнул меня, когда я искала улики, внимательно наблюдал за их работой, как надзиратель.

— А, еще одни, — с кислой миной протянул он, увидев нас. — Идите сюда. Да не топчите культуру! По тропкам, по тропкам!

Мы гуськом приблизились к нему.

— Меня зовут Лопатыч, — сказал он, — и первый, кто засмеется, не разогнет спину до заката.

Я прикусила губу, чтобы не засмеяться, и напрягла живот. На Тима я даже не глядела, иначе бы точно не удержалась. Я могу начать смеяться, даже если он мне палец покажет. Или посмотрю на его лицо — вспомню что-нибудь смешное из наших разговоров и не могу остановиться. Но мы отвернулись друг от друга, и Лопатыч, внимательно осмотрев наши лица, счел их достаточно серьезными.

— Это кличка, но все зовут меня только так, — пояснил он. — Ну, мелкота, термоустойчивые щиты создавать или обновлять умеем?

Мы дружно покачали головами, все еще не решаясь говорить вслух, чтобы не рассмеяться. Даже не стали обижаться на «мелкоту», хотя он сам еще студент, хоть и со старших курсов.

— Так я и думал. Пересаживание растений я вам тоже не доверю... Ладно, идите вон в

ту теплицу, сорняки выпалывать будете. Все инструменты справа от входа. И дверь за собой закрыть не забудьте. А ты сережку нашла?

Он смотрел на меня, и я оторопела. Даже весь смех растеряла.

— Какую сережку?

— Которую твоя подруга потеряла, — с насмешкой ответил он.

— А-а... — Я вспомнила свою маленькую ложь. — Я и забыла уже. Она в тот же день нашла. Под подушкой.

— Ну, ладно... Давайте, топайте.

Мы отправились в большую застекленную теплицу с четырьмя длинными рядами маленьких кочанов капусты. Внутри было тепло, и я сняла куртку и кофту, оставшись в одной футболке. Мы с Тимом бросили верхнюю одежду на стол справа от двери и взяли некогда белые перчатки с синими пупырышками на ладонях. Тим поплотнее прикрыл дверь, чтобы уж точно не распахнулась, и мы принялись ползать на коленях, выдергивая мелкие сорняки из земли. И что это за маги, которые не могут придумать заклинание против сорной травы?

В процессе работы я надкусила одну из капуст. На вкус ничего особенного. Может, хоть вырастет огромная-преогромная?

Солнце прокочевало по небу и начало опускаться, а мы все сидели на карачках, отчего уже устали ноги. Я вставала и снова садилась, разминая конечности, как будто исполняла какой-то дикарский танец для лучшего роста урожая. Тим справлялся с работой гораздо быстрее, но все же мы не успевали прополоть все. Лопатыч пришел оценить нашу работу после полудня, придиричиво оглядел грядки. Заметив надкусанный кочан, закатил глаза и тяжело вздохнул. Я поняла, почему он не был рад лишним работникам — вреда больше, чем пользы.

— Идите уж, — разрешил он и желчно добавил: — Только по дороге ничего не прихватите.

Мы быстренько положили на место перчатки, накинули свою одежду и вышли наружу вслед за Лопатычем. После тепла мороз пощечиной ударил по лицу, и на глаза набежали слезы.

Вдалеке, у самого заборчика маячила фигура, и ответственный Лопатыч пошел посмотреть, кто там ходит. Мы направились за ним — все равно нам в ту сторону.

Фигура оказалась послем Дарона. Его одежда была не такой нарядной, как на балу, но все равно богатой: из хорошей зеленой ткани и с изящной вышивкой. Темные волосы все так же падали на глаза. Посол трепал Апогея за ушами, а красноглазый пес молотил хвостами, как ветряная мельница.

— Уже успели сдружиться, посол? — вежливо спросил Лопатыч, привлекая внимание.

— С таким славным псом трудно не подружиться, — ответил тот, поднимая глаза и окидывая нас троих взглядом. — Наверное, хорошо служит.

— Да уж не очень, то и дело еда пропадает по ночам. — Лопатыч покосился на меня, и я сделала вид, что ни при чем.

Что, в самом деле, я? Тим вон тоже тыкву притащил, а ее пропажу сложно не заметить, не то что пару картошин. Но я, конечно же, промолчала, отдуваясь за весь студенческий коллектив. Видимо, Лопатыч все-таки не поверил, что я искала тогда сережку, но решил, что пришла за бесплатной едой.

Посол оценивающе на меня посмотрел.

— Апогей старается, — встал на защиту пса Тим.

— Апогей? — Посол изящно приподнял брови.

— АПГ-42, — поправил Лопатыч, на этот раз стрельнув глазами в сторону Тима. Лучше старшекурснику не знать, что эту кличку дала собаке я, а то и вовсе живьем съест. Огород топчут, овощи воруют, пса переманивают, так еще и кличку новую дают.

— Мне нравится имя Апогей, — улыбнулся посол и выпрямился, отпустив пса. — Что же, приятно было познакомиться.

Посол коротко кивнул парням — они неловко повторили жест в ответ. Мне он протянул руку, и когда я приняла ее, поцеловал мою ладонь. Ух-ты, как в настоящей сказке! Хорошо, что я работала в перчатках, и руки остались чистыми.

Когда он отпустил мою ладонь, я заметила, что на тыльной стороне, куда пришелся поцелуй, переливалась золотая роза и маленькие цветочки вокруг, как волшебные татуировки.

— Как красиво, — восхитилась я, оценив оригинальный подход в традиционному подарку — букету цветов. — А вы маг, господин посол?

— Да, я учился здесь же. И прошу, вы можете звать меня Эрилоном. — Смотрел он только на меня, и я приняла это за исключительное разрешение.

«Уи-и-и», — подумала я.

— Хорошо, Эрилон, — сказала я вслух.

Он задержал на мне взгляд, улыбнулся и направился к хоромам. Я выдохнула. Пусть он и не принц, но его темные светятся королевской мудростью, это уж точно.

— А вблизи он еще симпатичнее, чем издалека! — сказала я вслух.

Апогей твякнул — то ли согласно, то ли просто так. Ребята презрительно остались при своем мнении. Лопатыч вернулся к грядкам, оценивая, принесли студенты больше пользы или же вреда. Мы с Тимом пошли обратно к общежитию, и по дороге я хвастливо сказала:

— Слышал, я могу называть посла по имени! Э-ри-лон!

Тим фыркнул и отвернулся. Жалко ему, что ли? Ну, и ладно. Небось, завидует — сам-то ни разу не догадался девушке цветы подарить, тем более, в такой необычной манере. Брал бы на вооружение.

До общежития мы дошли молча, думая каждый о своем. Мне посол понравился — такой вежливый, обходительный. Настоящий принц, разве что без титула. Но, наверное, тот еще ловелас, раз даже мне оказывал знаки внимания. Я так замечталась о том, о сем, что не заметила, как передо мной выросла свора из четырех студенток. Среди них я узнала только Феорру, выпучившуюся на меня снизу вверх.

— Ты что, с послом сейчас разговаривала? — выпалила она. Ни «здрасьте», ни «досвиданья».

— Ну да, — пожала я плечами, словно это самое обыкновенное дело для меня — разговаривать с высокопоставленными лицами. Не упуская случая, прихвастнула: — Он мне татуировку подарил.

Феорра дернула меня за руку, чуть не оторвав ее, и благоговейно уставилась на цветы. Остальные девушки тоже бросили на них заинтересованный взгляд. Феорра не была похожа на коварную соблазнительницу — с ее ростом и внешностью она напоминала плюшевого мишку, которого хочется потискать. Тем не менее, я заметила, что она очень уж хочет произвести впечатление на дворянина. Феорра даже осталась в общежитии на каникулах, тогда как все остальные из группы Несостоявшихся Бунтовщиков, Пытавшихся Проникнуть

За Ворота Хором, Чтобы Поглядеть На Принца, разъехались по домам. Послы послами, не семейный уют важнее.

— И тебе то-о-оже подарил, — плаксиво протянула Феорра, подавив слезы.

— «Тоже»? — приподнял брови Тим, все еще стоявший рядом.

Феорра, чье внимание было всецело поглощено татуировкой, не обратила внимания на моего друга, но когда он заговорил, заметила его, округлила глаза, покраснела и молча уставилась на парня. Тим, почувствовал себя так, словно перепутал дверь и вместо шахматного клуба зашел на собрание сатанистов — неловкая пауза, молчание, отступление.

Когда Тим бочком обогнул женское собрание и скрылся в общежитии, Феорра выдохнула, восстановила нормальный цвет лица и пояснила:

— Он всем девушкам цветы дарит, а мне нет.

Меня несколько не удивило такое заявление, хотя до этого меня несколько грела надежда, что я одна такая везучая.

— А вот и не всем, — попыталась успокоить ее одна из девушек, державшая настоящую красную розу — видимо, подаренную послом. Но ее «не всем» звучало как «только избранным», и это окончательно расстроило Феорру.

— Почему тебе, а не мне? — обиженно выпалила она в мою сторону.

Ну, знаете. Конечно, этот медвежонок симпатичнее меня, но это же не значит, что все должны его любить? У меня хватает уважения к себе, чтобы принимать комплименты, не задаваясь вопросами и не мучаясь сомнениями, был ли в словах подвох. Я уже хотела сказать по этому поводу несколько резких слов, но меня опередила другая девица, принявшая на себя удар разъяренного мишки:

— Может, он тебя из-за роста не заметил?

Феорра обратила на нее гневный взгляд, но девица с улыбкой его выдержала.

Девушка была высокой и широкой, с темной, почти черной кожей, так что глаза двумя фонарями сияли на лице. Она была явно далека от всех девических проблем, и ее забавляла сложившаяся ситуация.

— Мне он тоже ничего не подарил, — беззаботно сказал она. — А ты попробуй попадаться ему на глаза почаще, он точно не устоит перед твоим очарованием.

— Думаешь? — просияла Феорра.

Она с надеждой уставилась на темнокожую девушку взглядом, замутненным перспективами счастья и богатой жизни с мужем-послом.

— Конечно, — серьезно кивнула та, но я видела блеск в ее глазах. — Идем, поищем господина посла.

Кому-то, видимо, настолько нечем заняться на каникулах, что единственное развлечение — наблюдать за попытками Феорры привлечь внимание Эрилона. Та, впрочем, не заметила никаких подколов за словами и позволила увести себя на поиски посла Дарона. Остальные увязались за ними по собственным соображениям.

Мне тоже хотелось поглядеть на Феорру — хотя бы из мести за ее слова, но меня дождался Буран, и я не пошла за девицами. Только поглядела на свою татуировку и решила, что буду довольствоваться любым вниманием — неважно, с кем еще оно поделено. Все равно приятно.

В комнате меня поджидал сюрприз от Бурана, мигом выкинувший из моей головы все мысли об Эрилоне. И я имею в виду не «сюрприз в уголке», поскольку дракон научился пользоваться лотком. В комнате царил хаос. Картонный рулон из-под ниток валялся в углу,

сами нитки хаотично вились вокруг ножек столов, стульев, кровати и шкафа, как самая настоящая ловушка против воров. Буран не смотрел фильм «Один дома», но, думаю, в подобной ситуации бы не пропал и поймал бы всех грабителей в свою сине-ниточную западню.

Сам зачинщик этого безобразия мирно спал на кровати, свернувшись клубком. Услышав меня, он поднял голову и весело пискнул. Перебирая толстыми лапками, плюхнулся с кровати и потопал в мою сторону, но запутался в собственном ниточном творчестве. Чем дальше он пробирался, тем сильнее увязал. Пришлось подойти к нему, одной рукой прижать к себе, другой — распутывать нити вокруг чешуйчатых лапок. Зимний Буран весело пищал.

— Он еще и радуется, хулиган мелкий! — Я подняла освобожденного дракона на уровень глаз и строго посмотрела на него. — Я тебе для чего нитки дала? Погонять из угла в угол, а не лабиринты делать!

Буран примирительно pokrutil хвостом. Вздохнув, я закинула его на кровать и полезла к столу за ножницами, стараясь не увязнуть самой. Буран с интересом наблюдал, как я пытаюсь спасти нитки, отрезая их по кусочкам и наматывая на рулончик. Наконец, хаос был устранен.

Шалости дракона на этом не кончились, но хотя бы сегодня он вел себя тихо-мирно.

Вечером, когда Буран катал по полу катушку, у которой я закрепила торчащий кончик нитки, а я лежа дочитывала «По следу дракона», заглянул Тим. Он сказал, что в столовой устраивают небольшой пир, приглашают всех присоединиться. Немного поразмышляв, я решила сходить. Зимний Буран стойко переносил одиночество — нянька ему нужна была только в первый день, после стресса от вступления в новый мир. Конечно, он ужасно радовался, когда я приходила, даже если отлучалась только до кухни или ванной; да и мне было боязно оставлять его одного — вдруг его кто-то обнаружит. Поэтому я старалась возвращаться поскорее. Но перспектива провести две недели в стенах, выходя только на отработку, меня не радовала, и я решила сходить хотя бы на бесплатный ужин. Дракончик не возражал, самозабвенно катая нитки.

Мы с Тимом прошли через крытый коридор в учебный корпус, оттуда — в столовую на первом этаже и в нерешительности остановились посередине первого зала.

— Проходите, проходите, — махнул нам рукой замректора из-за преподавательского стола.

Ух, не люблю я этого типа. Конечно, Лиор Гир симпатичный, с роскошной темной шевелюрой и вежливый такой: все студенты попадают на его обаяние. Но стоит связаться с Гиром один раз — потом будешь избегать его любой ценой. Он перекладывает работу на всех вокруг. Надо собрать со всех подписи за технику безопасности? Пусть старосты собирают. Кто-то не прошел медосмотр? Эй, пробегающий мимо студент, сходи, найди этого товарища и отведи его в медпункт. А уж если задолжать Гиру за его предмет, — историю и географию Эльса — то он с тебя вовсе не слезет. Будешь бегать по всему институту, искать незнакомых тебе людей, собирать с них документы, передавать сообщения преподавателям и выполнять прочие поручения, пока Лиор Гир не поставит тебе злосчастный зачет.

Мы с Тимом решили сесть подальше от замректора — с него станется и на небольшом празднике припахать к работе. Дальний от входа стол буквально ломился от еды — там мы набрали полные подносы и устроились в углу, с нашим одноклассником Кристофом. Я и не знала, что он не поехал домой — из-за суматохи с отработками и драконом я даже не в

курсе, кто вообще остался в институте на зимние каникулы. Вот сейчас и поглядим.

На мой вопрос, чего он здесь забыл со сданной сессией, Кристоф таинственно отозвался, что хочет поработать на кротовью сеть, поскольку остальные поразъехались. Он так гордился своей должностью, что постоянно корчил из себя какого-то тайного агента или члена мафиозного клана. Кроты, конечно, хорошие ребята, но таким пафосом, как Кристоф, никто не исходил.

Кротовья сеть представляла собой группу студентов, которые могли по своим внутренним каналам достать все, что могло понадобиться остальным, в обмен на услуги, товары или деньги. Сеть держалась в секрете от преподавателей, зато все студенты прекрасно о ней знали и пользовались ей. Конечно, профессора не могли не знать о существовании сети, но вычислять, кто, что и почему, было бесполезно, так что они делали вид, что ничего не происходит, а мы «не отсвечивали». По метафорическим кротовым туннелям ходили шаргалки, запрещенные заклинания и редкие компоненты зелий. Вклад, делавшийся каждым студентом в кротовью сеть, записывался в виде бонусов, чтобы всем досталось по-честному.

Оглядев зал, я поняла, что других кротов здесь действительно нет. По крайней мере, знакомых кротов — всех я не знаю. В столовой вообще было немного народу, от силы пятьдесят студентов. Немного по сравнению с общим количеством учащихся, конечно. На зимние каникулы оставались, в основном, должники и ответственные семикурсники, посвящавшие свое время дипломной работе. Были и такие индивидуумы, которым не хотелось ехать домой — в основном, эльские. Телепорты работали только между мирами, а потратить две недели каникул на тряску в телеге или верхом хотелось не каждому. Эти ребята были свободны от учебы и обычно устраивали по вечерам такой кутеж, что вся общага тряслась, пока учителя не приходили разбираться. Вчера они молчали, видимо, собирая ресурсы, но я ничуть не сомневалась, что тусовка начнется сегодня и закончится только к началу семестра.

Преподавателей осталось значительно меньше, чем студентов: ректор, пресловутый замректора и шестеро преподавателей, которым нечем было заняться. Остальные приняли вчера последних должников, сделали ручкой тем, кто не сдал со второго раза, и укатили отдыхать в теплые края. Среди присутствовавших я знала только Тео Хеивана — она преподавал у нас в прошлом году основы бестиологии. Также за преподавательским столом сидели: медсестра Лечкинс, вечно одинокая лаборантка, посол Эрилон и принц-гоблин Кримон Первый. Для последнего специально принесли стул повыше, а рядом сидел охранник с мечом наперевес и наяривал мясо, не забывая крутить глазами и выискивать потенциальную опасность.

Когда подтянулись последние студенты, ректор грузно поднялся с небольшой речью. Ближайшие к нему столы замолчали, и волна тишины прокатилась по залу, пока все не стихли.

— Дорогие студенты, поздравляю вас с окончанием сессии... — громогласно начал он, уже привыкший по сто раз в год произносить тосты и поздравления.

Очень удачно начал, конечно, учитывая, что большинство оставшихся продолжают работать на диплом или отрабатывать долги.

— Мы с коллегами решили устроить для вас небольшой пир. — На это раздались приветственные возгласы бедных и голодных студентов. — Веселитесь, отдыхайте. Но в меру — нам еще надо где-то учиться в последующие годы, хе-хе. И пусть следующий семестр

закончится еще удачнее этого!

После непродолжительных аплодисментов студенты с удвоенным аппетитом взялись за еду. Я не отставала от остальных, сбегав еще раз к шведскому столу. Кто-то решил, что без музыки скучно, и притащил гитару. Постепенно атмосфера стала совсем расслабленной. Жалко, что преподаватели остались самые степенные, а то некоторые почище студентов веселятся. Но они уехали веселиться без нас.

Когда ректор и его заместитель почтенно удалились, в ход пошли студенческие частушки. Но пока что безобидные — в зале еще оставались преподаватели и принц с послом, не хотелось их смущать. Но народ так разошелся, что я хохотала до упаду и забыла о присутствующих взрослых. Не удержалась, встала на стол и продекламировала свою собственную частушку, сочиненную на ходу:

Шла на принца поглядеть -
Оказалось, гоблин.
Рот раскрыла и молчу,
Вдруг как ляпну: «Во, блин!»

Вся столовая смеялась, даже две поварихи, тоже присоединившиеся к веселью. Но когда Тим зашикал на меня и потянул вниз, я вспомнила, что принц Кримон все еще здесь, и метнула на него испуганный взгляд. Он смотрел на меня с улыбкой, но я все равно устыдилась и молча слезла со стола. Кристоф показал большие пальцы, но меня это не успокоило.

— Нехорошо вышло, — сказала я, прикладывая холодные ладони к горячим щекам. Было так шумно, что услышал меня только Тим. — Надо бы подойти, извиниться...

Тим сочувственно улыбнулся, и я направилась к преподавательскому столику, с виноватым видом остановившись напротив принца.

— Простите, принц Кримон, я не хотела вас обидеть...

За него ответил сидевший рядом Эрилон:

— Я думаю, мой друг на тебя не в обиде. У него хорошее чувство юмора.

— Мне действительно понравилось твое творчество, — кивнул принц. — Рад, что в институте учатся всесторонне одаренные студенты.

Гоблин и вправду благосклонно отнесся к моей частушке, и я облегченно выдохнула. Не хватало еще рассорить принца с институтом. Лиор Гир бы тогда до седьмого курса с моей шеи не слез.

Вблизи я увидела, что зеленая кожа гоблина покрыта мелкими чешуйками, глаза у него желтые, а взгляд — цепкий, нос крючком, и на пальце массивное кольцо. Длинные уши подергивались в такт частушкам, которые продолжались литься рекой из-за студенческих столов.

— Интересная у тебя татуировка, — заметил принц, глядя на мою ладонь. Цветы даже не думали исчезать, все так же переливаясь золотом.

— Спасибо. Это...

— Принц Кримон, время позднее, Вы не собираетесь вернуться в комнаты? Я бы составил вам компанию по дороге, — предложил Эрилон.

— Да, пожалуй, Вы правы, господин посол, — согласился принц.

Они оба поднялись, вежливо кивнули мне и удалились. Эрилон подмигнул мне на

прощание. Охранник принца запищал за щеки столько мяса, сколько смог, и последовал за благородной парочкой.

В столовой веселье продолжалось еще какое-то время, и наутро все должники об этом пожалели. Те, кому не надо было вставать к девяти на отработку, плавно перекатились в общагу, когда поварихи выгнали их из столовой. Как я и предсказывала, пошла пора вечеринок до утра. Я очень мудро ушла спать раньше остальных, но проснулась один раз ночью из-за громких хлопков от заклинаний с верхних этажей. Буран тоже открыл глаза и недовольно запищал, но весельчаки, к счастью, немного притихли.

Наутро я встала кое-как, но все же встала. Позавидовав дрыхнущему дракону, поплелась на отработку. Жутко не хотелось опять идти к этому подозреваке Лопатычу, и когда я увидела вакансию в расписании на сегодняшний день, тут же нацарапала свое имя и пошла во второй учебный корпус.

В нашем, первом учебном корпусе из камня приятного белого цветов, в основном, находились кабинеты — маленькие для практических занятий и большие лекционные. Там же была столовая и переход в общежитие из красного кирпича. На территории института был еще бальный корпус, конюшни, огород и разные маленькие постройки, и все это располагалось в огромном парке, к которому примыкали леса и поля, а за ними располагались деревни, из которых можно было уехать в большой город.

Недалеко от первого учебного корпуса стоял второй, из желто-красного кирпича. Здесь было больше лабораторий, но и учебные кабинеты тоже имелись. В одном из них мне предстояло навести уборку, чтобы можно было использовать его для учебы в следующем семестре.

Поблуждав туда-сюда по коридорам, я обнаружила, что одна из лабораторий открыта для пользования студентам даже в дни каникул. Вот бы испытать какое-нибудь зелье... Буран как раз расщедрился вчера на одну чешуйку, которую я подобрала и припрятала, раз уж они такие ценные. Правда, зелий с драконьей чешуей я не знаю.

Наконец, я нашла нужный кабинет на первом этаже. Для меня оставили открытую входную дверь, швабру и ведро. Внутри было пыльно и пусто, только в углу валялись коробки с припиской «отнести на склад», да на стене висела зеленая доска. Пришлось взяться за работу, теща себя мыслью, что это лучше, чем встречаться с Лопатычем. Да и выходной близко, послезавтра — это меня тоже бодрило. Раз уж Буран привык бывать один, можно будет выбраться с утра, хоть в гостях посидеть, что ли.

Мне надлежало снять с окон темные шторы и оставить на стуле у двери, вынести коробки, протереть потолок и стены от паутины и вымыть пол. Когда я взялась за шторы, комнату тут же залило светом, и работать стало приятно. Дело шло быстро, я напевала услышанные вчера частушки, размахивая шваброй, как мечом. Под конец я так разошлась, что еще и вымыла доску, хотя ее в задании не значилось.

На держателе для мела под доской лежала старая, выцветшая бумажка с надписью: «Не рисовать». Ну, если уж они хотели, чтобы я следовала этому указанию, не стоило оставлять здесь же кусочек мела.

Мелок был маленький, но на мой стандартный набор рисунков хватит. Начала я с домика — квадратик, треугольная крыша, окошечко и труба со спиралькой, обозначающей дым. Красота. И жалко им, что ли, если я немного порисую? Вторым в моем списке, как говорится, «палка, палка, огуречик — вот и вышел человечек».

Когда я дорисовывала вторую ногу, раздалось негромкое «чпок»: мой домик отделился

от доски и приземлился на подставку для мела. Я обалдело уставилась на него. Домик спрыгнул с подставки на стену, впечатался в нее и соскользнул вниз, после чего выпрыгнул на пол и явственно посмотрел на меня своим окошком. Пока мы играли в переглядки, раздался еще один «чпок» — и к домику присоединился человечек.

Я присела на корточки, с любопытством разглядывая ожившие рисунки. Ткнула в домик — он смущенно отшатнулся, потом снова подскочил поближе. На пальце не осталось ни следа от мела. Тогда я сунула палец в пробел между линиями и обнаружила там пустое пространство. Неизвестно, как, но окошко держалось в домике, а у человечка — глаза и улыбочивый рот внутри кружка.

Так, так.

Я тут же продолжила свое творчество. Мелка хватило еще на зайчика и солнышко, и те тоже отлепились от доски. Очень занятные чары. Знать бы, как их накладывать — вот преподаватели в следующем семестре удивятся, когда буквы начнут «отчпокиваться» от досок. Жаль, но инструкция к этой чудо-доске не прилагалась.

Я поглядела на рисунки и отправилась смочить тряпку — жаль, но придется их все-таки стереть. Каракули побежали за мной в силу своих меловых возможностей. В туалете я отжала под текущей водой тряпку и потянулась к догнавшим меня рисункам. Они в страхе отшатнулись к стенке, так что мне их даже жалко стало.

— Что, не хотите быть стертыми? — посочувствовала я. Каракули всем своим видом дали понять, что не хотят. — Ладно уж, пошли со мной.

Мы вернулись в кабинет, и я вытерла зачарованную доску. Вот кому-то повезет, если она попадет на урок.

— Шагом марш! — скомандовала я, и каракули поскакали за мной в общежитие, но на полпути я остановилась, заметив впереди гуляющих по парку студентов.

Во-первых, марширующие зайчики да человечки из мела — зрелище очень странное. Ко мне начнут приставать с расспросами, что да как, — поди отвяжись. Во-вторых, что самое важное, преподаватели узнают, что я рисовала на доске, где было совершенно четко написано: «Не рисовать». Если узнает замректора Гир, раздует из мухи дракона и припашет меня к делу, как будто отработки мало. Другие преподаватели просто пожурят, но отберут мои работы и точно сотрут их, чего мне уже совсем не хотелось. Придется прятать.

— Залезайте. — Я присела на корточки и распахнула куртку. Как я уже поняла, каракули спокойно существовали на любой твердой поверхности.

Они послушно запрыгнули на подкладку, и таким образом в мою комнату попали еще одни незаконные жильцы. Просто здорово — если я еще и Апогея притащу, можно будет зоопарк за деньги показывать. Тут у нас огромный двуххвостый пес, выведенный магами, на стенке прыгают ожившие рисунки. А это? Это дракон, самый настоящий, можете погладить. Жаль, что мухомашка почила, а то пополнила бы заманительную коллекцию живности.

Зимнему Бурану компания понравилась. Он принялся носиться с ними по комнате, особой любовью проникшись к солнышку. Однако такая дружба до добра не довела.

Уложив солнышко на метафорические лопатки, Буран миролюбиво лизнул его и обнюхал. Вдруг он чихнул — не иначе как от запаха мела.

— Будь здоров, — сказала я, наблюдая за игрой с кровати. Меловой человечек сидел рядом со мной. Игры ему не очень понравились, его тянуло ко мне — видимо, чувствовал некое родство. Я назвала его Васей.

Зимний Буран потряс головой, но не помогло. Со вторым чихом из его рта вылетели

искорки, а с третьим, самым сильным, — целая струйка пламени. Небольшая, но ее было достаточно, чтобы загорелись обои около стола Тиффани. Каракули в панике бросились прочь, дракон удивленно поглядел на свое деяние и виновато отступил к противоположной стенке.

Я широко распахнула глаза, воззрившись на горящие обои, лихорадочно заметалась по комнате и попыталась вспомнить хоть одно подходящее заклинание. Но на ум пришел только проверенный немагический способ — я сдернула с кровати покрывало (Вася кувыркнулся в воздухе и приземлился на одеяло) и атаковала им пылающую стену. Огонь быстро жевал бумажные обои, и к тому времени, когда унялось последнее пламя, на стене образовалось большое черное пятно. Бедное покрывало тоже приобрело серую прогалину, но оно-то было своим, неказенным.

Перед глазами мелькнул образ комендантши, увидевшей дырищу в обоях, и я простонала от отчаяния. Она начнет извергать огонь почище Бурана.

Дракончик подошел ко мне и примирительно потерся о ноги.

— Да не виноват ты, не виноват, — вздохнула я, беря его на руки.

Каракули попрыгали ко мне за своей порцией утешения, человечек присоединился к ним, шлепнувшись с кровати.

— Ладно, вы тоже не виноваты, — великодушно ответила я, и каракули весело затанцевали вокруг. Я опустила дракона, и компания снова заносилась по комнате. Вася остался рядом со мной.

В это время в дверь постучал Тим. Я открыла, и он просочился внутрь, но замер на пороге. Увидев, как по полу скачет маленький дракон в окружении корявых меловых фигурок, а на стене красуется черное пятно, Тим сделал шаг назад, размышляя, стоит ли со всем этим связываться. Я не дала ему шанса принять решение, захлопнув за ним дверь и задвинув щеколду.

— Что мне с этим делать? — спросила я, указывая на стену. Вася молча повторил мой жест.

— Это Буран? — уточнил Тим. Я кивнула. — А эти откуда?

Тим показал на ожившие рисунки, и я рассказала про зачарованную доску.

— Так это ты их нарисовала... — Он вскинул брови, но о моих художественных способностях промолчал.

— Да, и они мне нравятся, — гордо ответила я. Подняла с пола человечка и представила его Тиму: — Это Вася.

Человечек потешно отрапортовал, и Тим криво улыбнулся в ответ.

— Ты можешь не подбирать все, что движется?

— Они сами за мной увязались. И вообще, ты мне с обоями поможешь или нет?

— Да что я сделаю? — Тим почесал макушку. Учился он едва ли лучше моего, да и предмета «обойная магия» у нас не было. — Ну, попробуй наложить иллюзию.

— А смысл? Только энергию сосать будет, да и обновлять периодически надо. Может, какое-нибудь реверсивное заклинание?

— А ты такое знаешь? — засомневался Тим.

Я призналась, что не знаю. Такие вообще проходили на старших курсах, мне Берек рассказывал. Кстати о нем...

— Схожу завтра к Береку, — решила я. — Он что-нибудь придумает.

Тим недовольно покосился в мою сторону.

— Что ты все к нему ходишь?

— А что, мне к старшекурсникам пойти? Рассказать им, как мой дракон обои поджег?

— Может, просто новые наклеишь? У тебя не завалялось лишнего рулона?

— Откуда? — Я пожала плечами. Вася, сидя на моих ладонях, приподнял меловые ручки, поскольку плеч у него не водилось. — Эти обои тут, наверное, со дня основания висят.

Тиму пришлось молча принять тот факт, что помочь мог только Берек.

<i>в которой лесной житель устраивает сказочный переполох, и я получаю нового друга и бесценный опыт</i>

К библиотекарю я пошла на следующий день, но не раньше, чем закончила с отработкой.

В этот раз особых заданий не нашлось, и я решила отправиться на конюшню. Она представляла собой длинное одноэтажное здание с сеновалом под крышей, которое стояло на приличном расстоянии от учебных корпусов, рядом с большим пастбищем, где летом паслись обитатели конюшен.

Одна створка больших красных ворот была приглашающе распахнута, и я вошла внутрь. Здесь пахло сеном и несильным, но характерным ароматом. Под ногами шуршала солома и опилки, в стойлах фыркали и били хвостами животные.

Хеивана я застала в закутке, где висела упряжь, седла и разный инвентарь. Он сосредоточенно постукивал молотком по гнутым железным кольцам, пытаясь вернуть их форму. Услышав шаги, он бросил на меня короткий взгляд и добродушно усмехнулся, продолжая работать:

— Чего тебе, Лопухова? В город поехать хочешь? Лошадь одолжить?

Мне было приятно, что он меня помнит. Вообще-то, меня многие преподаватели запоминают, только обычно в плохом смысле. Хеиван, наверное, единственный, на чьих парах я отличилась, не уступив даже Тиффани. Теория по бестиологии шла у меня легче остальных предметов, а походы на конюшню и в лес с целью поглазеть на разнообразных животных и вовсе были моим любимым времяпровождением. Я всегда первая выскакивала вперед, когда предлагали кого-нибудь подманить, погладить или оседлать.

— Нет, не в город, — с сожалением вздохнула я. Завтра выходной, но оставлять дракона на целый день не хочется, так что в город я не собиралась. — Я отрабатывать пришла.

— А-а, — с уважением протянул Хеиван. — Ко мне еще никто не заходил, первая будешь.

Он отложил молоток и встал. Хеиван был среднего роста, темноволосый, светлоглазый и очень крепкий, а голос у него — мертвого разбудит. Его узнаешь даже через забор. Несмотря на преклонный возраст, профессор оставался бодрым и подвижным и мог потягаться даже с профессиональными борцами. С магией у него не ладилось, он разбирался только в травах и зельях да знал несколько успокаивающих заклинаний. Со всем остальным успешно справлялся по старинке, руками, что и нам всегда советовал. Может, мне так нравились его пары, потому что у меня самой с магией не очень.

— Ну что, отрабатывать, так отрабатывать, — потер руки Хеиван. — Идем. Упряжь тебе не починить, а вот за животинкой поухаживать сможешь.

Хеиван направился к стойлам, и я за ним следом. В конюшне обнаружили три простые лошадки, принадлежащие институту; один невысокий, но мускулистый буланый конь, числившийся за принцем Кримоном; светло-гнедой боевой скакун охранника принца; и вороной породистый жеребец посла. А в крайнем стойле меланхолично жевал траву зверь, похожий на смесь антилопы и лошади. Это чудо бегало довольно быстро, всаднику удобно

сиделось на спине, вот только слушалась лошалопа крайне неохотно и любила плевать во всех своих всадников, не сумевших задавить ее авторитетом. В прошлом году я уже познакомилась с лошалопой и, будучи оплеванной несколько раз, все же сумела добиться кое-какого уважения с ее стороны. Ее впечатлило, с каким упорством я пыталась заставить ее слушаться.

Мы занялись лошадьми — вывели всех шестерых наружу, привязали их к коновязи. Лошалопой нужно заниматься отдельно, она других животных не уважает. Хеиван доверил мне почистить коня принца, а сам взялся за светло-гнедого жеребца. Мне выдали мягкую щетку для чистки шерсти и металлическую скребницу для чистки щетки. На каждой имелась резинка, куда я и просунула руки, споро взявшись за дело. Коняшка мне понравился, стоял смиренно, только хвостом подергивал.

— Спасибо, что заботитесь о моем коне, — вдруг раздался голос позади.

Я вздрогнула от неожиданности — так увлеклась, что не заметила, как подошел принц Кримон. Его макушка едва ли доставала до моих плеч, но было в нем что-то внушительное, отчего он не казался маленьким. За принцем следовал все тот же страж.

— Не за что, — ответила я.

— Оседлать вам коня, принц? — предложил Хеиван.

— Да, благодарю.

Профессор увел почищенных лошадок в конюшню и там принялся седлать буланого и светло-гнедого. Я осталась с принцем-гоблином наедине, не считая застывшего охранника. Немного помявшись, спросила:

— Как так вышло, что вы стали принцем?

Светским манерам меня никто не учил: всяким реверансам да правильным обращениям. Но гоблин выглядел вполне понимающим, и я решила обратиться, как умею. Он не обиделся.

— Мы заключили мир с Арленсией после долгих лет соперничества и войн. Мне просто дали титул принца, но в очереди к трону я пятый, и то пока у наследников передо мной не появится больше детей. Не думаю, что мой род когда-нибудь сядет на трон. Это просто политический ход, — улыбнулся принц Кримон.

— А почему у вас только один охранник? — Я покосилась на мужчину с мечом. — Это не опасно?

— Здесь мне ничего не угрожает, — отозвался принц. — А в соседней деревне квартируется небольшой отряд. Я не стал вводить его на территорию института.

Я покивала, и принц Кримон сменил тему, взяв меня за руку, где все еще мерцала татуировка. Внутренняя сторона его ладони была на ощупь точно такой же, как у людей, гладкой и теплой.

— Кто же оставил тебе цветы? — поинтересовался он, проводя большим пальцем над узором.

«Да мало ли поклонников», — хотела сказать я, но все же ответила честно:

— Посол Эрилон.

— Интересно... — протянул гоблин, отнимая руку.

— Не знаю только, когда они исчезнут... Мне нравится, конечно, но не хотелось бы так всю жизнь проходить, а сама я не знаю, как убрать.

— Чары постепенно ослабеют и исчезнут через неделю после наложения, — ответил гоблин. — Если хочешь, я уберу их сейчас.

— Нет, спасибо. — Неделя — это не много. Я бы и две так проходила, чтобы показать

Тиффани и Ким. — А вы тоже маг?

Принц Кримон элегантно кивнул.

— Первый и пока что единственный гоблин, закончивший институт магических искусств.

— Почему единственный?

Я и правда не видела ни одного гоблина в университете. Если подумать, у нас одни люди учились или полулюди. Но почему так, я не знала.

— У нас были... напряженные отношения с людьми. Теперь все разногласия улажены, и мы хотели бы наладить связь институтом магии. С Арленсией лишь недавно удалось заключить мир, а попасть сюда мы можем только через ее территорию. Теперь, надеюсь, будем спокойно отправлять юные таланты в эти стены для надлежащего обучения.

— Здорово... А надолго вы тут с послем Эрилоном? — спросила я и тут же спохватилась: — Не сочтите за грубость...

— Что ты, — улыбнулся Кримон. — Мы с послем сошлись во мнении, что интересно будет посмотреть, как нынче проходит учеба, что изменилось со времени наших выпусков и куда пошли инвестиции. В связи с чем задержимся до начала нового семестра.

Я вспомнила дыру в обоях и тихо вздохнула. Надо срочно что-то делать с ней, в общежитии наверняка скоро наведут шмон, раз принц и посол изъявили желание проверить, куда текут денежки. Надеюсь, что Берек сможет помочь.

Хеиван вывел из конюшни лошадей, и принц Кримон, раскланявшись, ловко взобрался на своего коня и отправился в путь вместе с охранником.

В конюшне ждало еще много работы: надо почистить остальных лошадей и лошалопу, достать сверху сена и задать всем животным корму, досыпать овса, долить воды. Пока мы работали, я задала профессору волнующий меня вопрос:

— Хеиван, а почему у нас только люди учатся?

Профессор бестиологии был единственным, кто разрешал звать его просто по фамилии.

— А кого тебе еще надо? — поинтересовался он, скидывая сверху пуки сена. Я тормозила их и разносила по стойлам.

— Ну, в Эльсе ведь не только люди живут. Принц Кримон сказал, что гоблины не могли пройти из-за напряженных отношений с Арленсией. Ну, а остальные?

— Институт, в основном, принимает учащихся из других миров, немагических, населенных только людьми. Разных подвидов, так сказать, но все же людьми. Другие расы могут поступить разве что из Эльса, но кому тут особо учиться, кроме людей? Вот только гоблинам.

— А тролли?

— Они к магии не способны. А если и способны, отказываются ей заниматься. Ты чем на уроках истории слушала?

Не знаю, чем. Какими-то другими отверстиями, но только не ушами.

— А как же профессор Смолик? — Я вспомнила его выпирающие клыки явно тролльегского происхождения.

— Он же не чистокровный тролль.

Я поднапрягла память, пытаюсь вспомнить, кто еще проживает в Эльсе, но больше никого не было. Вот разве что Чепуш.

— А феи? И чёрты?

Хеиван бросил на меня удивленный взгляд и кинул последний сноп сена.

— Этих-то ты помнишь с уроков, значит? Я думал, их особо не касаются.

Я не стала уточнять, что помню черта по собственному опыту, а не с лекций.

— Все эти феи, черты, духи, водяные и им подобные — особые народцы, — пояснил Хеиван. — У них своя магия, не как наша. Они в наши дела не лезут, и мы в их тоже. Их вообще редко встречают.

— Значит, только гоблины могли бы учиться с людьми?

— Выходит, что так. Пойдем-ка, воды из колодца наберем.

Хеиван спустился сверху по приставной лестнице, и мы вышли на улицу, прихватив два пустых ведра. Пока я наполняла одно, Хеиван относил другое в конюшню. Когда он в очередной раз вернулся с пустым ведром, мы заметили спешащую к нам лаборантку и замерли на месте, дожидаясь, пока она добежит до нас.

По мощным дорожкам она передвигалась довольно резво, но как только ее туфельки ступили на землю перед конюшней, каблуки начали шататься на камешках и неровностях. Хорошо еще земля промерзлая, шпильки не застревают в мягком грунте.

Доковыляв до нас, лаборантка отдышалась, откинула со лба прилипшие волосы и выдохнула:

— Медведь!

— Какой медведь? — нахмурился Хеиван.

— Дикий! В Берестнице!

Берестница — деревушка к северу отсюда, самая дальняя из близлежащих поселений.

— Крестьяне говорят, его в лесу видели, — продолжала лаборантка, переведя дух. — Злой, на глаза лучше не попадаться. Из Берестницы гонца на лошади послали, только что приехал, просит кого-нибудь из магов отправить, чтобы медведя успокоили, а то на деревню напасть может.

Хеиван молча сорвался с места и скрылся в конюшне. Я бросилась за ним, лаборантка семенила следом. Хеиван собрал какие-то травы в сумку и повесил ее через плечо. Потом вывел из стойла казенную лошадку, я с волнением подала ему уздечку, потник и седло.

— Ты верхом ездить умеешь? — поинтересовался профессор, седлая лошадь Рыжку.

— Не лучше, чем в прошлом году.

На первом курсе я выпросила у Хеивана возможность покататься на лошади пару раз, но уроки верховой езды не входили в программу обучения, а редкие советы пробегающих мимо студентов-бестиологов не слишком помогали. Да и ноги потом разводило в стороны пару недель, так что я бросила попытки научиться.

— Ничего, со мной на Рыжке поедешь, — успокоил Хеиван.

— Кто, я? — На последней гласной голос сорвался на писк, и я закашлялась.

— А кто же еще? — хмыкнул профессор. — Мне помощь не помешает.

— Да какая от меня помощь...

— Ну, вот у тебя что по физкультуре?

— Четыре, — осторожно ответила я.

— А у меня пять было, — обрадованно ответил Хеиван. — С медведем-то что главное? Бежать не быстро, а быстрее, чем остальные.

— Так вы меня в качестве наживки берете? — Я возмущенно уперла руки в бока.

Хеиван захохотал и запрыгнул на оседланную Рыжку.

— Да пошутил я, не кипишуй. Подумаешь, медведь — и не с такими справлялись. Залезай, давай, я сам с ним управлюсь, а тебя за компанию приглашаю. Ну, не хочешь —

оставайся, стойла еще раз почистить не мешает...

Я взвесила открывшиеся перспективы и вскарабкалась на седло позади Хеивана. Охотиться на дикого медведя — сомнительное удовольствие, но раз приглашают не участие принять, а только поглазеть, я только за. Когда еще такой уникальный опыт получишь.

— А вы конюшню, пожалуйста, закройте, — обратился к лаборантке Хеиван. Та с энтузиазмом закивала, довольная, что ее на это опасное предприятие не тащили.

Мы выехали из конюшни шагом, на мощеных дорожках поскакали рысью, а когда камень перешел в утопанную северную дорогу, Хеиван пустил Рыжку галопом. Меня нещадно трясло, и я вцепилась в преподавателя, как клещ, — наверняка он уже пожалел, что взял меня с собой. Я пыталась держаться коленями, как мне подсказали в прошлом году, но все равно потихоньку сползала то в одну, то в другую сторону.

Сзади послышался топот копыт, и нас нагнал крестьянин средних лет на подуставшем коне. Хеиван поинтересовался:

— Это вы — гонец из Берестницы?

— Я, — ответил крестьянин. — Покажу вам, где медведя видели.

Домчалась я с ветерком и отбитой попой. Не доезжая до деревни, мы спешили и углубились в лес, ведя коней на поводу — Рыжку доверили мне. Крестьянин довел нас до небольшого овражка, где видели медведя, и умчался в деревню, оставив нас вдвоем.

— Как мы его найдем? — спросила я, озираясь кругом и держась поближе к преподавателю.

— По следам.

Хеиван побродил вокруг, я следовала за ним по пятам. В лесу было тихо, только под ногами хрустели ветки, да где-то свистели редкие птицы. Наконец, профессор остановился и низко склонился над землей, провел над ней рукой. Потом пошел в определенном направлении, вглубь леса и на юг, в сторону института.

— Вы что-то нашли? — Я старалась не отставать и следить, чтобы Рыжка не угодила ногой в какую-нибудь яму.

— Следы медвежьи.

Я прищурилась и вперила глаза в землю, но хоть убей, никаких следов не увидела. Ладно, Хеивану виднее, он же преподаватель бестиологии и опытный лесник.

Мы молча продвигались по лесу, пока впереди не мелькнула большая коричневая шкура. У меня замерло сердце. Хеиван вытащил из сумки пучок ароматной травы и вручил его мне.

— Маши этим вокруг себя и Рыжки. На всякий случай. И близко не подходи.

— Я бы предпочла, чтобы «всякого случая» не произошло, — проворчала я, но траву взяла и принялась усердно размахивать ей.

Хеиван осторожно двинулся к медведю. Я пошла следом — раз уж я здесь, нельзя все пропустить. Но шла медленно, отставая от профессора, чтобы не подойти слишком близко. Так, на расстояние видимости.

У медведя, судя по всему, день не задался. Он был таким злым, словно работал без усталости целый день, а супруга забыла приготовить ужин, медвежата схлопотали двойки по медоведению, да медвежья команда проиграла в лесной футбол енотам. Царь леса неспешно шел по своим делам, прихрамывая на одну лапу, но остановился, услышав шаги Хеивана, и обернулся, смерил нас кровожадным взглядом. Я усиленно замахала пучком.

Хеиван, тем не менее, приближался без опаски, хотя и медленно. Он поднял руки, зажав в одной ладони амулет, и тихо забормотал заклинание, проникающее в сознание медведя,

успокаивающее его душу. Я пыталась запомнить слова на всякий случай. Зверь поддавался неохотно, зарычал, дернул когтистой лапой в сторону Хеивана, отчего я вздрогнула. Профессор не отступил, продолжая повторять заклинание, подавляя волю зверя своей. Мало-помалу медведь успокаивался, он перестал рычать и, в конце концов, улегся на землю. Хеиван подошел ближе, коснулся бурого меха, погладил огромного зверя — и убрал амулет.

— Вот так, потапушка, все хорошо, — приговаривал он, почесывая медведя за ухом, и тот в ответ довольно заурчал.

Любопытство подстегнуло меня подойти ближе, но в какой-то момент Рыжка уперлась и задергала головой. Пришлось привязать повод к ветке.

— Можно подойти? — спросила я Хеивана, медленно приближаясь.

— Можно, — хмыкнул преподаватель. — И погладить можешь, он не опасный. Позлился чуток, и будет с него.

Я протянула руку и погладила мишку по голове.

— Я бы тоже злая была, если бы меня посреди спячки подняли, — сказала я, и медведь согласно зарычал. Встретив такое понимание, он проникся к нам обоим симпатией.

— Сейчас я твою лапу подлечу, — сказал Хеиван. — Рита, а ты успокой его, больно будет.

Он вытащил из сумки рулон бинта, тряпку и бутылку с раствором. От души смочив тряпку, приложил ее к больной лапе, и медведь взвыл и задергался. Я прижала его к земле, понимая, что, вздумай он уйти, моя хилая тушка задержала бы его не больше, чем меня — повисший на плече Буран.

— А ну, терпи! — прикрикнула я. — Ты же большой, царь леса, а боишься пустяковой раны! Не стыдно тебе? Кончай дергаться!

Медведь обиженно заворчал и скосил на меня свои маленькие круглые глаза, но перестал дергаться, решив показать себя во всей красе — сильным и смелым.

— Вот так, — одобрила я. — Другое дело.

— Может, ты к моим студентам придешь, так же на них повлияешь? — хмыкнул Хеиван. — А то они совсем учиться не хотят.

— С учебой это не работает, а то я бы сама давно в отличницах ходила.

Хеиван рассмеялся. Закончив бинтовать лапу, он убрал принадлежности в сумку, в том числе выданный мне пучок сонной травы.

— И что мы теперь будем делать с Плюшем? — спросила я.

Хеиван недовольно покосился в мою сторону.

— С Плюшем?

— Нужно же ему какое-то имя. А Плюш ему нравится. Да, Плюш?

Я почесала толстые бока, и медведь ответил довольным рыком. Ему было все равно, какое имя носить, лишь бы гладили.

— Раз уж ты дала ему имя, — тут преподаватель хмыкнул, словно хуже имени никогда не слышал, — придется тебе и взять его.

— Так он же ко мне в общагу не влезет, — парировала я. — В косяк дверной не пройдет. И у меня своих жильцов хватает.

— Это каких же? — прищурился Хеиван.

Я прикусила язык. Хеиван — контрабандист? Не верю. Но никому нельзя знать про дракона, да и про каракульки тоже.

— Да Тиффани со мной живет, — оправдалась я, — и мухомашка на подоконнике. Они не вынесут встречи с медведем.

— Ладно, — притворно вздохнул Хеиван, — придется тогда мне его взять, что уж делать-то. Пусть поживет в конюшне до весны, лапу ему подлечу, чтобы не загноилась.

Мы поднялись, и тут возникла дилемма. Рыжка не желала приближаться к Плюшу, и кому-то нужно было идти с лошадьё, а другому — с медведем. Хеиван благородно предложил мне ехать верхом, но сама я лошадьё плохо управляю, да и ноги все еще разводит, как будто между ними колесо вставили. Мужская гордость не позволяла профессору занять лошадьё, когда девушка идет пешком, и в итоге мы оба пошли на своих двоих. Я, конечно же, захотела присматривать за Плюшем. Так мы и добирались до института — Хеиван вел Рыжку впереди, я переставляла ноги чуть поодаль, а рядом со мной переваливался громадный бурый царь леса. Ощущение непередаваемое.

На полпути нас догнал все тот же крестьянин, но, увидев Плюша, осадил коня в нескольких метрах от нас и громко поинтересовался, что мы собираемся делать. Хеиван крикнул в ответ, что мы берем медведя на себя, и довольный крестьянин, не приближаясь, развернулся и ускакал в деревню.

На территории университета к нам прилипла группа студентов. Они тарасились на медведя и выпрашивали у меня, откуда он взялся. Пыжась от гордости, я во всех подробностях рассказывала о встрече с грозным Плюшем, пока мы не дошли до конюшни. Там Хеиван прогнал всех любопытных.

Мы оставили Рыжку у входа и быстренько переместили Плюша внутрь, в дальнее стойло. Лошади заволновались, почуяв медведя, но Хеиван успокоил их сонной травкой. Только лошалопа меланхолично рассматривала мишку из стойла напротив, не прекращая жевать. Мы насыпали Плюшу овощей на первое время, потом Хеиван собирался наведаться в столовую.

— Иди, отдохни, дальше я сам, — сказал он, когда мы закрыли за медведем дверцу стойла.

— Хорошо, — кивнула я попрощалась с мохнатым другом: — Увидимся, Плюш. Не скучай.

Медведь проводил меня грустным взглядом и прорычал на прощание.

На улице меня снова встретила толпа, желая узнать остатки истории, и мне пришлось рассказывать, пока мы двигались в сторону первого корпуса.

— И что, Хеиван сам уложил медведя? — восхищенно переспросила одна из старшекурсниц, когда я закончила историю.

— Сам, — заверила я, хотя и очень хотелось примазаться к истории.

Девушка восторженно ахнула. Влюбилась, что ли? Надо ей как-то намекнуть, что Хеивану уже под пятьдесят, хоть он и выглядит немного младше. Хотя... может, она и так знает. У всех свои причуды.

На подходе к корпусу я отделалась от группы любопытных студентов. В конце концов, медведь — не какой-нибудь... дракон! Зимние каникулы в стенах родного института протекали довольно вяло, и даже медведь станет хоть какой-то новостью, но надолго это народ не займет. От меня точно отстанут — будут атаковать Хеивана. Зря он все-таки меня с собой взял, у меня язык за зубами плохо держится. С другой стороны, кто-кто, а уж бестиолог сумеет отвадить все любопытные носы.

Наконец, я добралась до библиотеки. Я не переделалась, и Берек сморщил нос. А мне

запах уже приелся, я даже внимание перестала обращать.

— Поможешь? — спросила я хранителя библиотеки, рассказав, что Буран наделал с обоями. Здесь было пусто, и я не таилась.

— Помогу, если уйдешь отсюда, — проворчал Берек. — У тебя хоть какие-нибудь обои есть?

Я покачала головой.

— Найди где-нибудь, лучше схожего цвета, а я скопирую рисунок. И клей тоже возьми.

— Я что, похожа на ремонтную лавку? — нахмурилась я.

— Так сходи в город, у тебя выходной завтра.

— В город, в город... А деньги где взять?

Берек уставился на меня взглядом «не-мои-проблемы», и мне пришлось вернуться в общагу. Я постирала свою одежду и повесила сушиться в коридоре блока, не забывая просчитывать в уме варианты, откуда взять деньги.

В комнате Буран разродился еще одной чешуйкой, и я решила отнести ее вместе с первой на закланье Кристофу. Тот временно проживал в блоке совсем один и расслаблялся, как мог. Дверь он открыл в одних семейниках. Увидев меня, тут же захлопнул ее и появился на пороге через пять минут в приличной одежде, сделав вид, что ничего не произошло.

— Чего тебе? — кратко спросил он.

— Дело есть, — так же кратко ответила я.

— Если тебе что-то надо, пиши запрос. — И он снова захлопнул дверь.

Я закатила глаза. Кристоф — самый большой выпендренчик из всех кротов. Начитавшись романов о секретной полиции магов, он придумал какие-то шифры и коды. Тогда как для других достаточно подойти на перемене и шепнуть что-нибудь вроде: «Друг, достань мне скатерть-самобранку на денек» — Кристофу непременно надо писать запрос от руки и передать ему, желательно незаметно. Потом он читал письмо и назначал место и время встречи, где передавал требуемое, как заправский шпион.

Пришлось тащиться обратно в комнату и строчить послание, где я просила обменять предлагаемые мной две чешуйки дракона на шесть золотых. Эту сумму я узнала из энциклопедии про драконов, и у меня глаза на лоб полезли, когда я поняла, каким сокровищем обладаю. Дергать Бурана я не собиралась, конечно, но он рос и сам терял чешую.

Вернувшись к двери Кристофа, я подсунула под дверь листок и постучала. Парень тут же высунулся и вернул мне листок.

— Я принимаю только бумагу, сложенную в виду лебедя.

Дверь опять начала закрываться, но я придержала ее рукой и сунула ногу в дверной проем.

— Это еще что за правила? — потребовала я ответа. — В прошлый раз нормально принимал.

— Прошлый раз был год назад, правила изменились с тех пор, надо следить за новостями, — пропыхтел он, силясь закрыть дверь и не прижать меня при этом, но я не сдавалась.

Мы еще поборолись, но Кристоф все же отступила, и я ввалилась внутрь.

— Читай давай, у меня нет времени оригами ваять. — Я сунула листок ему под нос, и он нехотя принялся читать, недовольный порушенной атмосферой таинственности.

— Где ты взяла чешуйки дракона? — недоверчиво поинтересовался Кристоф.

— В Несуйсвойносе. Да не волнуйся, они настоящие. Так что?

— Мы на деньги не меняем, — презрительно отозвался Кристоф, но я видела, как ему хочется заполучить чешую.

— Ну, тогда я пошла...

— Ладно, ладно, подожди. — Кристоф схватил меня за рукав и оттянул подальше от закрытой двери. — Хорошо, могу дать два золотых.

— Еще чего! — возмутилась я. — Да они стоят три! Каждая!

— Нету у меня пяти, — поморщился он. — Только два. Остальное — бонусами. В следующие разы тебе не придется платить.

Соблазнительное предложение, конечно. Бонусы пригодятся, но потом. На кой фей они мне сейчас?! На них одни только запрещенные товары для учебы обменять можно.

— А обоев в этой вашей кротовьей сети не завалилось? — безнадежно спросила я.

— Нет. А тебе зачем? — удивился Кристоф.

Я только рукой махнула и вытащила из кармана на свет божий одну черную чешуйку, поблескивавшую на свету.

— Дам одну, за ту же сумму и за бонусы.

Кристоф поразмыслил над предложением и согласился. Чешую он бережно завернул в платок, а деньги обещал занести вечером.

Осталось придумать, куда деть вторую чешуйку. Нельзя же просто дать объявление в газету — меня по рукам и ногам повяжут. Охота на драконов запрещена, и чтобы идти в горы собирать их чешую, нужно получить лицензию, подтверждающую, что все добывается честным путем.

Что ж, два золотых — это тоже неплохо. Хватит и на обои, и на еду, и еще останется. Может быть, удастся позже выклянчить у кротов деньги за вторую чешуйку.

Я заглянула к Тиму и постучала в дверь его комнаты. Он только что вернулся с огорода и еще не переоделся. Убранство у него было точно такое же, как у меня: двухъярусная кровать, два стола и шкаф. Я плюхнулась на нижний ярус кровати, пока Тим передевался за дверцей шкафа.

— Куда ты сегодня ходила? — поинтересовался он.

— На конюшню.

Тим фыркнул.

— Убирать за животными? Не самое приятное занятие.

— Лучше, чем в земле копать, — ответствовала я. — И я приручила медведя, самого настоящего.

— Только не притаскивай его в свою комнату, — усмехнулся мой друг, закрывая дверцу.

— Постараюсь удержаться, — хмыкнула я. — Я чего пришла... Ты в город завтра пойдешь, за компанию? Мне нужно купить обои.

— Можно, — повеселев, ответил Тим. — А Бурана одного оставим?

— Ничего, он и правда самостоятельный.

Но, вернувшись в свою комнату минут через десять, я застала Бурана на подоконнике, рядом с пустым горшком из-под мухомашки и в компании каракулей. Они дружно смотрели в окно, разглядывая корпуса и парк, и дракон медленно помахивал хвостом и подергивал крохотными крылышками.

Заслышав меня, Зимний Буран тотчас бросился ко мне, покрутился около ног, попросился на руки, довольно пища. Каракули отставали в скорости, но тоже поспешили

навстречу и остановились рядом, подпрыгивая на месте. Вася приветственно размахивал руками.

Увидев, как дракон смотрит из окна на внешний мир, мне в голову закралась мысль, что ему может быть скучно в четырех стенах. Или станет скучно, когда он подрастет. Мне не хотелось, чтобы малыш с первых же дней жизни только и знал, что мою комнату. Бурану придется улететь домой, а для этого ему нужно узнать внешний мир, прежде чем вернуться к жизни на воле.

Таким образом, я решила взять Бурана с собой в город.

в которой три товарища прокладывают свой путь сквозь трудности некромантии и решают немного задержаться в городе

— Ну как, Буран, все хорошо? — спросила я, заглядывая в рюкзак.

Дракончик ответил мне восторженным писком, выглядывая через горловину черного мешкообразного рюкзака. Тим, конечно, не сочтет это потрясающей идеей, но я должна показать Бурану мир — хотя бы через дырочку и в пределах близлежащего городка.

Поправив дорожную одежду и натянув сапоги, я не туго затянула на рюкзаке тесемки и опустила верхнюю часть, защелкнув ее на круглом магнитике. Узкая драконья голова выглядывала в небольшое пространство между затянутой горловиной и «крышкой», но Буран был таким черным, что сливался с рюкзаком, и я понадеялась, что его никто не заметит.

— Веди себя тихо, — напомнила я и осторожно надела рюкзак на спину.

— А вы, — я обратилась к каракулям, — не выходите из комнаты, и если кто-то зайдет, прячьтесь за стол. Вася, будешь за старшего.

Человечек отрапортовал и горделиво упер меловые руки в тонкие бока.

Я встретилась с Тимом у входа в общежитие. По случаю похода в город он наконец-то побрился, аккуратно причесался и надел чистую, выглаженную одежду. Любо-дорого смотреть.

На каникулах осталось совсем немного народу, учителям лошади вряд ли понадобятся, и я могла бы договориться с Хеиваном и одолжить пару лошадок. Но Тим настоял, что прогуляться полезно, а идти до ближайшей деревни, Кочуево, не так и далеко, и я согласилась. А уж оттуда всяко найдем того, кто подвезет до города — проезжающих в обе стороны там всегда много.

Мы направились через парк по центральной аллее, и на пути нам встретился посол Эрилон, как обычно, элегантный. Он то ли шел из деревни, то ли просто возвращался с прогулки.

— Здравствуйте, Эрилон, — бодро поздоровалась я. Тим буркнул что-то приветственное.

— Утро доброе. — Посол снова поцеловал мне руку. — Мы с тобой не первый раз встречаемся, а имени твоего до сих пор не знаю.

— Рита, — представилась я. Тим хранил суровое молчание, и я сказала за него: — Это Тим, мой одноклассник.

— Направляетесь на прогулку? — поинтересовался посол.

— Да, пойдём в город, раз уж у нас есть два дня, свободных от отработки.

— Правильно, правильно, отдохните. Может, одолжить вам моего коня?

Ух-ты, покатайтесь на том великолепном скакуне...

— Нет, спасибо, — встрял Тим. — Мы прогуляемся неспеша.

— Не буду настаивать. — Посол откинул со лба черные пряди волос и вежливо улыбнулся нам на прощание.

— Ты не видел его коня, иначе бы согласился, — сказала я, когда мы отошли на значительное расстояние от посла. Поворчала я просто для профилактики — мне самой

нравилось гулять пешком.

Буран, до сих пор сидевший тихо, немного пошевелился, я поправила лямки, делая вид, что это я дергаю рюкзак. Тим ничего не заметил и только предложил понести мою поклажу.

— Нет, не надо. — Я покачала головой. — Мне не тяжело.

Вообще-то, я соврала. Буран весил немного, но все же не как пушинка, и я подозревала, что от долгой дороги с тяжестью за плечами может заболеть спина. Я в походы ходить не привыкла, а с учебниками не нужно таскаться часами — только до кабинета пройти. Да и то они поменьше весят. Но я решила героически молчать и нести свою ношу.

Дорога была широкой, немощенной, но гладкой и хорошо утоптанной. По обеим сторонам возвышались ряды специально посаженных лиственных деревьев, голых зимой, и вечнозеленых елей. За стволами протянулись луга, по левую руку за лугом начинался лес. Погода все еще стояла холодная, но светило какое-никакое солнце, и ветер не дул, так что идти было одно удовольствие.

Бурану тоже нравился окружающий мир. Дракон не мог усидеть на одном месте, он вертел головой и ворочался в рюкзаке. Я пыталась делать вид, что это я шевелю рюкзак, но, в конце концов, это перестало работать — Тим остановился и глубоко вздохнул.

— Ты что, взяла с собой Зимнего Бурана? — обреченно спросил он, понимая, что поворачивать назад слишком поздно — мы почти дошли до Кочуево.

— Ему нужно привыкнуть к внешнему миру! — оправдывалась я. Дракон пискнул, поняв, что его раскрыли. — Что мне оставалось делать, выгуливать его в парке на поводке? На глазах у всех преподавателей?

— А в городе, значит, лишних глаз не будет?

— Там мы сольемся с толпой, к нам никто присматриваться не будет. А Бурана и не увидят, он же в рюкзаке.

Я похлопала глазами, и Тим махнул рукой. Ну, что со мной, непутевой, поделаешь?..

Вскоре мы вышли к деревне и официально оказались в государстве Новое Королевство. Вообще-то, Кочуево — скорее, маленький город, лишь по привычке называемый деревней. Место здесь не самое удобное для развития торговли, но поскольку с западной стороны это последняя деревня на пути к институту магических искусств, жители вполне процветают за счет продажи всего, что только можно всучить проезжающим мимо преподавателям, студентам и гостям института. Сюда бегали за едой все учащиеся, скупая имеющиеся молоко, яйца, мясо и овощи. Некоторые ушлые крестьяне стали продавать и предметы первой необходимости, смекнув, что не всем хочется пилить до города, когда ближе пройти до Кочуево.

Приезжим предлагался целый ряд сувениров: от искусно сделанных берестяных туесков с вырезанными на них корпусами института до обыкновенных камней, якобы заряженных волшебной силой от близлежащего учебного заведения. Такие сомнительные товары администрация института старалась изымать, но это не останавливало предприимчивых крестьян, и фальшивки появлялись повсеместно.

Кроме бурной торговли сувенирами, ничего примечательного в Кочуево не было: несколько дюжин деревянных домов, многие из которых стояли на кирпичном основании; бурые пастбища, поблекшие зимой; да небольшое проточное озеро посреди деревни.

На подходе к первым домам нас заметила группа собравшихся на окраине мужичков и мигом взяла нас в кольцо, радостно потирая руки.

— В чем дело, товарищи? — поинтересовался Тим.

— А вы ведь, это, господа маги будете? — поинтересовался один из них, с кучерявой бородой.

— Господа студенты, — уточнила я.

Мужички переглянулись, попожимали плечами, и бородатый махнул рукой.

— Это ничего, вы все равно взгляните.

Он вытянул руку в приглашающем жесте, и сделал пару шагов вперед, но мы остались, где стояли. Еще чего, идти всюду, куда зовут.

— Что там такое? — с подозрением спросил Тим.

— Дык... этот... мертвяк, в общем, — развел руками бородатый. Остальные подтверждающе закивали.

Мы с Тимом разом похолодели.

— Мертвяк? — пискнула я. — Вы чего магов-то не зовете?

— Мы всего лишь второкурсники, с мертвяком не справимся, — поддержал меня Тим.

— Так он вроде смирный, — осторожно вставил один собравшихся.

Камень с души упал! Мы дружно выдохнули. Некромантия — штука сложная и опасная, с ней я связываться точно не буду. Опасна она в первую очередь людьми. Кое-какие аномалии с мертвецами и потусторонними существами происходят и сами по себе, но большую часть всех проблем вызывают люди. Злобные умертвия, восставшие из могил и желающие отведать людской плоти? Где-то постарался некромант. То ли озлобился на весь род людской или конкретных представителей, то ли просто накосячил. А уж самоучек среди некромантов точно больше всего, и обычно они хотят не затолкать мертвых обратно в могилы, а выкопать их оттуда.

Поднимаются мертвяки и сами по себе, но случается это редко, только если человеку очень нужно доделать что-то в этом мире, а закопали неглубоко. Но в таких случаях восставшие неопасны. Как правило.

Мы нерешительно переглянулись.

— Так что, вы посмотрите? — с надеждой спросил бородатый. — Или нам в институт кого послать? Мы как раз собирались, а тут вы идете...

В глазах мужичков читалось явственное нежелание пилить до института и связываться с важничающими магами. Ладно уж, глянем мы на вашего мертвяка, раз пришли. Убежать всегда можно.

— Ведите, — сказала я вслух, и мужички радостно показали нам путь через деревню.

Мы подошли к обыкновенному деревянному дому, пожалуй, более захудалому, чем остальные. Забор вокруг курятника покосился, краска на рамах облупилась. Дом был построен на совесть, но очень уж давно, и ремонтом никто не занимался. Нас пропустили в сени, оттуда — в одну из комнат. Тим благородно вошел первым, прикрывая меня от возможной опасности. Я втянулась следом. Мужики же остались за порогом, нервно сминая шапки.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы вошли, — сидящий у печки мертвяк. Он почти полностью облысел, на коже проявились трупные пятна, но одежда на нем была чистой и поглаженной. Характерного запаха разложения тоже не раздавалось, вместо него тянулся какой-то цветочный аромат, словно мертвяка искупали в розовом мыле.

Я обернулась к столпившимся за порогом и важно сказала:

— Нам нужно провести полную инспекцию. Оставьте нас одних.

Мужики спорить не стали и быстро покинули дом. Я на всякий случай закрыла дверь в

комнату и опустила щеколду. Шторы уже были задернуты, создавая в помещении полумрак, и я не боялась, что за нами будут подглядывать.

— И что делать будем? — поинтересовался Тим.

— Для начала я выпущу Бурана размять лапки. — И я достала дракона из сумки, опустив его на пол.

Буран радостно встряхнул всеми конечностями, но, заметив мертвяка, подозрительно уставился на него. Подошел ближе, приняхался, разглядел со всех сторон — и потерял к восставшему всяческий интерес. Вместо этого дракон принялся обшаривать углы и залезать всюду, куда мог.

— Вот видишь, Буран не беспокоится, а драконы чувствуют опасность, — привела я аргумент. — И крестьяне сказали, что он спокойный.

— А вдруг он под каким-нибудь заклятием и тихий только до поры, до времени?

— Да ну, в институте бы почувствовали такое близкое соседство некроманта.

На всякий случай я все же подошла поближе и оглядела мертвяка со всех сторон. В такой близи немного чувствовался трупный запах, не заглушаемый даже приятным ароматом. Я начертила в воздухе рядом с мертвяком круг, прошептала заклинание выявления остаточной магии. Это заклинание нам повторял каждый новый преподаватель, и в идеале с его помощью можно было выяснить, применялась на данном объекте магия или нет. Хотя теоретически можно было скрыть следы использования волшебства, но я пока не умела раскрывать подуровни заклинаний.

Ничего не произошло, очерченный мною круг оставался пуст и не искрился, из чего я заключила, что мертвяка подняли либо естественные причины, либо очень умелый некромант, который оживил одного-единственного мертвеца в опасной близости от института, замел за собой следы и велел мертвяку притворяться пнем. Вторая версия казалась мне маловероятной.

— Дай-ка я попробую.

Тим повторил мой жест и заклинание и тоже ничего не увидел.

— Ладно, — согласился он, — вроде неопасен.

Мертвяк согласно замычал, и я вздрогнула. Но никаких действий с его стороны не последовало.

Вдруг в сенях послышался какой-то шум, и в дверь неистово заколотили.

— Не убива-айте! Пощадите! — послышались женские завывания с той стороны. — Господа маги! Откро-ойте!

— Да не мешайся, дура, — раздался другой голос, мужской. Но женский плач не унимался.

— Буран, иди сюда, — быстро шепнула я.

Дракон выполз из-под кровати, и безропотно залез в рюкзак. Когда Тим открыл дверь, в комнату вихрем ворвалось нечто зареванное и бросилось к печке. Но застав мертвяка в прежнем виде, нечто остановилось и радостно выдохнуло. Я рассмотрела женщину средних лет, среднего роста и средней толщины. Кажется, она была рада, что мертвяк все еще жив. Ну, то есть, мертв... но невредим. Что примечательно, к восставшему она слишком близко не подходила, оставшись на расстоянии, с которого не доносится душок.

— Ну, слава Богу, успела! — запричитала она и высморкалась в платок, выуженный из передника.

В комнату осторожно вкатились давешние мужички. Они помялись, поглазели и,

наконец, спросили:

— Ну, что?

Тим не любил заливать без дела да бахвалиться, и эту роль на себя взяла я.

— Что-что, — с видом профессионального выскочки начала я, — осмотрели вашего мертвяка. Он есть порождение магического выплеска естественного характера.

— И что это значит? Ну, для нас, — уточнил бородатый.

— Что все хорошо, кусаться не будет. Он восстал, потому что у него здесь есть незаконченные дела. Закончит — и снова помрет.

Женщина охнула. Мужики выдохнули.

— Так вы его, это, не будете обратно-то... на кладбище?.. — осторожно поинтересовалась женщина, перестав причитать.

— Ну, если надо, вы его просто поглубже закопайте... — предложил Тим.

Женщина перекрестилась и яростно покосилась на мужиков, чтобы те даже не думали мертвяка закапывать. По их лицам я могла прочесть, что они очень даже хотели бы избавиться от нечисти, но бабе перечить боялись. По ней видно, что у нее рука тяжелая.

— Не надо его на кладбище, — сказала женщина. — Он мне и таким нравится. Даже больше. А что? Тихий такой стал, послушный. Что ни скажу — все сделает. Не пьет, не курит, только у печки любит погреться, ну да это ничего. А по ночам не спит, дом лучше любой собаки охраняет, своим видом кого угодно отпугнет. Нет, не надо его никуда.

Все неловко помолчали.

— А что за дела у него? — полюбопытствовал один из собравшейся компании.

— Да кто ж его знает, — ответила я. — Может, хозяйство поднять хотел, может, деньги где закопал и не успел потратить... Кто ж теперь узнает, пока он не доделает свое дело.

— Какие еще деньги? — насторожилась женщина.

Я поджала губы. Не надо было поднимать этот вопрос, теперь баба уверилась, что ее муж (а судя по всему, это был именно муж) заныкал где-то заначку и вернулся не к суженой-ряженой, а за деньгами. Да дракон его знает, зачем он вернулся, я ж не некромант, чтобы воспоминания мертвых выпытывать.

— Гм. Да я просто так сказала. — Я попыталась оправдать невинного мертвяка, но женщина уже нацелила на мужа недоверчивый взгляд, и мы с Тимом поспешили откланяться.

Вместе с мужиками мы высыпали наружу, предоставив парочке разбираться самим в своих запутанных отношениях.

— Так что, ежели чего, просто закопать его? — уточнил один из мужиков, в меховой жилетке. Ему явно хотелось избавиться от мертвяка при удобном случае.

— Закопать, да поглубже, — подтвердил Тим. — И сразу надо было хорошо закапывать.

— Да мы ж разве плохо? — развел руками меховая жилетка. — Как всех, в гроб да глубоко, и крест сверху.

— А как он тогда выбрался?

— Да нам почем знать? Он только вчера приперся, мы вон даже до господ магов не успели дойти. Дунка вон все причитала: не ходите да не трогайте...

Мы с Тимом переглянулись, раздумывая об одном и том же: ввязываться или нет.

— Так вы еще не были на кладбище? — неохотно спросила я.

— Не были, — ответил кучерявый.

У мужиков с надеждой заблестели глаза, и мы вздохнули.

— Нам проводник нужен, — сказала я, верно поняв чаяния народа.

Мужики немного потолкались и поспорили, но, в конце концов, выдвинули вперед кучерявого. Он сплюнул и махнул рукой:

— Ладно, пошли, покажу вам кладбище. Авось, днем бояться нечего.

Конечно, нечего. Ночью я бы и сама не пошла. По крайней мере, не после увиденного мертвяка.

— А вы мэр? — поинтересовался Тим, когда мы двинулись в путь по околице.

— Да какой там, — махнул рукой крестьянин. — Брат я Дункин, вот мне и предоставили все решать. Меня Денко кличут. А мэр наш в отъезде, не то еще вчера бы к нему жаловаться пошли.

Мы тоже представились и перекинулись парочкой дежурных фраз, но на подступах к кладбищу притихли. Хиленькая деревянная оградка тянулась вокруг первых могил и терялась в редком лесу. Мы прошли мимо старых каменных плит с выбитыми именами и подгнивших крестов. Здесь было тихо, прохладно и мрачно, несмотря на погожий день. Или это могилы так действовали на мое настроение. Резко каркнул ворон, и я вздрогнула.

— Когда у вас последний раз хоронили? — спросил вдруг Тим, глядя куда-то в сторону. Говорил он негромко, боясь потревожить покой усопших.

— Два месяца назад, — отозвался Денко.

Тим промолчал.

Новая часть кладбища была намного опрятнее, с очищенной от травы землей, прочными крестами и ухоженными могилами. Но все же мы дружно озирались по сторонам, боясь нападения мертвяков.

Мы подошли к могиле восставшего и еще на подходе заметили, что она разворочена. Осторожно приблизились и увидели сваленную в стороне кучу земли из могилы, а на дне — пустой гроб с откинутой крышкой. Я почертила по сторонам круг, но никаких следов магии не увидела.

— Что скажешь? — спросила я у Тима. — Как он отсюда вылез?

— Явно не сам всю эту землю из могилы выкинул. Кто-то ее раскопал и освободил неумершего.

— Раскопал? — ахнул Денко и перекрестился.

— Когда мы шли сюда, я заметил несколько свежих могил, — угрюмо сказал Тим. — Пошлите, покажу.

Он подвел нас к могиле в нескольких шагах от той, открытой, и мы вынуждены были признать, что землю действительно кто-то перекопал.

— Так что, правда, некромант? — остолбенела я.

— Да нет, — поспешно отозвался Тим, — кто-то в захоронениях роется. Некромант бы всех поднял и не стал бы любезно закапывать за собой. А это просто грабители, искали ценности, да наткнулись на мертвяка. Испугались и убежали, оставив могилу открытой.

Камень с души упал. С этими некромантами меня удар десять раз на дню хватить может, никаких нервов не хватит.

— Кто это у вас промышляет на кладбище? — спросила я у Денко.

Услышав версию Тима, он весь посуровел, сжал кулаки и гневно затрясся. Но потом бессильно выдохнул.

— Знаю я, кто это, — горестно сказал он. — У нас в деревне гоблины живут уже всю неделю. Сначала мирно вели себя, а потом им скучно стало — то драки устроят, то за

девками приударят. Ироды они, язычники, им и могилы наши разворотить — пустяк. Кроме них некому. Вот только... — вздохнул Денко, — когда мы с ними разбираться ходим, они мечи вынут — и нам от ворот поворот. Разве с ними сладишь... Но ничего! Могилы грабить — это уж последнее дело. Мы на них управу найдем!

— Не надо управу! — Я взмахнула руками. Не хватало еще кровопролития, особенно между людьми и гоблинами. — Я сама с принцем поговорю, когда из Лунграда вернемся.

— А ничего из-за этого не будет? — недоверчиво поинтересовался Денко. — Мы ведь почему раньше в институт ваш не ходили — боялись, нажалуемся, и все отношения с принцем гоблинским испортим...

— Ничего не будет, — пообещала я. — Будет, если вы тут поножовщину устроите. Честное слово, я все улажу, а вы к гоблинам не суйтесь.

— Спасибо вам, госпожа магичка. И вам, господин маг. — Денко низко раскланялся. Я понадеялась, что если гоблин стерпел мою частушку, то не сочтет за наглость и просьбу приструнить своих вояк. На вид он добрый. Хотя... в тихом омуте, как говорится... Чепуш водится.

— Надо бы закопать могилу, нехорошо так оставлять. — Тим кивнул в сторону открытого захоронения.

— Это мы уж сами, — махнул рукой Денко. — Вы и так для нас много сделали: пришли, не испугались, и нас успокоили.

Вряд ли бы мы смогли что-то сделать, будь здесь и правда озлобленный некромант. Или даже один мертвяк, охочий до людской плоти. Но мы не стали расстраивать Денко и промолчали.

Мы направились обратно к деревне, и я выдохнула, покинув неудобное кладбище.

— А чего у вас в мешке шевелится? — любопытствовал Денко, когда у Зимнего Бурана случился приступ активности.

— Да так... Книга с заклинаниями прыгает. — Честное слово, я скоро устану выдумывать причины, что, как и почему.

Мы вернулись в деревню и доложили обо всем мужикам. Денко убедил их не распространяться об участии гоблинов, чтобы не случилось ссоры.

— Ладно, пойдем мы, — сказал Тим, вклинившись в разговор.

— Подождите, — остановил нас Денко, — мы же вас никак не отблагодарили.

— Да чего там, — начал Тим, но я пихнула его в бок.

Что еще за «чего там», мы же время потратили, на мертвяка глазели, на кладбище нервы теряли. Нужно уметь ценить свою работу. В конце концов, не горы же золотые нам предложат.

— Может, вас подвезти? Нафан вон сегодня собирался в Лунград, если вы туда шли, — предложил Денко, кивнув на одного из мужиков. Бороденка у того была редкая, усы совсем курые, зато уши — что надо, как два опахала. Он весь излучал доброту и мировую мудрость.

— Туда, туда. — Мы согласно закивали. — Спасибо большое.

Нафан пошел запрягать лошадь, а вокруг начал собираться народ. Мы стояли неподалеку от дома, где сидел мертвый любитель погреться, и любопытные сожители, прослышав про нашу магическую помощь, зашли поглазеть, чем дело кончилось. Но даже разочаровавшись в том, что мы просто оставили мертвеца в покое, они все равно никуда не ушли и принялись судачить, как будто до этого они не успели сто раз перемыть косточки мертвяку и его жене.

Денко отвлек толпу на себя, и пока нас с Тимом не вовлекли в разговор, мы поспешили отойти в сторонку. Вскоре Нафан вывел мохноногую лошадку с телегой на дорогу и помахал нам. Мы подошли и запрыгнули в телегу, я прижала к груди рюкзак, чтобы дракона поменьше болтало.

И мы двинулись в путь.

Ехать на телеге не слишком приятно. Трясет, укачивает, скрипит прямо под ухом. Но несомненный плюс перевешивает все недостатки — не надо пилить на своих двоих.

Нафан оказался добродушным и молчаливым товарищем, но как только у них с Тимом обнаружилась общая страсть к рыбалке, он начал трещать без остановки. Тим вскоре пересел рядом с ним на козлы, и они принялись увлеченно обсуждать не только рыбалку — Нафан интересовался студенческой жизнью Тима и давал ему какие-то жизненные советы. Приглушенным шепотом он советовал что-то про женщин.

Я в их разговоры не вслушивалась, потеряв интерес еще на рыбе. Вместо этого я сосредоточилась на содержимом лукошка, лежавшем в телеге. Жена Нафана собрала нам всем еды в путь, и я попросила по возвращении передать ей мои самые горячие благодарности. Тим тоже был рад плотному второму завтраку, тем более что на первый были надоевшие ему овощи. Все мясное кончилось, а в столовой с утра подают только кашу, тут уж выбирать не из чего.

Я наяривала пирожки с капустой, не забывая опускать по кусочку в мой рюкзак. Буран молча проглатывал все, что я предлагала. Он пару раз тихо и недовольно пискнул, — тряска ему не понравилась — но из-за скрипа колес Нафан ничего не заметил. Или решил, что это у меня в животе урчит.

— Вот и Лунград, — сказал вдруг Нафан.

— Уже? — Я обернулась, разглядывая первые дома на подступах к городу. — Как быстро.

— У меня Мохнашка быстро везет, — отозвался Нафан, причмокнув. Лошадь фыркнула в ответ.

Я же решила, что за вкусной едой время летит быстрее. Да и от самого Кочуево я никогда еще не ездила. Обычно бредешь себе по тракту, пока кто-нибудь мимо не проедет и не согласится подбросить.

Был уже почти обед, когда мы остановились у въезда на центральную площади Лунграда и раскланялись в благодарностях. Нафан только отмахнулся и поехал по своим делам. А мы стояли и в удивлении глазели по сторонам, прикидывая, куда идти.

Лунград — не очень большой, но все же приличных размеров город. Ничего особенно здесь не было, кроме того, что тут тоже всюю продавали сувенирную продукцию с институтом магических искусств. Еще мне нравилось, что город был очень зеленым: практически на каждой улочке и в каждом дворике росли специально посаженные деревья. Сейчас, конечно, они стояли лысыми и погрустневшими, но летом здесь красиво. Обычно в городах все вырубает подчистую, чтобы наклепать дороги и здания, но здесь природа гармонировала с рукотворными строениями. Больше ничего примечательного тут не найти — ну, памятники, церкви, все как везде, даже меньше всего интересного.

Площадь, где нас высадили, ширилась метров на пятьдесят во все стороны от центра, каковым можно считать памятник основателю города, застывшему в героической позе. Вокруг, на краю площади наблюдались белокаменная церковь с голубыми куполами и

мэрия, нарочито чуть менее богатая, чем церковь; на другой стороне улицы скромно приютился дом культуры и деловитый книжный магазинчик, единственный на весь Лунград.

Все это мы уже видели, и удивляло нас совсем не это. Удивила нас собравшаяся толпа и пестрые лотки, разбросанные по всей площади.

— Ярмарка! — обрадованно воскликнул Тим.

— Ярмарка! — восхищенно прошептала я следом.

Мы переглянулись, и я увидела свое отражение в его сияющих серых глазах. Я едва удержалась, чтобы не похлопать себя по карману с двумя золотыми, но это верная приманка для карманников, и я удержалась.

Народу здесь было много, но потолкаться я люблю. Большинство людей предпочитают личное пространство и тишину, а мне нравится быть в толпе, среди веселья и шума. Чувствуешь себя частью общества. Да и насиделась я в комнате с Бураном по самое «не могу».

Хотя некоторым личностям хочется только в глаз захватить или обложить нехорошими словами, благо на ярмарке и не такое можно. Сюда многие съезжаются, только чтобы выплеснуть энергию. Мне, правда, такого шанса не дали: не обокрали, не обступали ноги и не утянули из-под носа желанный сувенир.

Я пробиралась между лотками, внимательно разглядывая, что где лежит и останавливаясь у самых интересных. Тим прикрывал тылы — шел сзади, чтобы толпа не смяла дракона в рюкзаке. Монетки приятно грели карман, но я не решалась потратить их — сначала надо обойти все кругом и посмотреть, что предлагают, а потом выбрать самое необходимое. Тим, однако, на первом же заходе расщедрился на два яблока в карамели.

— Держи, — он протянул одно мне.

— Спасибо! — Я обрадованно подпрыгнула, но дракону это не понравилось, и из рюкзака послышался недовольный писк. — Прости, Буран, больше не буду.

В последнем ряду Тим остановился, потянув меня за лямку рюкзака. Я посмотрела на лоток, заинтересовавший его, и скривилась: продавец предлагал рыболовные крючки и наживки. До сегодняшнего дня я даже не знала, что Тим настолько увлечен рыбалкой.

— Я пойду вон туда, — сказала я, показав на соседний лоток. Тим кивнул и остался рассматривать крючки.

Я отошла к высокому жилистому продавцу в темных одеждах, предлагавшему различные магические амулеты. В отличие от остальных встреченных на пути торговцев волшебными побрякушками, он не предлагал талисманы для привлечения удачи, любви и богатства — это липа заведомая, такие вещи ничем не привлечешь. Настоящие амулеты нужны, в основном, магам, чтобы накапливать энергию или бороться с нежитью. Некоторые амулеты могут быть полезны и остальным людям — те, которые помогают справиться с хворью, не пускают в дом мелких бесов-пакостников, противостоят сглазу.

Такие вещицы и предлагал этот торговец. Я повертела в руках кожаный браслет с вычерченными на нем знаками.

— Накопитель энергии, — проскрипел торговец.

— А надолго его хватит? — поинтересовалась я.

— Два года — минимум.

Красивый браслетик, и лишней запасец энергии не помешает. Иногда столько заклинаний перед парами тренируешь, что нет никаких сил на практические занятия идти. А так взял браслет — и день продержался.

На всякий случай я начертила вокруг браслета круг и шепнула заклинание. На браслете замерцали огоньки и быстро погасли. Что ж, магия там точно есть, остается поверить на слово, какая.

— Ты маг? — Торговец настороженно покосился в мою сторону. Видать, без лицензии амулеты делает.

— Студентка. Сколько возьмете?

Продавец немного расслабился и затребовал ползолотого.

— А скидка своим?

Он недовольно согласился скинуть парочку медяков. Я протянула ему золотой, и мне выдали сдачу мелкой монетой.

— А вы сами делаете амулеты? — поинтересовалась я.

— В том числе.

— Так у вас поделнички есть?

— Напарники, — передернулся маг.

Я перегнулась через лоток с амулетами, чтобы толпящийся народ не подслушал.

— А на черномагическом рынке товары сбыть сможете?

Маг отшатнулся, и я уж было решила, что не к тому обратилась, но он поозирался по сторонам и пальцем поманил меня к себе за лоток.

— Что предлагаешь? — тихо спросил он, не глядя на меня, когда я приблизилась.

— Драконью чешуйку.

— Что, одну? — фыркнул маг.

— Одна — лучше, чем ничего. В хозяйстве пригодится, и сбыть легче.

— А откуда ты ее взяла?

— В наследство досталась. Дедушка был собирателем. Так что, берете или я у кого другого спрошу?

— Ладно, — подумав, ответил маг.

Он достал из-под прилавка бумагу, перо и чернила и накарябал какой-то адрес и время — завтра утром. Молча сунул мне листок и обратился к подошедшей покупательнице, дав понять, что со мной он закончил. Я сунула листок в карман штанов и вышла из закутка. Ко мне как раз подошел Тим.

— Что ты там делала?

— Да вот, браслет купила, накопитель энергии. Хотела узнать секреты мастерства.

— И как, узнала?

— Нет, не расколосся. — Я заметила, что мой друг ничего не купил у рыбацкого прилавка. — Ой, Тим, а может, ты еще по яблочку в карамели купишь? Жутко вкусные. А я здесь посижу, отдохну, ладно?

Тим — существо легко манипулируемое. По крайней мере, мной. Он поплелся туда, где продавали яблоки, а я шмыгнула к рыболову.

— Тут к вам парень только что подходил, высокий, сероглазый. — Я показала, насколько высокий. — Помните?

— Помню, — кивнул продавец.

— Чем он заинтересовался?

Продавец, смекнув, в чем дело, предложил мне какие-то металлические крючки и пестрые наживки. Последние мне самой понравились — они были яркими, в виде рыбок и гнушимися во все стороны. Я, конечно, ничего в этом не понимала, но продавец попался

честный и не всучил мне лишнего — только то, что действительно заинтересовало Тима, в том числе небольшой ножик в чехле. Нож стоил прилично, но я все-таки дама при деньгах, да и я понимала, почему он приглянулся Тиму — на лезвии красовался дракон. Такой я просто не могла не купить, и счастливый продавец взял с меня остатки разменного золотого.

Не успела я отойти в сторонку, как ко мне подплыла пышная дама в пестром наряде, с узорчатым платком на голове и огромными позолоченными серьгами.

— Ай, какая прелестная у тебя татуировка, — восхищенно поцыкала она, беря меня за руку. Я отдернула ладонь.

— Позолоти ручку — судьбу предскажу, — начала цыганка свою привычную песнь.

Вокруг меня быстро и незаметно образовалось кольцо из загорелых ребятишек всех возрастов, протягивающих руки. Вечная история. Но я не успела ничего ответить — из-за спины раздалась ахи да охи, и цыганенок лет пятнадцати отдернул от моего рюкзака укушенные пальцы.

— Нападение! На несовершеннолетнее дите! — запричитала цыганка, бросаясь к «дитю» на голову ее выше. — Люди добрые, свидетелями будете!

— А нечего руки в чужое имущество запускать, — погромче сказала я. К цыганам у народа отношение известное, денег с меня содрать у женщины не получится, и она это прекрасно поняла, но сдаваться не хотела, уперев руки в бока.

— Где это видано, чтобы люди в сумки капканы засовывали. А ну как заденешь нечаянно — полруки оттяпает!

— Это не капкан, а охранное заклинание от воришек. Самолично наложенное. — Я с нехорошей усмешкой уставилась на цыганку. — Воровство в Новом Королевстве карается законом. А у меня лицензия на все виды чародейства имеется...

Я покрутила руки в несуществующем магическом жесте, и цыган как ветром сдуло: ни «здравствуйте», ни «до свидания». Тим подошел как раз вовремя, чтобы застать улепетывающие красные юбки и жидкие аплодисменты от свидетелей происшествия.

— Опять я что-то пропустил, — констатировал он.

— Ничего, у меня еще один защитник есть, — улыбнулась я. — Буран всех недоброжелателей покусает.

Из рюкзака раздался довольный, приглушенный писк. Тим сунул палец внутрь, чтобы погладить гордого собой дракона. Где чей палец, Зимний Буран хорошо отличал.

Тим протянул мне одно из яблок в карамели, и я в ответ сунула ему коробку с рыбацкими принадлежностями.

— Что это? — не понял он.

Нда, над вручением подарков мне надо поработать.

— Это тебе, — пояснила я, облизывая подостывшую карамель. — В подарок.

— Ты что, не стоило, — округлил он глаза, жадно рассматривая желанные крючки.

— Ты же помогал мне с Бураном, значит, и часть выручки за его чешую твоя, — рассудила я. — Но если не хочешь, я себе возьму. Примотаю как-нибудь на леску и летом в Кочуево пойду, рыбу ловить.

Тим представил мое «как-нибудь» и счел за лучшее согласиться на подарок.

— Спасибо, Рита, — горячо поблагодарил он, улыбаясь до ушей. Помялся, словно хотел еще что-то сказать, и, наконец, предложил обойти рынок по второму кругу.

На этот раз я приобрела несколько присмотренных ранее фигурок из камня для семьи и

Тиффани. За оптовую покупку мне предложили еще одно изделие со скидкой, и я взяла медведя для Хеивана. Сувениры стоили недорого, и у меня еще осталась куча монеток, но я заставила себя не тратить их.

Мы с Тимом направились к выходу с площади, и мой друг снова предложил взять рюкзак. На этот раз я отказываться не стала и с облегчением освободила спину. Теперь только фигурки оттягивали карманы куртки, и ничего больше.

— Дело к вечеру идет, — заметила я, когда мы вышли с площади на менее людные улицы. — Уже солнце садится, а я и внимания не обратила.

— Зимой рано темнеет, — пожал плечами Тим. — Телеги будут еще несколько часов ходить, успеем вернуться.

— А может, останемся тут? — предложила я.

Маг на рынке назначил мне встречу завтра утром, и мне очень хотелось выручить деньги за чешую. Тиму я, конечно, ничего не сказала. Черномагический рынок — дело такое, не хочется вовлекать друга. Я быстренько сбегая туда и обратно, он даже не заметит.

— За гостиницу деньги надо платить... — с сомнением покачал головой Тим.

— Да ладно, у меня еще остались. Завтра за обоями сходим, а сегодня по городу погуляем, м? И ужин приличный купим, ничего готовить не надо.

— Ладно, — неожиданно быстро согласился Тим. То ли прогулками соблазнился, то ли едой.

Мы направились в ближайшую гостиницу, но она оказалась забитой до отказа — люди соглашались ночевать даже в сеновале на конюшне. Видимо, с ярмарки никто не спешил уезжать. Хозяин гостиницы рассказал про запуск свечек на реке этой ночью, и я вдвойне захотела остаться.

Мы пошли обивать пороги остальных гостиниц, и в одной из них нам улыбнулась удача: прямо при нас освободилась одна из комнат, и мы поспешили ее занять. Одна на двоих, зато не в конюшне, между храпящими пилигримами и фыркающими лошадьми.

Комната была небольшая, скромная, но приличная. Две кровати, стол у зарешеченного окна и крючки на стене. Нам принесли обильный ужин, и мне пришлось подобрать слюни при виде пышущей жаром картошки, тушеного мяса и стопки вареных овощей; а на десерт — печенье в плетеной миске и кувшин компота из сухофруктов. Перво-наперво надо было запереть дверь и выпустить на волю Бурана.

Дракон с облегчением разминал конечности, потягиваясь во все стороны. Заметив, что мы с аппетитом взялись за еду, он ловко запрыгнул ко мне на колени и потянулся к тарелке. Вдвоем мы расправились с огромной порцией.

— Фух, поели — можно и поспать, — объявила я и улеглась на одну из кроватей. Матрас был жесткий и комковатый, но после нескольких часов ходьбы и сытного ужина меня уже ничего не волновало.

Тим продолжал в одиночку бороться со своей порцией — в него все влазило. А Буран перелез на подоконник и рассматривал мир через решетку за окном, медленно помахивая хвостом, свисавшим с подоконника.

— Мне кажется, он немного грустный, — заметил Тим.

Я протянула руку и дотронулась до чешуйчатого хвоста. Буран отозвался тихим переливом гортанных звуков.

— Он увидел мир и больше не хочет сидеть в четырех стенах, — ответила я. — Может быть, он уже чувствует своих родных. Мы северо-западнее института, ближе к Драконьим

горам.

Мы немного отдохнули и отправились на прогулку. Окраина города, где мы остановились, освещалась плохо, и мы пробирались практически в свете лун. Нас провожали своим лаем собаки за заборами домов, и дракон в рюкзаке отвечал им недовольным бурчанием. Ближе к центру загорались фонари, и празднично шатался народ.

До реки мы добрались как раз вовремя. Купили одну на двоих свечку, на легкой деревяшке, украшенной листьями и еловыми веточками. Народ уже столпился у кромки воды и запускал первые свечи. Мы нашли свободное местечко, и я, загадав желание, опустила свечу на воду и осторожно толкнула вперед. Она направилась в сторону зеленой трясины, и дежуривший рядом горожанин заботливо оттолкнул свечу длинной палкой. Она поплыла дальше, обогнув трясины, и я не отводила взгляда от мерцающего огонька.

— Смотри на нее внимательно. — Я подергала Тима за рукав. — Если потухнет, прежде чем скроется из виду, желание не сбудется.

Наша свеча присоединилась к остальным, и я перестала различать, какая из них моя.

— Не потухла, — выдохнула я и спросила у Тима: — Ты загадал то же, что и я?

— А что ты загадала?

— Я же не могу сказать вслух, а то не сбудется.

Тима слегка переклинило, он задвигал бровями в отчаянной попытке найти достойный выход из этой нелогичной ситуации. Я сжалилась над ним и махнула рукой:

— Ладно, будем считать, что то же самое.

Бурани в рюкзаке довольно заурчал. Если он умеет читать мысли, то знает — я пожелала, чтобы он благополучно вернулся домой.

в которой горе явно не от ума

Проснувшись и перевернувшись на бок, я чуть приоткрыла глаза и встретила взглядом с серыми кружочками, глазевшими с соседней кровати. Кружочки отъехали в сторону, сделав вид, что и не глазели вовсе.

— Чво смришь? — пробормотала я, снова опуская веки.

— Я не смотрю, — поспешно ответил Тим. — Просто... проснулся только что.

Судя по скрипу, он сел в кровати, но тут же все стихло. Я открыла глаза и снова встретила с его взглядом, и он опять отвернулся. На этот раз он все-таки встал и пошел к умывальнику, бормоча что-то вроде: «У всех доброе утро, а мне так чего смотришь».

Кто-то несильно пнул меня в живот, и я перевела взгляд на потягивающегося Бурана. Почесала ему подбородок, и он заклокотал, обнажив уже достаточно выросшие клыки.

Я встала и отеснила Тима от умывальника, довольно расплескивая воду. Вытерлась насухо полотенцем и потянулась за сапогами.

— Позавтракайте без меня, я потом наверстаю.

— А ты куда? — спросил Тим. Буран вытянул голову в мою сторону.

— Я сбегая за обоями, чтобы не откладывать. А что, хочешь со мной, выбирать нужный оттенок бежевого?

Тим заверил меня, что не хочет, и присмотрит за драконом в мое отсутствие. Ну, так я и думала.

Я накинула курточку, повесила за спину рюкзак и спустилась на первый этаж гостиницы. Ранние пташки уже собрались здесь за кружечкой рассола, а служанки сновали взад-вперед, приводя зал и лестницу в порядок и разнося еду для гостей, не пожелавших спуститься вниз. Подойдя к хозяину, я попросила его принести завтрак в нашу комнату и показала бумажку с адресом, и он объяснил мне, как туда пойти.

Я вышла на улицу, вдохнула свежий воздух. По небу размазались тонкие серые перины облаков, а судя по чаче на дороге, ночью прошел дождь. Я опасалась еще одного ливня и поспешила туда, куда указал хозяин гостиницы.

Мне пришлось углубиться в трущобы, где улицы были такими узкими, что два человека едва разошлись бы, а грязь доходила до щиколоток. Я дошла до указанного адреса, а там, как гласила записка, свернула в узкий проулок между двухэтажными домами и постучалась в запертую дверь третьего здания, втиснутого в проулок, так что вместе все три дома образовывали букву «П».

Дверь открыл вчерашний маг, окинул меня сухим взглядом и пригласил внутрь. Я вошла, оставляя за собой грязные следы.

Небольшой темный коридор вывел в гостиную с заколоченными окнами, освещенную лампами и пылающим в камине огнем. Все пространство занимали несколько деревянных столов, стулья и ящики вдоль стен. На одном из столов, непринужденно болтая ногой, сидел мужчина с кинжалом на поясе, рядом на стуле находился еще один, его щеку разрезал небольшой шрам. У входа в коридор к стене прислонился высоченный бугай с мышцами, как у профессионального боксера.

Маг подошел к двоим сидевшим и коротко представил меня:

— Вот та девушка, о которой я говорил.

— А-а, — нехорошо улыбнулся Кинжал, — внучка охотника на драконов. Ну, показывай, что у тебя там.

Собравшаяся компания не внушала доверия, но отступить уже было поздно. Я сняла рюкзак и запустила внутрь руку, нашаривая чешуйку. В ладонь мне легла еще одна, видимо, потерянная вчера Бураном. Я вытащила ее вместе с первой.

— Две чешуйки дракона, — сказала я, демонстрируя их.

— А вчера одна была, — прищурился маг.

— Я еще нашла...

— В дедушкином сундуке? — усмехнулся Шрам и, не дожидаясь ответа, вытащил из-за пазухи мешочек с деньгами.

Он честно отсчитал шесть золотых, придвинув стопку мне. Я положила рядом чешуйки и сгребла свои деньги, ссыпав их в карман курточки.

— Приятно иметь с вами дело, — важно кивнула я и развернулась, но бугай шагнул в сторону, загородив мне проход. Я сделала попытку просочиться мимо него, но не вышло — он занимал почти все пространство между стенами. Мужчины в комнате усмехнулись.

— Да не торопись ты, сядь, посиди с нами. — Шрам сделал знак Кинжалу, и тот принес с камина кувшин и бокал, разлил пурпурное вино.

— Нет, спасибо, мне еще пить нельзя. Я лучше домой пойду.

Я снова попыталась пролезть в щель между стеной и громилой, но он развернул меня, взял за плечи и легко приподнял над полом, перенес через комнату и опустил рядом со столом, напротив мужчины со шрамом. Пришлось сесть.

В голове тут же начали вертеться заклинания, которые я помнила достаточно хорошо и которые могли пригодиться. Мы изучили много боевых и защитных заклинаний базового уровня — главное, правильно их выполнить. Но стресс отлично подстегивал мои воспоминания. Я зашевелила пальцами, медленно плетя защитное заклинание и стараясь, чтобы его никто не заметил.

— Ну, если тебе нельзя пить, то тогда мы выпьем, — ровным тоном продолжал Шрам и пригубил свой бокал. — Ладно, не будем пугать девушку, джентльмены. Мы же не бандиты с большой дороги, в конце концов.

Кинжал захихикал. Он-то выглядел как самый настоящий бандит.

Шрам поставил бокал на стол и наклонился вперед. Он был средних лет и приятной внешности, с аккуратно подстриженной бородкой по последней моде, но обстановка, тем не менее, никак не располагала к доверию.

— Где дракон? — вкрадчиво поинтересовался Шрам.

— Какой дракон? — выдохнула я.

Удивление получилось настолько убедительным, что даже Шрам поколебался. Поразил меня, впрочем, не вопрос, а то, что они вообще догадались о Буране. Я вдруг подумала, что это они занимаются контрабандой, но потом вспомнила, что они не могли проникнуть на территорию института незамеченными.

— Вчера у тебя была одна чешуйка, а сегодня их две. Значит, ты откуда-то взяла еще одну вчера вечером, — любезно пояснил Шрам. Я прокляла себя за необдуманность. Надо было только одну отдать! — Вряд ли ты сбегала до Драконьих гор. Значит, у тебя есть либо дракон, либо запас чешуи, который мы можем очень выгодно сбить.

— Да где я, по-вашему, держу дракона? У себя в комнате? — Как говорится, чем больше правды во лжи, тем убедительнее ложь. — И запасов у меня никаких нет. Я просто хотела оставить одну чешуйку на память о дедушке, но потом передумала.

Надеюсь, мои настоящие дедули простят меня за такое вранье.

— Хмм, — задумчиво протянул Шрам, ничего не ответив.

— Да что мы церемонимся, — встрял Кинжал. Он уже осушил бокал, который предназначался мне, а вслед за этим и еще один. — Давайте развяжем ей язык обычными средствами.

Я испуганно вытаращила на него, не желая даже представлять, что это за «обычные средства». Корявенький щит был готов и незримо пульсировал у меня в левой руке. Оставалось только активировать его. Но у меня в запасе было кое-что еще.

— Мне не нужны ваши деньги, я просто хочу уйти, — сказала я и демонстративно сунула правую руку в карман.

— Зачем же так, — деланно обиделся Шрам. — Мы просто хотели сотрудничать не взаимовыгодных началах...

Я не дала ему договорить. Вскочив со стула и вытащив один золотой, бросила его на стол и скороговоркой прокричала: «Капсей лампротеро апо тон илио!».

Золотой, ударившись о стол, ослепительно вспыхнул. Я предусмотрительно отвернулась, прикрыв глаза рукой и активируя щит: «Аналавете!» — он обернулся вокруг меня невидимыми волнами. Послышались стоны мужчин, не ожидавших такого подвоха и ослепленных светом. Не теряя времени, я рванула к выходу. В мою сторону полетел наугад брошенный кинжал и вонзился бы в плечо, но ударился о щит и отскочил. Волны забушевали, но выдержали натиск. Против физических объектов мой щит еще справлялся.

Я собиралась воспользоваться замешательством бугая и проскочить мимо, но чья-то невидимая рука легко разрушила щит и сбила меня с ног, прижав к полу.

Над ухом раздались шаги. Повернув голову, я увидела начищенные до блеска туфли, без единого пятнышка, несмотря на погоду. Туфли принадлежали вчерашнему изготовителю артефактов. Вот ведь зараза! Хороший попался маг, вовремя среагировал на ослепляющее заклинание. Ну, щит мой нетрудно сломать магией. Если бы я училась лучше и тренировалась усерднее, то, может, и смогла бы создать что-то поприличнее.

— Не разбрасывайся кинжалами, — угрожающе посоветовал маг, обращаясь к владельцу холодного оружия. — Ты мог бы ее убить, если бы нее защита, а то и кого-то из нас, ослепленный болван.

Мужчина только пробормотал что-то оскорбительное в ответ.

— Чертова девчонка, — зло отозвался Шрам. — Никак не могу проморгаться... Тащи ее сюда. Теперь разговор будет другой.

На меня перестала давить невидимая рука, и маг присел рядом на корточки, чтобы помочь подняться. Но я не успела попрощаться с жизнью — передо мной рухнул на пол бугай, отчего пол сотрясся. Маг оставил меня в покое, обернувшись к упавшему, но и сам был сметен к стенке.

Вскинув голову, я увидела принца Кримона. За его спиной маячили два стража с обнаженными мечами.

— Не советую никому шевелиться, — властно сказал гоблин.

Маг попытался было сплести какое-то заклинание, но принц Кримон привел убедительные аргументы в виде сонного заклинания, отчего маг тихо сполз по стенке и

калачиком свернулся на полу.

Шрам, похоже, снова прозрел.

— Принц Арленсии, — не удивившись, обозначил он. — Какими судьбами?

Я поднялась на колени и увидела, что Шрам еще потирает красные глаза.

— Шел мимо, — сухо отозвался принц.

— Мимо... — усмехнулся Шрам. — У тебя здесь власти нет, у нас своя королевская семья, которой мы подчиняемся.

— За решетку я тебя не засажу, — признался гоблин, — но девушку с собой заберу.

Он кивнул головой в мою сторону, и я облегченно выдохнула.

— Забирай, — равнодушно отозвался Шрам. — Мы ее не держали, она сама пришла.

Только проблемы доставила.

Я хотела было возмутиться, что очень даже держали, но прикусила язык. Не хватало еще, чтобы в дискуссии всплыла причина моего визита.

Дважды меня уговаривать не приходится — я поднялась на ноги и засемила под защиту гоблина и стражей. Обменявшись напоследок грозными взглядами со Шрамом, гоблин вышел на улицу с видом хозяина, и я последовала за ним. Стражи топали следом.

Гоблин продолжал идти, не оборачиваясь в мою сторону, пока мы не вышли из проулка. Там я увидела четырех привязанных лошадей и присматривающего за ними охранника. Принц Кримон, наконец, остановился и посмотрел на меня.

— Спасибо, что помогли мне, — сказала я.

— Не за что, — коротко улыбнулся он. — Что ты там делала?

Я помедлила с ответом. Гоблин хорошо ко мне относился, он был сильным магом, принцем, и он меня спас. На мгновение мне захотелось обо всем ему рассказать, поделиться, получить совет. А может, доверить ему Бурана, потому что я вечно влипаю в неприятности, и дракону может сильно достаться из-за меня.

Но я вспомнила слова Ким: она говорила, что гости бала могли приехать раньше не несколько дней, а значит, каждый из них мог быть тем скупщиком, который должен был забрать яйцо, — включая принца Кримона и всех его стражей.

— Я... хотела купить браслет. — Выдала я, наконец, и продемонстрировала накопитель на запястье.

— Здесь? — Кримон поднял брови.

Я виновато пожала плечами.

— Мне сказали, что здесь делают хорошие браслеты и... сбывают по дешевке, потому что продают нелегально.

— Что они от тебя хотели?

— Ну, знаете... всякое...

Я не стала уточнять, а он понял и не стал расспрашивать, и я воспользовалась паузой:

— Как вы узнали, что я там?

Гоблин отвел взгляд, помедлил, но все же ответил:

— У меня были здесь дела, и я почувствовал твою магию.

Я знаю, что опытные маги умеют чувствовать, как кто-то использует некое заклинание неподалеку, но как он определил, что кому-то требуется помощь? Тем более, с такого расстояния. И что это, интересно, за дела могли быть у него в районе, где нелегально торгуют волшебными предметами?

— Как...? — начала я, но гоблин меня прервал.

— Учись не задавать лишних вопросов. — Вежливо, но твердо он поставил в разговоре точку, и я не решилась беспокоить его вопросами. — Ты остановилась где-то в городе? Позволь, я довезу тебя.

— Спасибо, принц Кримон.

Я неловко вскарабкалась на лошадь позади одного из стражей, и мы двинулись в путь по городу. Меня любезно довезли до самой гостиницы, и я спрыгнула на землю, поскользнувшись на грязи, но вовремя схватилась за седло и выпрямилась, покраснев от своей неловкости.

— Ты уверена, что все в порядке? — поинтересовался принц Кримон, тактично сделав вид, что не видел, как я чуть не упала. — Ты можешь остановиться в одной гостинице с нами, а вечером мы сопроводим тебя в институт.

— Спасибо, но у меня здесь уже все оплачено. Да и я собиралась обратно прямо сейчас.

— Хорошо. — Принц не стал настаивать. — Но пообещай, что больше не будешь связываться с черномагическим рынком. Боюсь, второй раз я не буду проезжать мимо.

— Обещаю, — кивнула я и только тут вспомнила, что обещала крестьянам поговорить с гоблином. Но я не могла пожаловаться на воинов принца в их же присутствии, поэтому спросила: — Принц Кримон, можно мне будет поговорить с вами позже? Наедине. Это очень важно.

Гоблин бросил на меня пристальным взглядом, и я подумала, что он скажет: «Если я тебя спас от твоей же глупости, не значит, что можно так со мной фривольничать! У принца есть свои дела государственной важности, и нет времени на всяких наглых девиц» — но он ответил совсем по-другому:

— Зайдите вечером в жилой корпус преподавателей. Я велю, чтобы вас пропустили внутрь.

— Спасибо, принц Кримон, — в очередной раз поблагодарила я, и всадники уехали прочь.

Когда я вошла в гостиницу, ко мне подплыл хозяин, раболепно сложив ручки.

— Вы, кажется, разговаривали сейчас с принцем Кримоном? — поинтересовался он.

— А вы, кажется, из окна подглядывали? — буркнула я, но, углядев в этом деле свои выгоды, сказала: — Да, это принц Арленсии, Кримон Первый. Я, видите ли, учусь в академии магических искусств, где обучался он сам, и он по-дружески предложил подбросить меня до гостиницы.

Хозяин округлил рот на слове «по-дружески» и захолопотал:

— Что же вы не сказали... У нас монаршие особы, так сказать, редко бывают. Мы бы вам... мы бы для вас... Обед — за наш счет! — выдал он, наконец.

— Благодарю. — Я просияла. — Принесите его в нашу комнату, пожалуйста.

— Конечно, конечно, — закивал хозяин и бросился отдавать распоряжения.

Я поднялась наверх в бодром расположении духа. Конечно, я знатно перепугалась сегодня, но все обошлось, а бесплатный обед поднимает мне настроение лучше всего. Когда Тим открыл дверь, я крепко его обняла, и тогда меня совсем отпустило.

— Ты чего? — ошеломленно спросил Тим, но я уже метнулась к Бурану и взяла его на руки. — Краски надышалась, пока обои выбирала?

У меня дернулась бровь. Совсем забыла про обои! Тим тоже заметил, что я вернулась с пустыми руками.

— Я не за обоями ходила, — покаялась я.

— А куда? — вздохнул Тим, предчувствуя еще одну историю.

Нам принесли шикарный обед на двоих, и я рассказала Тиму все, что со мной произошло, одновременно уплетая суп-солянку, а потом рис и котлеты. Тим слушал с открытым ртом, забыв про обед.

— С ума сошла, — заключил он. — Почему ты мне не сказала?

— Ты бы пошел со мной, а кому-то надо было присмотреть за Бураном.

Тим открывал и закрывал рот, как рыба, вынутая из воды, но так и не нашелся, что сказать.

— Раз я обои не купила, надо бы сходить, — примирительно сказала я. — Ты пока кушай, а я...

— Ну, уж нет! — воскликнул Тим, потрясая в воздухе вилкой с нанизанной на нее котлетой. — Одна ты больше никуда не пойдешь!

Вспрыгнувший на стол Буран ловко стянул с вилки котлету и перепрыгнул на подоконник, по дороге смахнув хвостом солонку. Довольно урча, он поедал котлету, а Тим проводил его обиженным взглядом, но смолчал.

Пообедав, мы собрали вещи и спустились вниз. Буран продолжал путешествовать в рюкзаке.

Я заверила подошедшего хозяина, что обед нам очень понравился, и нет, никаких проблем не возникло, и да, я скажу принцу Криму, что таверна замечательная, несмотря на то, что стоит на самом краю города, а кровати здесь даже твердые. Про кровати я, конечно, вслух не сказала, а просто подумала.

В центре Лунграда нашелся единственный магазин, где можно было достать обои, и выбирать особо не пришлось — нам предоставили всего два вида бежевого. Я задумчиво повертела образцы в руках.

— Посветлее или потемнее? — спросила я.

— Вот этот. — Тим наугад ткнул в один из образцов.

— Хмм, посветлее, значит, — протянула я, разглядывая обои. — Но они в крапинку какую-то...

Тим так хмуро поглядел на меня, что я состроила скорбную мину и без лишних слов попросила у торговца небольшой кусок обоев. Несмотря на утерю золотого, пожертвованного в попытке сбежать, в кармане лежало еще пять золотых, и трата мелочи на обои меня не удручала.

Мы направились в сторону Кочуево и вскоре переставляли ноги по утоптанной повозками дороге. Дождь так и не шел, но небо все еще было затянуто светло-серыми тучами.

Сзади раздался цокот копыт, и мы остановились на краю дороги, поджидая возницу на телеге — авось, подвезет. Когда он подъехал поближе, мы разглядели знакомую мохноногую лошадку и Нафана на козлах.

— Подвезти вас? — широко улыбнулся он. Мы закивали и забрались в телегу.

Тим занял место на козлах и завел разговор с Нафаном — похвастался новыми крочками, получил еще несколько жизненных советов. Мне оставалось только вздохнуть и любоваться пейзажами. Нафан быстро довез нас до Кочуево, где мы закупились едой, а оттуда дотопали до института. В своем блоке я наткнулась на Динку, вышедшую из комнаты мне навстречу.

— Привет, Рита, — поздоровалась она.

— Привет, — удивленно ответила я. — Ты уже вернулась? Еще неделя до занятий.

— Знаю, — смутилась Динка. — Не хотелось дома засиживаться.

Динка живет в Эльсе, где-то к югу от института. Ей до дома нужно целый день добираться, это вам не в телепорт шагнуть, и никто в здравом уме не поехал бы просто так из дома за неделю до занятий, когда тут даже заняться нечем. Но я-то знаю, зачем Динка вернулась — вокруг Берека маячить. Только мне от этого не легче; она запросто может обнаружить присутствие Бурана.

— Слушай, мне Смолик оставил свой экспериментальный образец... что-то вроде собаки. Не пугайся, если там что-то шуметь будет.

— Ладно. — Динка чуть округлила глаза. — Я не знала, что у профессора Смолика есть собака.

— Никто не знал. Так что и не говори никому.

— Хорошо... — Динка неловко поерзала и проскользнула мимо меня в коридор.

Заперев за собой дверь комнаты, я поставила сумки с едой на пол выпустила Бурана из рюкзака. Меловые каракули обрадованно запрыгали и бросились ему на встречу. Только Вася остался на стене и замахал руками, привлекая внимание.

— Что случилось?

Меловой человечек пробежал по стене до двери и спрыгнул на пол. Сделал вид, что заходит в комнату, огляделся вокруг.

— О-о, пантомима? — догадалась я и пристроилась на кровати, глядя на Васю. — Люблю пантомимы. Так, значит... ты заходишь в комнату?

Вася закивал и стал заглядывать под шкаф и столы.

— Ты что-то ищешь? Ты что потерял? Или что-то нашел! Нет? Э-э-э... — Я тщетно пыталась понять, что он хочет сказать.

Сообразительный Буран заклекотал, пытаясь мне подсказывать, но связь между нами, к моему огорчению, работала только в одну сторону. Вася показал все сначала, и остальные каракули пришли ему на помощь: когда человечек «вошел в комнату», они пугливо попрятались за столы.

— Кто-то другой зашел в комнату! — догадалась я, хлопнув себя по лбу. Каракули вылезли из-за столов и восторженно запрыгали, подтверждая разгадку. — Подождите, кто-то заходил в комнату, пока меня не было?! Кто это был?

Вася развел руками. Конечно, откуда им знать, кто есть кто в институте. А уж описать внешность пантомимами — та еще задачка.

Я осмотрела свои вещи, но, как я и думала, ничего не пропало. Я точно запирала дверь, когда уходила, и если мои соседи по общежитию и дошли до такой наглости, чтобы взламывать замки, они бы что-нибудь прихватили — в комнате еще лежало немного непортящейся еды, но ее не тронули. Я могу придумать только одну причину, по которой кто-то без спроса зашел в мою комнату и ничего не взял.

Дракон.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила я Тима, когда мы поужинали и переместились с кухни в мою комнату, прихватив для Зимнего Бурана тарелку с яичницей.

Я также испекла пирог, завернула его в пленку и на всякий случай убрала на шкаф — чтобы его не достали ничьи загребушие руки и лапы. Этот пирог я хотела отнести принцу Кримону в качестве благодарности, а заодно поговорить с ним, как и я обещала жителям Кочуево.

— Что это значит? — эхом повторил Тим. Он слушал меня вполуха, сыто развалившись на стуле и бросая взгляды на пирог.

— Это значит, что контрабандист, который хотел достать драконье яйцо, все еще в институте. — Я пощелкала пальцами перед лицом Тима, привлекая его внимание. — Кто-то зашел в мою комнату. Он знал, что я уехала в город, и воспользовался этим. Наверное, решил, что я оставлю Бурана здесь.

— Да уж, подумал, что никто в здравом уме не потащится с драконом в город — с этим он просчитался, — фыркнул Тим, уворачиваясь от моего тычка.

— Хорошо, что я догадалась взять Бурана с собой. — Я показала другу язык. — И у нас сузился круг подозреваемых: всех, кто уехал на каникулы, можно исключить.

— Контрабандисты могли работать сообща, — покачал головой Тим. — Один уехал, другой остался.

Я со стоном опустила голову на стол, стукнувшись лбом.

— Мы никогда не выведем их на чистую воду...

— Главное, чтобы Зимний Буран был цел, — утешил Тим.

Я поглядела в сторону дракончика. Он закончил с ужином и запрыгнул на окно, уставившись вдаль. Каракули столпились вокруг него.

— Он так и сидит, с тех пор, как мы пришли, — сказала я. — Его тянет на улицу, после того как он побывал в городе.

— Наверное, скоро можно будет его отпустить.

— Нельзя, пока он не научится летать — его первый же крупный хищник загрызет. Так хоть улетит.

Тим с сомнением поглядел на маленькие крылышки Бурана, подрагивавшие, словно он хотел улететь.

— А когда он научится?

— В книге написано, что через три недели после рождения. Придется держать его здесь и во время учебы.

— Как ты себе это представляешь? Ты живешь в блоке с моей болтливой сестрой, тихоней Динкой и правильной Тиффани. Первая всем на свете растреплет про дракона, если узнает о нем. На вторую легче легкого надавить и все выяснить. А Тиффани так и сама заставит тебя пойти и сдать на милость ректора. И я еще не говорю о проверке комнат.

Мое сердце ушло в пятки, когда я представила, как мисс Битн обнаруживает дракона в общежитии, где даже домашних питомцев разрешается заводить за крайне редким исключением и только в учебных целях. Но никаких других вариантов у меня не было.

— Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления, — отмахнулась я, вставая из-за стола. Скажем так, умение продумывать все заранее — не мой конек. — Присмотришь за Бураном?

Тим кивнул, а я достала со шкафа пирог и отправилась к хоромам.

Я подошла к воротам со смесью гордости оттого, что меня пригласили, и страха — я никогда не была внутри. Я подергала железные прутья, но безрезультатно.

— Сим-сим, откройся? — неуверенно попросила я.

Ворота ответили молчанием.

Я подняла голову и посмотрела на кошмарное железное лицо, припаянное к прутьям и похожее на заставку «ВИД». Это чудо кузнечной мысли, созданное не иначе как сумасшедшим абстракционистом, играло двойную роль: одним своим видом отпугивало

студентов почище заклинаний и служило пристанищем для духа-стражника.

— Можно мне войти? — спросила я у него.

Лицо разлепило железные глаза и потребовало металлическим голосом:

— Имя.

— Рита Лопухова. Принц Кримон просил меня зайти сегодня вечером.

— Да, меня предупреждали.

Ворота открылись сами собой, не издав никакого звука. Я чувствовала себя так, словно ступаю на территорию священного храма, ничуть не меньше, и сделала осторожный шаг вперед.

— Давай быстрее, — проворчал дух и захлопнул ворота, придав мне ускорения.

Свободной рукой я обиженно потерла пятую точку и направилась к зданию, растеряв все чувство святости. Деревья как деревья, и трава такая же пожухлая, как по ту сторону забора, и лунный свет ничуть не более яркий.

В преподавательском общежитии не было ни вахтера, ни проходной. Через дверь я попала в широкий зал, из которого в разные стороны вели коридоры и лестница на второй этаж. Но, конечно, я буду не я, если не приду в самый неподходящий момент.

Мне очень «повезло» зайти в хоромы как раз в тот момент, когда замректора Лиор Гир проходил мимо. Не разворачиваясь, я задом шагнула обратно за дверь в малодушной попытке спастись, но было поздно: меня заметили.

— А-а, студентка... Лопухова, кажется? — В виду языковых особенностей Гир произносил мою фамилию «Лёпухова». — Что ж вы пятитесь, как краб? Ну-ка, подойдите.

Я медленно подошла к замректора, пытаюсь удержать лицо от выражения: «Что вам еще надо? Оставьте меня в покое».

— Как вы удачно зашли, — с хитрой улыбочкой протянул он. — О, что это тут у вас? Пирог? Правильно, студентка, к нам с пустыми руками не ходят.

Он потянулся к мучному изделию, но я отвела руку назад, спасая пирог.

— Я зашла по приглашению принца Кримона, — натянуто отозвалась я.

Лиор Гир, как ни в чем не бывало, отдернул руку.

— Что у вас за дело к принцу?

— Он... выручил меня кое с чем, и я пришла выразить свою благодарность. А вы что-то хотели?

Я решила перевести тему в другое русло. Все равно ведь замректора нагрузит меня работой — потому и обрадовался, что я подвернулась под руку. Пусть хоть избавит меня от вопросов о принце.

— Вы ведь на отработке у профессора Смолика? — уточнил Гир. Я кивнула, предчувствуя что-то нехорошее. — Сегодня в библиотеку привезли новые книги и учебники, помогите завтра Береку занести их в каталог и расставить на полках. И прихватите еще кого-нибудь из студентов, книг там много. Правитель Дарона любезно подарил институту новые пособия.

— Хорошо.

Ну, разбирать книги в библиотеке — не самое страшное занятие. Разве что скучное, но если я приглашу Тима, будет веселее.

В этот момент по лестнице спустился принц Кримон и вызволил из плена замректора, не то он еще что-нибудь успел бы поручить.

Гоблин провел меня в уютную гостиную с диванчиками и картинами на стенах и

предложил чаю. Я снова горячо поблагодарила его за спасение и вручила пирог, который он тут же предложил нарезать. Мне, конечно, скромности не хватает, чтобы отказаться от собственного угощения, но я побоялась, что положила слишком много сахара или недопекла. Если принцу мой пирог покажется невкусным, пусть лучше я об этом никогда не узнаю.

— О чем ты хотела со мной поговорить? — спросил гоблин.

Я деловито отпила предложенный чай, изящно оттопырив мизинчик, и поставила чашку на блюдечко.

— Я была сегодня в Кочуево, — начала я издалека, — и говорила с местными жителями. Побывав на кладбище, я — то есть, мы с Тимом решили, что кто-то грабит могилы. Деревенские говорят, что кроме ваших солдат делать это некому.

Кримон нахмурился, его длинные уши чуть дернулись.

— Хочешь сказать, мои ребята перерывают могилы? — сурово спросил он.

Я немного испугалась из-за его тона, но поняла, что злится он не на меня, а на своих солдат, и кивнула.

— Что ж, спасибо за бдительность, — отозвался принц. — Я смотрю, твоя татуировка сходит.

Я поглядела на тыльную сторону, где едва заметно переливались цветы. Как и говорил принц, она сама исчезала за неделю.

— Вы часто общаетесь с послом Эрилоном? — поинтересовался он.

— Да нет, только здоровались пару раз, — удивилась я. — А что?

— Да так, ничего, — туманно отозвался принц. — Что ж, не буду тебя задерживать. Спокойной ночи.

— И вам тоже, принц Кримон.

Когда за мной захлопнулись ворота, я немного постояла в раздумьях и повернулась к железному лицу. В свете лун оно особенно пугало, но я взяла себя в руки.

— Мм... уважаемый дух ворот, — начала я, не зная, как к нему обращаться.

Лицо раскрыло глаза и посмотрело в мою сторону.

— Вы не могли бы мне сказать, кто из гостей института присутствовал в ночь с 27 на 28 января?

Именно в эту ночь я нашла драконье яйцо. Ким говорила, что знатные гости могли прибыть задолго до бала, и если я выясню, кто именно приехал в это время или раньше, это может облегчить поиски контрабандиста.

Но дух ворот не был настроен сотрудничать.

— Почему я должен тебе что-то говорить? — со скрипом отозвался он.

— А тебе жалко, что ли? — ляпнула я.

Дух помолчал, обдумывая мои слова. Он был немного тугодум, особенно что касается экспрессивных выражений, и понимал, в основном, только простые фразы. Обработав мой вопрос и обдумав его со всех сторон, он, наконец, выдал:

— Я не обязан тебе ничего сообщать, — и закрыл глаза.

— Да ты просто сам не знаешь, — высокомерно бросила я, но дух оказался слишком неэмоционален, чтобы поддаться на провокацию.

— Знаю. Но не скажу.

Вот и поговорили.

Глава десятая

в которой я бегаю за купидонами и оккупирую лабораторию, на кое-кого снисходит [про]зрение, а Тим опять крайний

Мне хотелось бы еще поработать на конюшне, узнать, как там Плющ, и поболтать с Хеиваном, но замректор сказал: «Надо» — и студенты молча идут выполнять указания.

Тим был не против поработать в библиотеке, а с Тимом не против поработать я, и мы в бодром расположении духа отправились в это святилище знаний.

— Привет, Берек! — выдала я еще с порога и тут же запнулась о стоящую в проходе коробку с книгами.

Если Тим и попытался подхватить меня, то не преуспел, и я повалилась на пол, смяв под собой злосчастную коробку.

— Иии! — жалко взвизгнула я в полете, но, приземлившись и приподнявшись на локтях, поправила нормальным голосом: — То есть, «ой». Кхм.

Тим помог мне подняться, а Берек только кисло на меня посмотрел, ожидая неприятностей.

— Мы тут это... помочь тебе пришли, — выдала я, поправив одежду. — Нас замректора послал.

— Я-то думал, тебе опять от меня что-то надо, — выдохнул Берек с некоторым облегчением.

— Ты мне, кстати, с обоями обещал помочь, — напомнила я. — Зайдешь сегодня вечером?

— Ладно, — махнул рукой Берек. Помялся, обдумывая, стоит ли вмешиваться в это дело, но все же спросил: — Как там... сама знаешь?

— Ты про драк...?

— Тсс, — зашипел Берек, стрельнув глазами на Тима. — Не ори об этом на каждом углу.

— Если ты про меня, так я все знаю, — надменно отозвался мой друг. — А больше тут никого и нет.

Берек закатил глаза и осуждающе на меня посмотрел.

— Как насчет никому не доверять и не говорить? — проворчал он. — Даже когда никого нет рядом — у стен есть уши.

«А у библиотекарей паранойя, — подумала я. — Начитался романов про шпионов и расследования магической полиции». Но вслух сказала:

— Мне нужна была помощь с драконом, вот я и попросила Тима. А он в порядке. — Я сделала ударение на слове «он», не удержавшись от сарказма, раз уж Берек такой осторожный и не хочет упоминать дракона вслух. — Ладно, давайте лучше за работу возьмемся.

— Берите вон те коробки и несите на столы. — Берек показал на массу коробок у входа, об одну из которых я запнулась. — Каждой из них надо присвоить номер — я выдам вам последние номера, от них пойдете дальше по порядку. В книге на первой странице поставите штамп института и напишете номер. Потом заполните на книгу карточку — ее

положите внутрь, приклеивать кармашки будем завтра. В каталог данные я внесу сам. Одинаковые книги кладите вместе.

Мы взяли по коробке и пошли к столам. Я прихватила ту, что пострадала от моих запинаящихся ног. Когда мы отошли от стола Берека, я тихо спросила у Тима:

— Надеюсь, ты понял, что надо делать, потому что я все забыла, как только Берек закрыл рот.

— Разберемся, — усмехнулся Тим. Из его слов я заключила, что он тоже не особо вникнул в инструкции.

Мы перетаскали все коробки к столам и развернули первую из них. На нас уставились сотни тонких методичек с ядрено-зеленой обложкой и надписью «Классификация видов зелий в таблицах. Пособие для старших курсов». Берек выдал нам ручки, штамп и кучу карточек. Пришлось взяться за работу.

Как я выяснила в процессе работы, присутствие Тима не очень помогало — как только мы начинали увлеченно разговаривать, я тут же писала не ту букву или не ту цифру, так что мне очень быстро понадобилась замазка. Удобного штриха-ручки в Эльсе не водилось, имелась только презренная баночка с кисточкой.

В общем, разговоры пришлось прекратить, и мы только время от времени перекидывались парочкой фраз. Берек к нам не присоединился — деловито писал что-то за своим столом (я уверена, что он только изображал вселенскую занятость, а на самом деле разгадывал кроссворды, хитрый лис).

Однако к обеду стало повеселее. В библиотеку заглянула Динка, и я заняла хорошую позицию за столом — так, чтобы сидеть как можно дальше, но все видеть. Тима не очень занимали все эти любовные треволнения, и он продолжал молча карябать в карточках.

— Здравствуй, Берек, — поздоровалась Динка, нервно поправив очки.

— О, привет, Динка! — Берек спешно положил бумаги поверх того, чем занимался, что только подтвердило мою догадку о кроссвордах. — Ты уже вернулась с каникул?

— Да, не хотелось засиживаться дома. — Слышали мы уже эту отмазку. — Ты не посоветуешь мне, что почитать? Я хотела бы подготовиться к следующему семестру.

Ух, серьезно? Подготовиться к следующему семестру? Над причиной прийти в библиотеку Динке надо было поработать — ну где вы видели хоть одного человека, который делает домашнее задание прежде, чем его зададут? Это слишком даже для Динки или Тиффани. Берек, впрочем, ничего не заподозрил и стал расспрашивать мою однокурсницу, что именно она хотела бы почитать.

Пока хранитель библиотеки отвлекся, я вынула из карманов два завернутых в тряпицы бутерброда, припасенных еще утром, и предложила один Тиму. Он с радостью принял скромный обед.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я развернула тряпочку — догадалась ведь положить не в фольгу и не в пакет, чтобы не шуршало! — и вцепилась зубами в бутерброд, продолжая поглядывать в сторону Берека и Динки. Во-первых, я не хотела пропустить, если между ними произойдет что-то интересное. Во-вторых, если Берек обернется, я успею спрятать бутерброд.

— Ты читала «Власть и линька леци»? — спросил Берек.

— Кто такие леци? — округлила глаза Динка.

— Вы будете изучать их на бестиологии, занятные существа. Хотя, может, это на следующем курсе... Ладно, почитать все равно стоит.

Библиотекарь одним усилием мысли начал вытягивать книги с полок, как обычно, подергивая левую бакенбарду — он всегда так делал, когда сосредотачивался. Книги с легким шорохом покидали свои насесты на полках и приземлялись на столе Берека.

Вдруг один из томов коварно подкрался ко мне сзади и со всего размаху отвесил оплеуху. Хорошо еще, он был тоненьким, не то последний разум бы вышибло. Вслед за этим пришел черед Тима.

— Хомячить у себя в комнатах будете, — раздался голос Берека.

Вот ведь... нехороший человек! Глаза у него на затылке, что ли?

Тим со своим обедом уже расправился, а вот я засмотрелась на парочку и жевала медленнее. Я украдкой затолкала в рот остатки бутерброда и повернулась к библиотекарю, подняв ладони вверх, якобы у меня ничего нет, и изображая оскорбленную невинность.

— Я освобожу вас от работы, если ты сейчас сможешь открыть рот, — невозмутимо отозвался Берек, повернувшись в мою сторону.

— Пвавда?!

Я осеклась и стыдливо осмотрела посыпавшиеся на стол крошки, догадавшись, что меня надули. Пришлось проглотить остатки бутерброда и свою гордость. Я смахнула крошки в ладошку и отправилась к мусорному ведру.

— Технически, я смогла открыть рот, — заметила я, но Берек так на меня поглядел, что я молча выкинула крошки и вернулась на свое место.

Библиотекарь показывал Динке выбранные книги и предлагал взять какие-нибудь из них.

— Думаешь, она может быть контрабандистом? — тихо спросила я у Тима.

— Что?! Динка? Нет, конечно.

— А что? В тихом омуте черти водятся.

— Ну да, Динка — глава эльского мафиозного клана и вообще поступила в институт, чтобы толкать студентам лунную травку и скупать у контрабандистов драконьи яйца.

Тим фыркнул так громко, что Берек недовольно обернулся в нашу сторону.

— Откуда у тебя такие мысли? — помолчав, спросил Тим.

— Кто-то побывал в моей комнате, когда нас не было. И в это же время вернулась Динка. Очень удачное совпадение. А я по дороге спросила у Лероя — никто из преподавателей в общежитие не заходил. Значит, это был кто-то из своих.

— Преподам не составит труда проникнуть и не через проходную, — возразил Тим. — Откуда ты вообще знаешь, что в твоей комнате кто-то был?

— От меловых рисунков.

Я рассказала Тиму про пантомимы и объяснила, почему это не мог быть случайный посетитель, а приходили именно за Бураном.

— Все равно я не верю, что это Динка. Хотя тебе лучше знать — ты с ней общаешься.

Да уж, общаюсь. У нас с Динкой мало общего, и разговариваем мы, в основном, потому, что она дружит с Тиффани, а с Тифф я живу вместе с первых дней учебы. С Ким и Динкой мы съехались в один блок только в этом году, когда нас, как и положено второкурсникам, переселяли на третий этаж. И все мое общение с Динкой состоит из обмена парочкой реплик, когда мы сталкиваемся в блоке. Но даже по тому небольшому опыту знакомства с ней я действительно не могу поверить, что она могла бы заниматься контрабандой.

— Пожалуй, ты прав, Тим, — признала я. — Человек, который из-за своей стеснительности не может добиться внимания от другого уже второй год, вряд ли способен

заниматься скупкой контрабанды.

— Если только, — поднял палец Тим, — это не часть ее прикрытия, и на самом деле она совсем не скромняга, а только притворяется.

— Все, перестань, а то у меня тоже паранойя начнется. — Я легонько толкнула Тима в бок.

Динка тем временем поблагодарила Берека за литературу, подхватила стопку из пяти книг и ушла. Глядя на самоотверженность, с которой Динка в каникулы таскается в библиотеку, вместо того чтобы уплетать дома мамин борщ или путешествовать по стране, я поняла, что ни на кого другого она Берека не променяет, и моя ставка никогда не будет выиграна.

— Эх, плакали мои четыре серебряные монетки. — Я обреченно представила, как отдаю кровные денежки. Надо отложить их, пока есть, а то потом, как обычно, не будет.

— Шесть, — поправил Тим, строча на карточке.

— Как это шесть?! — встрепенулась я. — Было же четыре!

— Цены-то растут, — лаконично отозвался он. Может, отношениями сокурсников он и не интересовался, но о ценах и инфляции подозрительно осведомлен.

Я приросла к стулу. Перед моим внутренним взором открылись мрачные перспективы: если на первом курсе моя ставка составляла четыре монеты, то к седьмому она увеличится... да дракон его знает, насколько!

— Ким мне все уши прожужжала, что ей теперь придется платить десять монет, — добавил Тим. Его сестра сделала ту же ставку, что и я.

Я простонала, представив, сколько мне придется платить на седьмом курсе тем, кто окажется прав. Не знаю, как все сложится к тому времени, но Динка уж точно к другому не уйдет. Я буду платить в любом случае. Если только...

Если только кто-то не вмешается в дело с коварным, хитроумным и просто гениальным планом!

Берек не мог сделать мне иного одолжения, кроме как отлучиться в нужный момент.

— Я вернусь через полчаса, — предупредил он. — Схожу в столовую. Можете тоже пообедать, когда я вернусь.

Я нетерпеливо дождалась, пока он выйдет.

— Тим, мне надо ненадолго отойти!

Я бросилась к каталогу и просмотрела карточки на букву «Л», ища какие-нибудь книги с любовными заклинаниями. На первом курсе мы договорились, что не будем влиять на взаимоотношения Динки и Берека, чтобы не настроить их в свою пользу, и если я вмешаюсь, это отменит все ставки, и никому не придется платить!

Да и потом — разве не интересно опробовать себя в роли амура, сводящего вместе два любящих сердца?

Тим, если и догадался о моих намерениях, на этот раз промолчал и не стал меня останавливать.

Однако книг и свитков с любовными заклинаниями в библиотеке не оказалось. Вообще. По крайней мере, по каталогу я ничего не нашла, а у Берека, конечно, спрашивать не буду. Наверняка все книги изъяли, чтобы такие нерадивые студенты, как я, не швырялись любовными заклинаниями направо-налево.

Я мстительно переставила местами карточки из разных ящиков каталога и вернулась к Тиму. На книжные знания рассчитывать не приходилось, но на то и существует студенческая

изворотливость, чтобы узнавать то, чего нет в библиотеке.

Тем же вечером Берек застал меня за изготовлением бумажного лебедя.

— Что это? Решила заняться оригами? — спросил он, входя в комнату и глядя на бумажку, которую я все еще держала в руке.

— Да, вроде того.

Я разочарованно швырнула изделие на свой стол и закрыла за библиотекарем дверь. Зимний Буран, совсем как кот, бросился за бумажкой и начал гонять ее лапами, пока не спихнул со стола, и тогда нырнул за ней на пол. Я даже не стала ее отнимать — все равно наглая бумажка не поддалась на мои уговоры стать лебедем и свернулась каким-то увечным голубем.

Берек опасливо поглядел на играющего дракончика и поинтересовался, как у него дела.

— Все нормально, — ответила я. — Спит, ест, играет. Только стал скучать по улице, после того как я взяла его в город...

— Что-о?! Куда ты его взяла? — охнул Берек. — Ты с ума сошла?

— Оставлять его здесь было еще опаснее! Кто-то приходил за ним, пока меня не было...

Берек поднял ладони, прекращая разговор.

— Нет! Не хочу знать! Не говори мне ничего про дракона и контрабандистов. Я просто помогу тебе с обоями, как и обещал, больше ни во что меня не впутывай.

Я цыкнула и достала купленные обои. Мы отрезали кусок, достаточный, чтобы закрыть подпалину, обмазали тыльную сторону одолженным у завхоза клеем и пришили к стене. Берек поколдовал над обоями, скопировал оттенок и прошелся по швам, приглаживая их к стене.

— Ого! — воскликнула я, когда он закончил. — Совсем как было, даже я не найду, где новые обои, а где старые.

Берек снисходительно хмыкнул.

— Ладно, увидимся завтра в библиотеке.

— Может, на чай останешься? — предложила я и закинула удочку: — Динку позовем, она в соседней комнате живет.

— Поздно уже, — махнул он рукой.

Я еще попыталась его уговорить, но он отвязался на меня и слинял. Нет, Динка ему явно не нравится, иначе бы он согласился остаться. Хотя, возможно, я уже в печенках у него сижу, и это со мной он не хочет чай гонять...

В любом случае, заклинание — последнее средство. Если Берек влюбится Динку, то тут же пригласит ее на свидание, увидит, какая она замечательная и все такое. А когда эффект пройдет, он уже будет очарован самым естественным образом. Надеюсь.

Я вернулась к столу и настрочила новое послание, гласившее, что мне нужно заклинание или рецепт зелья для того, чтобы влюбить Динку в Берека, ибо сил моих больше нет смотреть на это безобразие. Вначале я не хотела указывать имена, но Кристоф, хоть он и немного раздражает, к делу все же подходит ответственно. Уверена, он подберет что-то подходящее именно этому случаю. Да и ставку он, вроде, не делал, так что ему до моих хитростей дела нет.

Закончив послание припиской: «Оплата бонусами» — я постаралась сложить лебедя, и на этот раз вышло не так плохо. По крайней мере, если знать, что это должно быть лебедем, то вполне можно разглядеть его черты.

Удовлетворившись, я оставила лебедя перед дверью блока, где жил Кристоф, постучала и вернулась к себе, не дожидаясь, пока откроют. Если уж ему так хочется играть в шпионов — на здоровье.

Ответ я получила на следующий же день.

Вернувшись днем из библиотеки, где мы без устали приклеивали к форзацам кармашки и вкладывали туда карточки, я обнаружила просунутый под мою дверь листок бумаги. Зимний Буран слегка измочалил его, покатав по комнате, и погрыз уголок.

— Буран, не грызи мои записки, — строго попросила я.

К счастью, квадратная бумажка — не самая удобная игрушка, и дракон ее бросил. Текст был вполне читаем: «Сегодня, 16.30, холл на шестом этаже первого корпуса. Приходи одна и не опаздывай».

Нет, ну он издевается!

На шестой этаж вообще никто не поднимался — надо полагать, из-за количества ступенек, которые необходимо преодолеть. Чем выше поднимаешься, тем меньше концентрация народа. Основная масса всегда толклась на первом этаже — там, где мягкие диванчики, буфет и коридор, ведущий к столовой. За кабинеты на этажах с первого по четвертый каждый год шла борьба — кто на каком будет заниматься, желательно пониже. Пятый этаж был то ли проклят, то ли занят некромантами (а может, это одно и то же), но туда мы не ходили. Шестой этаж пустовал — если не хватало места для занятий, все предпочитали дойти до другого корпуса или заниматься на открытом воздухе, чем подниматься наверх. Любимой угрозой преподавателей была фраза: «В следующий раз пойдем заниматься на шестой этаж» — но до сих пор ее никто не осуществлял.

Вообще-то, снаружи видно, что в нашем корпусе всего семь этажей, но изнутри на седьмой этаж лестницы нет — я сама на первом курсе не поленилась проверить, но с тех пор ни разу не повторяла этот подвиг. Старшекурсники утверждают, что вход на седьмой этаж есть только снаружи, и там в конце года проводится сдача дипломов, а заодно проверяется умение самолевитировать или отыскивать телепорационные искривления. Если это правда, с моими способностями проще будет освоить альпинизм.

Есть еще одна теория, от ленивой студентоты, — что основателям института хватило финансов только на шесть этажей, но очень хотелось иметь счастливое количество оных, и сверху попросту наваяли иллюзию. Правда, непонятно, кому оно надо — постоянно подпитывать эту иллюзию энергией.

Мне больше нравилась третья версия: вход на седьмой этаж спрятан где-то в здании, и счастливчик, который этот вход найдет, обнаружит на таинственном этаже несметные сокровища и диплом без защиты. Это совсем уж сказка, но помечтать ведь не вредно.

Как бы то ни было, мне пришлось тащиться через общежитие и коридор, потом подниматься по опустевшему корпусу наверх. Миновав угрюмый пятый этаж, я добралась до шестого и перевела дух. Надо бы вправить Кристофу мозги, чтобы не смел больше забивать стрелки так высоко. Если ему хотелось приватности, в каникулы весь институт в его распоряжении.

Я подошла к окну в холле — отсюда открывался прекрасный вид на парк, другие корпуса института и конюшню. Студенты, решившие погонять мяч в парке, отсюда казались совсем крошечными, а птицы носились прямо перед окнами.

— Ваш товар, — произнес вкрадчивый голос рядом со мной.

Я обернулась и увидела, что рядом со мной к подоконнику прислонился Кристоф. Я и не заметила, как он подошел. Член кротовьей сети пытался дышать ровно, но я видела, что он слегка запыхался — небось, сам не рад, что пришлось подниматься наверх. Я решила не пенять ему за это.

Кристоф надел темные солнцезащитные очки и намеренно глядел в другую сторону, приняв позу крутого парня. На подоконник он положил свернутый лист пергамента.

— А без пафоса никак? — буркнула я, разворачивая лист. На нем я обнаружила рецепт приворотного зелья. Оно действовало на глаза и нейтрализовывалось любыми масками и стеклом. Зелье вызывало «чувство любви с первого взгляда», а эффект выветривался через два дня.

— Идеально! — воскликнула я.

Динка как раз носит очки, и в нее никто случайно не влюбится, пока она их не снимет. Зелье в самый раз для нее. За это можно и простить Кристофу излишний выпендраж.

— Я знаю, — сообщил Кристоф. — Я снял с тебя пятнадцать бонусов. А пергамент потом верни. Ладно, покедова.

Повернувшись ко мне лицом, он задом попятился к лестнице и предупредил:

— Ты меня не видела и ничего не получала. Не следуй за мной, выжди пять минут и иди по другой лестнице.

Запнувшись на пороге, он повернулся и уже нормальным ходом засеменял вниз. Я опять закатила глаза. Но мне не хотелось еще раз преодолевать это адское испытание в виде бесконечного числа ступенек, так что я решила оказать Кристофу милость и выждать требуемые пять минут и даже дольше. Я вытянула ноги на подоконнике и подставила пергамент лучам заходящего солнца.

Так-с, что нам тут требуется? Две капли свежей утренней росы, чайная ложка кумыса, перо купидона... Рядом с последним стояла приписка: «Применяется только в любовных заклинаниях, на складе не найти». Можно снова обратиться к Кристофу, вот только я лучше не буду тратить свои бонусы, когда можно сходить в лес и нащипать перышки собственными руками. Придется, конечно, побегать.

Дальше по списку — третий глаз жабыша. Эти странные лягушкообразные существа теряют свой третий глаз на исходе жизни, и я не знаю, какое они имеют отношение к любовным заклинаниям. Но точно помню, что где-то читала надпись «Третьи глаза жабышей»... Я пощелкала пальцами, обдумывая эту мысль. Надпись была сделана от руки, синей ручкой, на этикетке, а этикетка была прилеплена к банке... банка... Точно, вспомнила! Я видела ее в медпункте, когда имела несчастье помогать медсестре Лечкинс.

Так, еще потребуется лепесток чайной розы и капля амарантового масла. И, конечно же, универсальный магический растворитель (№ 1, для простых жидкостей). Он превращал все компоненты в однородную жидкость — вы же не хотите, чтобы в вашем растворе плавали волосы или глаза, особенно если его нужно принять внутрь, правда?

Я вздохнула, представив, сколько всего нужно будет сделать. Надеюсь, что все необходимое я найду на складе, открытом для пользования студентов. Но придется достать перо, собрать росу и замешивать потом все в нужных пропорциях... И почему мне не живется спокойно? Я обдумала этот вопрос со всех сторон и громко фыркнула. Нет уж, мирное времяпровождение — не наша тема.

Чтобы собрать росу, мне пришлось встать очень рано. Я одолжила будильник Тиффани,

который не прекращал звонить, пока владелец не поднимется и не отключит его. При этом звенел он все громче и громче с каждой минутой. В итоге, если не проснешься от будильника, то тебя непременно разбудят недовольные соседи по общежитию.

Меня как раз поднял такой недовольный сосед: он потоптался по лицу чешуйчатыми лапками и, когда я выключила будильник, довольно улегся на освободившуюся подушку и снова задремал.

Я с завистью посмотрела на его довольную морду и подумала, не послать ли к феям мой дурацкий план. Но я справилась с минутной слабостью и побрела на мертвецки пустую кухню за бодрящим напитком из трав. Пока грелась вода, я стояла рядом, пошатываясь и чувствуя, как закрываются глаза. На кухню заглянула Динка. От удивления у меня глаза распахнулись.

— Ты чего не спишь в такую рань? — с завистливым отчаянием спросила я.

— Всего лишь полвосьмого, — пожалала плечами Динка. — Я всегда встаю в это время. А ты?

— Я... на пробежку, — вздохнула я.

Побросав в кружку травы, я залила их кипятком, но даже они оказались не в силах поднять мне настроение в раннее утро на каникулах. Само осознание того, что я сейчас могла бы спать, одновременно терзало меня и в то же время вызывало чувство некоторого восхищения собственной стойкостью.

Вернувшись в комнату, я вооружилась капелюхой — этакой волшебной пипеткой, которая долго сохраняет свойства жидкостей — и вышла из здания общежития. На меня тут же накинута утренний холод и облепил со всех сторон, как колючий надоедливый репей. Засунув руки подмышки, я потрусилась к ближайшему пятну травы. Пришлось ползать на карачках, пока не отыскались злосчастные капли росы — на всякий случай, больше, чем две, и потом я бросилась обратно в общагу. В следующем году, когда я буду выбирать магическую специальность, ни за что не возьму стану травником. Разглядывать цветочки да листочки в любое время дня и ночи, когда им вздумается цвести, — нет уж, спасибо.

В общежитии было тепло и уютно, но я все же решила продолжить свой нелегкий труд и поймать купидона, пока на улицу не повалил народ. Девушки взяли в моду бегать по утрам, да и некоторые парни тоже. А потом вообще все общежитие вылезет наружу погулять в парке или погонять мяч. Не хотелось, чтобы кто-то увязался за мной в лес и наблюдал, как я гоняюсь за купидонами.

Я оставила капелюху в ящике стола, утеплилась и вышла на охоту. Купидоны Эльса — это не пухлые младенцы с крылышками. Здесь так называют глупых нелетающих птиц, похожих на розовых дронтов, как будто их скрестили с фламинго. Купидоны становятся активными (я бы даже сказала, буйными) в начале весны, и все живое, что пробегает мимо, заряжается их любвеобильностью, поэтому их выселили с территории школы в ближайший лесок и строго следят, чтобы в марте они сюда не забегали. Сейчас купидоны неактивны, и можно без опаски к ним приближаться.

Пропилив по мокрой траве около получаса, я добралась до лесочка, где жили купидоны. Может, они с утра еще более сонные, чем я, и их легко будет поймать?

Заметить розовую птицу в сером зимнем лесу — дело несложное, и вскоре я набрела на одну из них. Она мирно почивала в ямке на земле, и я стала осторожно подкрадываться. Но купидон оказался более чутким, чем я думала, и открыл единственный видный мне глаз. Я замерла. Купидон смотрел на меня, я смотрела на него, и каждый выжидал, что сделает

другой. Я попыталась притвориться елкой, но вредную птицу это не обмануло, и она не желала закрывать глаза. Немая сцена продолжалась несколько минут, но, в конце концов, мне это надоело. Я бросилась на птицу, а та с куриным кудахтаньем бросилась прочь.

Я затормозила у ямки, но купидон так просто не терял свои перья, и мне пришлось броситься в погоню. Глупая птица побежала туда, где спали ее сородичи, и разбудила их своими криками. Каждый встреченный купидон присоединялся к спасающимся бегством товарищам, и вскоре я гонялась за целой стаей орущих розовых куриц. Вот уж развлечение ранним утром!

Впрочем, птицы, похоже, и правда сочли это за развлечение. Поняв, что догнать я их все равно не могу, они начали останавливаться и выжидающе смотреть на меня, но стоило мне подбежать поближе, как они бросались прочь. Наконец, мне пришлось использовать супергеройский прием — в погоне за одним из купидонов я со всей силы оттолкнулась и прыгнула на него. Птица такой подлости не ожидала и убежать не успела — я схватила ее за хвост. Та рванула вперед, и в моей руке осталось несколько перьев.

Я вскочила и победно вскинула перья над головой. Одно использую, остальные сдам в кротовью сеть. И пусть локоть болит, одежда испачкана, а утро потрачено на погоню за какими-то курицами, труды не пропадут даром. Я поплелась в общежитие, и купидоны жалобно кудахтали мне вслед. Я обернулась, и они радостно запрыгали, приглашая еще побегать, — даже тот, с общипанным хвостом. Он принял свое поражение весьма достойно для птицы. А может, уже забыл о нем.

— Гоняйтесь друг за другом, — развела я руками и пошла прочь.

Да уж, не хватало еще, чтобы за мной увязалась целая стая розовых купидонов. Буду ходить по территории университета в окружении кудахчущих фанатов. А то и в общежитие притащу — у меня ведь там мало непрошенных гостей живет. Но к счастью, птицам понравилось мое предложение гоняться друг за другом, и купидон с общипанным хвостом принялся носиться за остальными — видимо, его негласно признали вóдой. Здорово, я научила розовых куриц играть в салочки. Жизнь прожита не зря.

Вернувшись в комнату, я положила капелюху и перья в ящик стола, подальше от Зимнего Бурана, почесала крылатого ящера, и, позавтракав, отправилась на конюшню. Вчера мы расправились с книгами, и мне больше не нужно было помогать в библиотеке, зато очень хотелось поведать Плюша.

В коридоре я встретила поджидающего меня Тима.

— Куда ты сегодня? — спросил он.

— На конюшню, а ты?

— В медпункт, — с некоторой гордостью ответил он. — Успел вчера записаться.

— Чему ты так радуешься? — фыркнула я.

— Как чему? Халявной работе. Чего там в медпункте особо делать? Ну, заполню какие-нибудь документы до обеда, а потом — свобода.

— А ты когда-нибудь встречался с медсестрой Лечкинс? — с усмешкой поинтересовалась я.

— Нет... А что?

— Да так.

Я неопределенно пожала плечами и не стала пояснять свои слова. Придет в медпункт и сам все увидит.

— А ты придешь на завтрашний матч? — спросил Тим.

— Какой матч?

— Ты что, не видела? Еще вчера повесили.

Мы как раз спустились на первый этаж, и Тим потащил меня к доске объявлений. Я увидела большой плакат, сообщавший, что «Завтра! в 16.00! состоится! футбольный матч! между командами! студентов! и! преподавателей!»

— Как это преподавателей раскрутили на футбольный матч? — удивилась я.

Тим скромно пожал плечами.

— Мы с Кристофом вчера ходили в хоромы и уговорили их.

— Ну, вы смелые. — А Кристоф еще и пронира, везде и всюду успевает. — На Гира не наткнулись?

— Наткнулись, — вздохнул Тим и постучал по бумажке рядом с плакатом.

На бумажке значилось напоминание, что к новому учебному семестру всем необходимо прибрать комнаты и коридоры. Возможны проверки.

— Гир велел нам передать всем и каждому лично, что нужно прибраться в общежитии, — пояснил Тим. — Так что сообщаю: прибирайся.

— Спасибо, — фыркнула я. Главное, не оказаться дежурной, когда придет комендантша с проверкой.

Я перевела взгляд на сообщение о матче.

— А кто этот плакат рисовал? — поморщилась я. — Так аккуратно, но с восклицательными знаками явный перебор.

— Семикурсницы.

— Какие-то очень эмоциональные семикурсницы... А ты участвуешь?

Тим весело кивнул.

— Посмотрим, конечно, сколько преподавателей наберется, и тогда возьмем столько же студентов. Ты не хочешь присоединиться, если место будет?

— Только в случае крайней нужды, — отозвалась я. — Считаю, что я на скамейке запасных запасных.

— Ладно, запасная запасная, — усмехнулся Тим.

Мы вышли на улицу, и на Тима тут же налетел его сосед по блоку.

— Друг, выручай, я забыл пропуск, Филимон меня на улицу выгнал, а тут холодно, как у черта в... — Он покосился в мою сторону и прикусил язык. — В общем, сбегай за моим пропуском, а?

— Ладно... — Тим отлепил от себя пышущего благодарностями друга и кивнул мне: — Увидимся.

Он скрылся в общежитии, а я отправилась на конюшню. Тео Хеиван куда-то отлучился, оставив дверь открытой, и я сразу же пошла навестить медведя.

— Привет, Плюш, — бодро поздоровалась я, подойдя к стойлу

Медведь с низким урчанием поднялся с пола и встал, прислонившись передними лапами к дверце. Честно скажу, сердце мое в этот момент ухнуло — так близко оказалась морда хищника. Ему ничего не стоило перелезть через стойло или сбить лапой хлипкую щеколду. Я почувствовала его горячее дыхание на щеке, но Плюш только лизнул меня и довольно зарычал.

Тогда я без страха потрепала его пушистую морду, ладони утопали в мехе.

— Кто хороший мальчик? — Я не удержалась от сюсюканья, но покладистый медведь

не возражал. Ему даже понравилось. — Кто такой пушистый? Кто такой мягкий?

Плюш заурчал, видимо, отвечая, что это он хороший, пушистый и мягкий. Я так увлеклась, что даже не заметила, как подошел Хеиван.

— Вижу, вы отлично ладите, — заметил он. — На отработку пришла?

— Угу.

— Ну, тогда отлипни от медведя и помоги почистить стойла.

Я со вздохом поплелась за Хеиваном и, вооружившись перчатками и лопатой, приступом взяла одно из стойл. Все лошадки паслись снаружи, только Плюш поглядывал на нас, да лошалопа горделиво смотрела в окошко.

— Как Плюш поживает? — спросила я.

— Он-то хорошо поживает. А вот лошади его до сих пор опасаются. Да и студенты ходят... — Хеиван откашлялся, — на медведя посмотреть.

— Ну да, понятное дело. — Я отвернулась, спрятав улыбку. Ой, на медведя ли студентки смотреть ходили?

Бестиолог работал в стойле напротив, и недюжие мускулы напрягались при каждом взмахе лопатой. Он за раз подцеплял огромную гору старых опилок с притаившимися в них кругляшами и отправлял это все в тачку. Я же медленно наполняла выданное мне ведро. Когда оно, наконец, заполнилось, я вывалила содержимое в тачку, и Хеиван укатил ее из конюшни.

— А вы участвуете в завтрашнем матче? — спросила я, когда он вернулся.

— Конечно, — бодро отозвался он, его бас раскатисто прокатился под сводами. — Я вас, мальков, одной левой сделаю.

— Это мы еще посмотрим! — весело отозвалась я.

— А ты что, тоже играешь?

— Я поддерживаю, — ответила я таким тоном, словно это решало все дело, и Хеиван рассмеялся.

— Ну, у нас такой поддержки не будет, — признал он, — но мы вас и без того победим. Не доросли еще с преподавателями состязаться.

— Так то по магии, а тут футбол. Мы молодые и энергичные.

— Ты давай, лопатой энергичнее махай, — хмыкнул он.

Футбольный матч с преподавателями — дело волнующее, я даже оживилась, но меня ждали и другие заботы. Необходимо было завершить начатое дело, и тем же днем, закончив работу в конюшне и переодевшись в чистое, я наведальась на склад. Он располагался во втором корпусе в виде пристройки, и войти туда можно изнутри и снаружи. Я воспользовалась входом с улицы.

Склад охранял еще один дух — их редко удается поймать и приручить, зато охраняют они лучше заклинаний, поскольку обладают каким-никаким разумом. Дух на складе пропустил меня внутрь, и я обошла длинные полки в поисках нужных компонентов зелья. Нашла корзинку с лепестками чайной розы, маленький пузырек амарантового масла и кумыс — последний слегка подпортился для употребления, но бутылка сохраняла его магические свойства. Универсальные растворители можно будет найти в лаборатории. Осталось только найти глаза жабышей. Я обшарила полки, где они должны были лежать, следуя алфавиту, но ничего не нашла и спросила у духа.

Мне ответила деревянная маска, висящая над дверью в корпус. Эта маска была не очень симпатичной, но все же лучше, чем железное лицо на воротах.

— Кончились. Завезут в начале семестра, тогда и заходи, — сказал дух, более общительный, чем его собрат.

— Мне сейчас надо, — буркнула я.

Иного выхода у меня не оставалось — придется позаимствовать глаз у медсестры Лечкинс. Из банки, конечно, а не ее собственный.

Я не стала ничего брать на случай провала миссии и засемила к общежитию. По дороге я встретила Тима, шедшего поразмяться на поле. Выглядел он ужасно недовольным.

— Ну, как отработка в медпункте? — хихикнула я.

Зря я это спросила — Тим тут же набросился на меня и принялся мстительно щекотать. Я отбивалась, как могла, но не очень усердно.

— Весело тебе, да? Могла бы и предупредить насчет этой медсестры.

— Так ты же уже записался, поздно было отказываться, — сквозь смех оправдалась я.

Наконец, он отпустил меня, и я вытерла выступившие слезы. Тиму тоже полегчало, и он едва сдерживал улыбку. Мы пошли по утоптанной дорожке до спортивного поля. Солнце уже перевалило за середину горизонта, небо сияло чистотой, и сегодня дождь не угрожал. Даже ветер утих.

— Я заполнял документацию и разбирал какие-то старые карточки, — пожаловался Тим. — И все бы ничего, но она работала та-ак ме-едленно, — он передразнил ее манеру речи, — и все пыталась найти, что еще мне поручить. Я большую часть дня сидел и ждал, пока она приду-умаает, что еще ей надо сделать, но неохота и можно спихнуть на студентов.

Я рассмеялась, вспомнив свой опыт работы в медпункте.

— Я так полагаю, что ты к ней больше не пойдешь?

— Ни за какие коврижки.

Я тихо вздохнула. Тим мог бы достать мне глаз жабыша, но теперь уже поздно просить.

— А Лечкинс еще в медпункте?

— Да, у нее рабочий день до пяти. Ты не заболела?

— Нет, все хорошо.

Я не стала пояснять причины моего интереса и распрощалась с другом. Мы как раз дошли до поля, где уже бегали парни и морозили попы девчонки, и Тим присоединился к компании, а я быстрым шагом вернулась к общежитию. Направилась было по коридору в учебный корпус, но застыла на полдороге.

Что, если я попрошу взаймы один глаз, а Лечкинс не даст его? Мне придется одолжить его иным способом, и если пропажа обнаружится, тотчас подумают на меня. Не лучше ли сразу умыкнуть глаз? Воровством это считать нельзя, сказала я себе, ведь по прибытии новой партии глаз Лечкинс сможет взять себе, сколько нужно, а мне до начала семестра ждать нельзя. Во-первых, руки чешутся. А во-вторых, сейчас в институте почти никого нет, и мне никто не помешает. А потом буду сотни возможных свидетелей, включая учителей.

Я нерешительно потопталась на месте, обдумывая план действий. Заимствовать глаз жабыша нужно сейчас, пока медсестра не ушла и кабинет открыт. Естественно, ее нужно оттуда выманить. Может, запустить в кабинет дракона? То-то у нее глаза на лоб полезут, миглом оттуда выскочит. Но нет, Бурана нельзя подвергать такому риску.

Зато можно кое-кого другого.

Я развернулась на месте и побежала в общежитие.

— Ну что, вы готовы? — спросила я.

Меловые каракульки воинственно запрыгали. Именно их неоценимая помощь требовалась мне в этом нелегком деле.

— Ну, давайте, — кивнула я и бросилась в дверной проем рядом с медпунктом.

Здесь находилась боковая лестница на второй этаж. Выглянув из-за косяка, я убедилась, что все каракули пролезли под дверь медпункта. Первым внутрь юркнул Вася, назначенный командиром. Затем один за другим под дверью исчезли солнышко, зайчик и домик. Тогда я нырнула под лестницу и затаилась.

Спустя несколько мгновений по коридору разнесся визг, затем цоканье каблучков, удалившееся в сторону общежития. Я выскочила из убежища и метнулась к кабинету. Лечкинс в спешке оставила дверь приоткрытой, и я ужом проскользнула внутрь. Вынула из банки на полке глаз жабыша, завернула в платок и сунула в карман. Вокруг меня столпились маленькие помощники, и я присела, распахнув курточку. Каракули запрыгнули на подкладку, и я выскользнула в коридор. Идти в сторону общежития было чревато, раз уж Лечкинс убежала туда — за помощью к Лерою, наверное. Поэтому я бодрой рысью двинулась в другую сторону, в библиотеку.

— Привет, Берек, — весело поздоровалась я.

— Только не опять, — простонал он, подняв глаза от бумаг.

— Мне от тебя ничего не надо, — успокоила я.

— А, тогда и тебе привет. Когда ты мне книги вернешь?

Тц, я и забыла совсем. Книги уже были прочитаны и, забытые, лежали в столе.

— Занесу на днях, — пообещала я, делая мысленную пометку.

Берек резко переместил взгляд на пол под моими ногами и нахмурился.

— Что это у тебя там?

— Где? — Я посмотрела вниз и увидела, что за моей ногой прячется меловой зайчик, выпавший с подкладки. Я попыталась прикрыть его второй ногой, но было поздно.

— Это нарисованный мелом заяц? Ты что, нашла ту доску?

— Ты знаешь про доску? — Я вскинула брови.

Вдруг на лице Берека мелькнуло такое непередаваемое выражение, по которому я сразу догадалась, что он не просто знает.

— Ты! — обрадованно воскликнула я. — Это ты зачаровал доску! Как ты это сделал?

Берек поморщился.

— Чтобы ты повторила мой подвиг и потом эту доску не могли несколько лет расколдовать? Нет уж.

— Что, ни один из преподавателей не может? — восхитилась я.

— Нечего на меня так глазеть, восхищаться здесь нечем. Я ведь не специально, просто все потоки между собой так перепутал и затянул, что учителя плюнули и оставили доску. Магия сама со временем ослабеет, и кто-нибудь разберется в переплетениях. Где ты нашла эту доску?

Я рассказала про комнату, где прибиралась в качестве отработки.

— Наверное, доску туда перевесили и с тех пор не трогали... А приписки «не рисовать» там, случайно, не было? — Берек подозрительно сощурился.

— Ну, была... — призналась я.

Берек только покачал головой.

— А ты зачем, собственно, пришла?

— Да так... Дай, думаю, найду, книги присмотрю.

— Ну, смотри, — фыркнул Берек.

Я подобрала зайку и сунула его под курточку. По винтовой лесенке поднялась на второй этаж библиотеки и прошла мимо рядов книг. Углубившись в проход между шкафами, вынула платочек и проверила глаз жабыша. Не знаю, в каких его нужно хранить условиях, так что зелье стоит приготовить сегодня.

Побродив мимо книжных стеллажей около пятнадцати минут, я решила, что Лечкинс уже успокоилась, и можно покидать свое убежище.

Когда я проходила мимо вахты, Лерой остановил меня.

— Рита, твоих рук дело?

— Что именно? — Я похлопала глазами.

— Медсестра недавно прибежала с безумными глазами и сказала, что ее атакуют какие-то домики и зайчики. Не твое ли колдовство? — Лерой потер подбородок, спокойно глядя на меня.

— Домики и зайчики? Я думаю, кому-то на рабочем месте кошмары снятся. А я вообще к Береку в библиотеку ходила.

— Ну, ладно. — Лерой хитро сверкнул глазами и вернулся к чтению книги.

Вот честное слово, наш вахтер более лоялен к выходкам юности, чем любой из преподавателей.

Не теряя времени, я захватила из общежития перья и капелюху с росой, оставила там каракули и вернулась на склад. Там собрала в коробку все необходимые компоненты, расписалась за них в журнале и через внутреннюю дверь пошла в единственную открытую лабораторию, нагло подперев дверь изнутри. Многим семикурсникам требуется место для тренировки или экспериментов с зельями, но как-нибудь переживут полчаса.

Большая лаборатория была оборудована несколькими длинными столами, различными колбами и мензурками, а также печкой. Я разожгла в ней огонь, выложила на стол ингредиенты и сверилась с пергаментом. Так, добавить в маленький котелок чайную ложку кумыса. Перо не менее 5 см в длину мелко порезать ножницами. Чего мелочиться? Положим два пера, вернее эффект. Потом добавим третий глаз жабыша, капнем утреннюю росу, бросим лепесток чайной розы. Помешаем на огне, подождем... ой, кипит.

Надев прихватки, я сняла с огня котелок с бурлящей жидкостью и бросила его на подставку на столе. От зелья разлился приятный сладкий аромат. Подождав, пока остынет, я капнула амарантового масла и налила одну крышку универсального магического растворителя № 1, чуть не перепутав его с универсальным магическим растворителем № 3 (получила бы желе на свою голову).

В дверь постучали, и я огрызнулась:

— Занято!

— Это не уборная, а общественная лабораторная, — ворчливо ответили с той стороны.

— На данный момент она частная, — отозвалась я. Неизвестный поцыкал и затих, но, кажется, никуда не ушел.

Зелье слилось в однородную жидкость, и я слила его в небольшой тубик. Вымыла за собой котелок, прихватила свою коробку с оставшимися ингредиентами и разблокировала дверь. Вздрыгнула, наткнувшись на осуждающий взгляд Лопатыча.

— Что ты тут делаешь? — Я пошла в атаку, не дожидаясь обвинений.

— Пришел поработать над новым удобрением для растений, — проворчал он. — Вот только лаборатория, открытая для всех — подчеркиваю, всех — студентов почему-то

закрыта для личного пользования.

Ну и ворчун, а.

— У меня задание особой важности, — пискнула я и учесала прочь.

Вернув неиспользованные остатки на склад, я поскакала в свою комнату. Зелье готово. Осталась самая трудная часть — заставить Динку закапать его в глаза. Солнце еще не село, Берек по-прежнему в библиотеке, так не будем же откладывать дело.

— Динка, хочешь, я восстановлю твоё зрение? — с порога выдала я, без спроса заглянув в комнату. По дороге в общежитие моя головушка не выдала ничего лучше, пришлось пользоваться этой идеей.

Динка читала книгу, полулежа в кровати, и подняла голову при моем появлении.

— Мм... а что это у тебя такое? — опасливо поинтересовалась она.

— Зелье, собственноручного изготовления. — Я продемонстрировала тюбик с длинным кончиком. — Знаешь, предметы ручного труда очень ценятся.

— Любое зелье — ручной труд. Здесь больше ценится мастерство, — слабо возразила Динка. — Я, пожалуй, откажусь, но спасибо за предложение...

Э, нет, так у нас ничего не выйдет. Динка не дура, очень даже не дура, ее под каким предлогом не уговорить воспользоваться моим зельем. И я решила просто надавить на нее. Динка спорить не умела, и мне стоило только основательно на нее насесть — а это мой конек. Если бы еще совесть позволяла зарабатывать деньги на том, чтобы уговаривать людей, я бы давно подалась в маркетинг или стала коммивояжером. Я слышала, что последние даже в Эльсе есть.

В общем, я просто прижала Динку к кровати — против такого аргумента не попрешь.

— Погоди... я не... может, не... — Динка потрепыхалась, но во мне силы больше, а рвение так и вовсе через край лезет, и, в конце концов, она сдалась и обреченно спросила: — А мне точно ничего не будет?

— Ничего-ничего, — пообещала я, сняв с нее очки и закапав зелье. — Либо твоё зрение придет в норму, либо ничего не будет.

Я тут же поспешно отвернулась, чтобы самой случайно не попасть под чары, и отпустила несчастную. Она огляделась вокруг, но зрение, разумеется, к ней не вернулось, и она снова надела очки.

— Не сработало, — сказала она, пододвигаясь подальше от меня в кровати.

— Да? Ну, бывает.

Я не спешила уходить. Оглядела комнату и без особого любопытства рассмотрела обложку книги, которую читала Динка до моего прихода. Какие-то записки натуралиста, исследующего жизнь таинственного народа леци и проводящего аналогии их обычаев со своей личной жизнью. Боже ж ты мой.

— Ты уже прочитала то, что брала в библиотеке?

— Одну книгу да, — кивнула Динка. Она явно хотела меня выпроводить, но я сделала вид, что ничего не замечаю. И когда она успела прочитать целую книгу?

— Совсем забыла, — как бы между прочим сказала я, — Берек просил тебя занести ему книги, как только прочтешь.

Конечно, он ничего не просил, но надо же как-то заманить Динку в библиотеку, пока действие зелья не прошло. Тут я спохватилась, что Динка может упомянуть цель визита, и поспешила исправиться:

— То есть, он не просил прямо... Просто упомянул, что хотел бы перечитать... В общем, раз уж ты что-то уже дочитала, сходи, отдай ему, он будет рад.

Динка, наверное, уже думает, что я сумасшедшая. Учитывая, что я приютила дракона, видела пьяного черта в костюме феи и гонялась за розовыми курицами, я и сама не уверена в собственной нормальности. Так что мне уже ничего не страшно.

— Ладно, схожу, — неуверенно отозвалась Динка. Она явно хотела навеститься в библиотеку, вот только подозревала, что я над ней подшучиваю.

— Пошли сейчас, мне как раз... надо сдать свои книги. Жди здесь.

Я сбегала в свою комнату и взяла книги про драконов. Буран приветственно заурчал, но я приложила палец к губам, и он притих.

Вернувшись к Динке, я буквально за руку потянула ее за собой. Она пыталась отнекиваться, но, в конце концов, сдалась. Наверняка она потом скажет Тиффани, какая я надоедливая — они же едва ли не лучшие подружки. Но это будет потом.

В библиотеке мы расстались, и Динка явно почувствовала облегчение. Ничего, она мне еще спасибо скажет, когда все пройдет успешно.

Динка направилась к Береку, а я, положив на стол свои книги, пошла к шкапам на первом ярусе под предлогом выбора книги. Вытащив наугад одну из них, я заняла выгодную позицию за одним из столов.

— Тебе понравилась книга? — спросил Берек, когда Динка протянула ему книжицу.

Динка смущенно закивала. Пора действовать. Я как раз припомнила парочку заклинаний на этот случай. Поднеся к губам книгу, так, чтобы их не было видно, прошептала нужные слова, не отводя взгляда от очков Динки. Стекла тут же запотели, и она удивленно сняла очки. Давай же, посмотри на Берека!

Есть! Берек предложил ей тряпочку, и Динка, подняв на него взгляд, приняла ее. Я ликовала целое мгновение, пока они смотрели друг на друга. Но вот Динка протерла стекла и водрузила очки на место, а Берек так и сидел, как истукан, за своим столом.

Ничего не понимаю. Я что, даже зелье по рецепту не могу сварить? Или одно перо было все-таки лишним? Или не надо было доводить до кипения? Как же я безнадежна.

Нет, надо попытаться еще раз. На этот раз я просто решила сбить с Динки очки волевой магией, помогая себе жестом. С третьего раза получилось, но я немного перестаралась — очки не просто съехали с носа, но прыгнули на пол в нескольких шагах от девушки.

Как и полагается в ситуации, когда все и так хуже некуда, мимо проходил кто-то еще. Это был Тим, неизвестно что забывший в библиотеке. Раздалось предсмертное «хрусть» — и очки почили с миром. Я прижала книгу к лицу, только бы не видеть результаты моего позора.

Услышала, как Тим извиняется, а Динка грустно уверяет его, что все нормально. Вдруг мой друг замолчал на полуслове, промямлив: «Динка, ты...». Я осторожно выглянула из-за книжки. Тим смотрел на нашу однокурсницу так, словно видел ее в первый раз.

— Прости за очки. Я куплю тебе новые, — сказал он и вдруг предложил: — Давай на выходных сходим в город? Выберешь сама. А потом... сходим куда-нибудь.

Приехали.

Тим приглашает Динку в город? Да он всегда считал ее заучкой, неспособной к искусству магии (так он называл свои эксперименты с заклинаниями и зельями, которые приходилось учить во время семестра). Конечно, я сама большой любитель поучаствовать в его творческих изысканиях, но за Динку он не раз ловил подзатыльники, потому что даже я

знаю, хоть мы почти не общаемся, — такого хорошего человека, как она, еще поискать, и ничего Тим в девушках не понимает. Но факт в том, что Динку он так внезапно полюбить не мог.

Вывод, конечно, только один — он посмотрел в ее глаза, и сработало мое зелье.

Вопрос в том, почему на Берека оно не подействовало. Может, у него иммунитет? Все-таки он уже окончил семь курсов и умеет побольше нашего. Но вряд ли он каждый день старательно защищается от любовных заговоров. Ничего не понимаю.

Динка не знала, что ответить Тиму — она сама его не любила. Наверняка считала лентяем и бездельником (не без причин, конечно). Они и считались-то друзьями только через длинную цепочку людей: Динка — Тиффани — я - Ким — Тим. Как видно, они находились с разных краев этой длинной линии знакомств.

Молчание оборвал, как ни странно, Берек.

— Динка занята, — сказал он. — Я собирался пригласить ее... помочь мне в библиотеке. Нужно проверить каталог перед новым семестром. Поможешь?

«Скажи «да», скажи «да», — мысленно просила я.

— Да, — радостно выдохнула Динка.

«Ура», — радостно выдохнула я.

Либо у меня проснулись способности к внушению, либо она сама преодолела робость. Какая разница? Главное, что все получилось!

— О, ладно, — расстроился Тим. — Может, в следующие выходные.

Динка неопределенно пожала плечами, и Тим, покрасневшись, вышел. Я постаралась незаметно выскользнуть следом, но запнулась на пороге о невидимую ногу. Обернувшись, встретила глазами с библиотекарем и поняла, что от его внимания не ускользнуло, как я наблюдала за сценой. Не знаю, насколько он догадался о моем участии в деле, но я в библиотеку не сунусь, пока они с Динкой не начнут официально встречаться.

Я шмыгнула в коридор и догнала Тима, усадив его на диванчик в холле.

— Не поверишь, что случилось, — рассеянно пробормотал он. — Я шел искать тебя, но тут вдруг...

— Влюбился в Динку, — пожала я плечами.

Он с удивлением на меня посмотрел. Потом заметил признаки вины на моем лице и сощурил глаза.

— Признавайся, что ты об этом знаешь.

Я подумывала скрыть свое деяние и поизмываться над Тимом ближайшие два дня, но решила не доводить до греха — чего доброго, он еще расстроит отношения Берека и Динки, над которыми я так трудилась. Поэтому я выложила Тиму все, что натворила.

Парень вдруг расхохотался.

— Ты чего? — Признаться, он меня сильно огорошил. — Чему ты так радуешься?

— Во-первых, я не влюблен в эту заучку по-настоящему. — Тим схлопотал от меня очередной подзатыльник, но даже это несколько не расстроило его. — А во-вторых, я получаю хорошую сумму за ставки.

— Не поняла. Ставки же отменены из-за моего вмешательства.

Тим коварно потер руки, как настоящий злодей.

— О, это только первый уровень ставок, для непосвященных, — снисходительно заметил он. — Я сделал секретную ставку — на то, что кто-то из студентов не выдержит и вмешается в происходящее. Плюс надбавка за то, что это кто-то с нашего курса, плюс

надбавка за использование магии.

У меня аж челюсть отвисла.

— Что еще за секретные ставки?! Это не по правилам!

Тим пожал плечами и ухмыльнулся.

— Просто об этой ставке не разглашали. Если бы ты догадалась, что такой вариант возможен, то могла бы поставить.

Я почувствовала себя обманутой. Конечно, если б я знала о таком варианте, я бы поставила на него... а потом попробовала свести Берека и Динку или подначить кого-нибудь свести их... Вот поэтому о ставке и не разглашали.

— То есть, платить мне все равно придется, — уныло протянула я. Перед внутренним взором предстали неутешительные перспективы расстаться с нажитыми деньгами.

Тим ободряюще похлопал меня по плечу и сочувственно произнес:

— За все приходится платить. Ты же хотела свести этих двоих, только чтобы не платить деньги, вот и аукнулось.

Я надулась и мстительно решила подначивать Тима все два дня. Пусть разумом он теперь понимает, что это действие магии, но любовь пока никуда не делась.

Тим задержал на мне внимательный взгляд.

— Что еще? — обиженно отозвалась я.

— Ничего. Просто... такое странное чувство. — Я посмотрела на него, приподняв бровь, и он замялся. — Я... и то, и другое... ну... Неважно.

Он встал и пошел к общежитию. Посмотрев на чуть согбенную, удаляющуюся спину, я тут же перестала дуться. В конце концов, любовь — дело серьезное, а тут все-таки полностью моя вина.

Я горестно вздохнула. Чего я добилась? Кроме возможности поехидничать над Тимом при случае — ничего. Деньги все равно придется платить. А не дай бог кто-нибудь заглянет в журнал на складе и сообразит, для чего взятые мной ингредиенты. Да еще с Береком объясняться. И с Динкой, и с Тиффани. А может, и Ким, если Тим ей все расскажет.

Ну, хоть Берек пригласил, наконец, Динку побыть с ним наедине. Интересно все-таки, почему на него зелье не подействовало...

Мои губы медленно расплылись в улыбке. Ну, конечно: как магия может заставить почувствовать любовь того, кто уже любит? Ну, Берек дает. Это ж каким дураком надо быть, чтобы не заметить, что любишь кого-то? Я думала, он просто не понимает, какая Динка хорошая, а он все понимает, кроме своих чувств.

Впрочем, может, и я вот так люблю кого-то и не замечаю?.. Да ну, ерунда какая-то, отмахнулась я от этой мысли. Как бы то ни было, в их первом свидании заслуга моя — если бы не зелье, Тим бы не позвал Динку в город, Берек бы не приревновал, и они по-прежнему топтались бы на месте в своих отношениях.

Выходит, не зря я все-таки это затеяла.

Я уже отправилась было прочь, сунув руки в карманы, как вдруг нашарила в одном из них тюбик с остатками зелья. Вынув его, я заметила, что там еще хватит не на одну пару глаз. Моя проницательная жилка подсказывала, что из этого можно извлечь небольшую пользу. Не самый лучший способ заработать всегда необходимые деньги. Но ведь это никому не навредит, правда? Эффект исчезает через пару дней.

И я припустила вперед, обрадованная открывшимися перспективами.

Глава одиннадцатая

в которой зима тревоги нашей приносит нерадостные известия, а чей-то любопытный нос переживает не лучшие времена

Как выяснилось на следующий день, Берек не прознал о том, что я использовала на Динке любовное зелье.

Дело было вечером, после очередного рабочего дня в конюшне. Я переоделась в спортивный костюм и пошла к полю, где уже собрался народ. Большую вытоптанную площадку со всех сторон окружали трибуны, где стайками расселись болельщики. На входе я столкнулась с Береком, и мне не удалось проскользнуть мимо, но он только поздоровался со мной, из чего я заключила, что он ничего не знает и на меня не злится.

Это не могло не радовать. О свидании Берека и Динки (как хотите, но я считаю это свиданием) знают только четыре человека, и ни у одного из них нет причин разглашать тайну. А потом, я надеюсь, позабудется и то, как я приставала к Динке с зельем, и мое присутствие в библиотеке. Никто не сложит два плюс два, а сама я поведаю эту историю только на фарфоровой свадьбе Динки и Берека. Вот уж посмеемся. Особенно Тим.

Он, кстати, держался молодцом. Я присоединилась к болельщикам на скамейках, оказавшись рядом с Динкой, и когда Тим подошел к нам, то чуть не лопнул от обуревавших чувств, но сдержался. Он смотрел то на Динку, то на меня и пытался что-то выдать. Даже пропало все желание подшутить над ним.

— Как там на поле? — помогла ему я.

Он благодарно выдохнул.

— Мы выбираем судью и подсчитываем участников. — Тим показал толпу студентов и преподавателей, скучковавшихся на поле. Они находились в процессе жаркой дискуссии. — Только со стороны преподавателей нет болельщиков, так что меня просили отправить половину студентов на ту сторону.

Он повторил свою просьбу громче, обращаясь ко всем. Студенты начали переглядываться, но всем хотелось болеть за друзей. Ушло лишь несколько совестливых девушек.

— Что, никто не хочет поработать на зачет автоматом? — хмыкнул Тим и тут же закричал: — Эй, эй, ну, не все ведь, а! Имейте совесть, кто за наших-то будет болеть?!

В итоге студенты кое-как распределились между собой, и примерно половина перешла на скамейки с другой стороны поля.

— Ну и народ, — фыркнул Тим.

— Да уж, — согласилась я, хотя сама чуть не подскочила, готовая перебежать на ту сторону. Только присутствие Тима остановило меня, хочется за него поболеть. Вместо этого я вытолкнула со скамейки Динку — пусть идет болеть за команду Берека.

Тим вернулся на поле, где продолжалась дискуссия по поводу судьи. Кто-то предложил кандидатуру пожилого преподавателя истории миров, но студенты вежливо отказались. Еще бы, у него все списывают только так, за мячом он тем более не уследит.

Отдавать того, кто разбирается в спортивных играх, не хотелось — такие нужны на поле. Однако человек «со стороны», как я, например, не уследит за всеми тонкостями игры.

В итоге выбрали студентку-семикурсницу, которая хорошо играла в футбол. Девушек решено было не брать в игру в виду отсутствия у преподавательниц желания побегать на поле, и семикурсница согласилась быть судьей, взяв в помощницы свою не менее спортивную подругу. В случае чего, бдящие зрители не останутся в стороне.

Некоторые из преподавателей, оказывается, вернулись с каникул — все-таки до начала семестра осталось меньше недели. Но все равно в итоге набралось только пять человек: замректора Лиор Гир, Тео Хеиван и трое других преподавателей. Но на их стороне также выступили Берек, Лерой и... принц Кримон с Эрилоном. Когда последние появились на поле, девчонки с трибун приветственно закричали, а у меня глаза на лоб полезли. Конечно, я не сомневалась, что они оба хорошо играют — посол был в прекрасной форме, а гоблин... ну, он таил много сюрпризов, и без умения играть он бы на поле явно не вышел. Однако меня удивило то, что благородные особы вообще присоединились к игре. Видимо, даже им тут стало скучно.

В итоге на стороне преподавателей играло девять человек. Среди студентов капитаном назначили какого-то семикурсника, и он быстро выбрал еще восьмерых участников, среди которых я заметила Тима и Лопатыча. А Кристофа отфутболили на скамейку запасных.

Игроки распределились по секторам, зрители утихомирились на скамейках. Запасные игроки сели рядом со мной. Вдруг на поле появилась лаборантка в футболке и облегающих лосинах и засеменила к капитану команды преподавателей, Хеивану. Тот ее выслушал, поджав губы, и нехотя объявил, что у них есть десятый участник.

Во дает, эта лаборантка. Такая тихоня, прямо как Динка, а играет в футбол. Я вспомнила, как она постоянно семенит по коридорам в юбочках и на каблуках, словно благородная леди, и решила, что ее спортивные умения остаются под вопросом.

Тем временем команда студентов собралась в кучку у скамейки, чтобы посоветоваться.

— Нам нужен десятый игрок, — услышала я голос капитана. — Но за них играет лаборантка, так что будет честно взять девочку.

— Давайте Риту возьмем, — предложил Тим.

Я резко обернулась в их сторону. Нет, я, конечно, предлагала свою помощь, но не думала, что до меня и правда дело дойдет.

— Может, лучше... — Я огляделась, ища глазами более спортивную девушку, но меня схватили за руки и потащили на поле.

Таким образом, я вдруг оказалась на вытоптанном поле, в среднем правом секторе вместе с Тимом и Лопатычем. От другой команды присутствовали лаборантка, Берек и Хеиван.

Я не большой фанат спортивных игр, но точно знаю, что футбол Эльса несколько отличается от земного. Поле здесь разделено на четыре сектора — два средних и два крайних, у ворот. В каждом секторе — два-три участника от каждой команды, и за границы переходить нельзя. Сложная система штрафов карает тех, кто касается мяча руками, выходит за пределы сектора или использует магию. В зависимости от разных проступков, могут удалять игрока, назначать пенальти, сдвигать границы или менять игроков местами.

Так что это не совсем футбол, однако магия, позволяющая мне говорить на эльском языке, иногда словно пребывает в замешательстве и пользуется «гугл-транслейтом», не иначе. Эта магия решила, что, если пинаешь мяч ногами — то это футбол, и эльское название игры я так и не узнаю.

В нашем институте популярны и другие игры, с применением магии. Те же дуэли,

например. Или пейнтбол с использованием магии вместо шариков с краской. Но для участников с разным уровнем подготовки сложно собираться вместе, а преподавателям мы и вовсе не ровня, так что объединить разные уровни смогла только немагическая игра — футбол.

Однако, выйдя на поле, я начала сильно сомневаться, что от меня будет какая-то польза. Капитаны и судья делали последние приготовления, и я надела на Тима.

— Зачем ты меня сюда вытащил?

— Я думал, ты хотела поиграть... — сконфузился Тим.

— Я хотела быть запасной запасной! Это значит, что я выхожу на поле только тогда, когда у нас нет других вариантов.

— Просто пинай мяч ногами, — вставил Лопатыч. — И желательнее в сторону своих же. Ладно. Буду пинать. Это же несложно, правда?

Наконец, все было готово, и судья дала предупредительный свисток. Мы разбрелись по сектору, поставив Лопатыча в середину. «Лови мяч, пинай мяч», — повторяла я себе.

Судья протяжно свистнула и мощным пинком отправила мяч на поле. Игра началась.

Мяч прилетел в другой средний сектор, и там его подхватил один из студентов. В борьбу за мяч ловко вступил посол Эрилон и перехватил его. Наши ворота находились в дальней от меня стороне, и мяч покатился туда. С моего места было плохо видно, что происходит, но вскоре я заметила, что мяч опять в среднем секторе и приближается в мою сторону — другой студент ловко обходил посла.

Одним пинком мяч послали в наши края, и я запрыгала из стороны в сторону, готовясь его принять. Но передо мной выросла широкая спина Хеивана, и он увел мяч прямо из-под моего носа. Лопатыч помешал бестиологу отправить мяч обратно в средний сектор, и Хеиван попытался обойти студента. Я прыгнула в их сторону и пинком отправила мяч туда, где маячил Тим.

— Молодец! — крикнул на ходу Лопатыч, бросившись в сторону улетевшего мяча.

Но радовалась я недолго. На другом конце сектора шла борьба за мяч, катившийся то в одну сторону, то в другую, как вдруг из-за спины Тима ловко выскочила лаборантка и увела у него мяч. Перебирая тоненькими ножками в лосинах, она ловко довела его до прочерченной на земле линии, где кончался сектор, обошла наседавших Тима и Лопатыча и пнула мяч за линию. Укатился он недалеко, но тут же был перехвачен Эрилоном и спустя минут десять забит в наши ворота.

В раздавшемся шуме сильнее всех выделялся бас Хеивана. Преподавательские скамейки ликовали, наши — разочарованно улюлюкали.

Стоявший на воротах широкоплечий пятикурсник кинул мяч в сторону своих, и игра продолжилась. Спустя какое-то время мне удалось завладеть этим несчастным колобком, и я помчалась в сторону крайнего сектора, где стояли ворота противника. Бежать, пиная мяч, не самое легкое занятие на свете, особенно когда тебе в затылок дышат Хеиван и Берек. Они подступили слишком близко, и я с размаху пнула мяч в сторону другого сектора. К моему разочарованию, им завладел преподаватель, и после долгой борьбы в разных концах поля нам снова забили гол.

Поначалу игра мне нравилась. Я бегала туда-сюда и следовала инструкции пинать мяч, даже сделала несколько удачных передач, но теперь, после двух голов, страсти накалились. Где-то разгорелась такая борьба, что упал студент, и в ворота преподавателей назначили пенальти. Один из семикурсников не подкачал и забил гол Лерою.

Это вызвало ажиотаж среди студентов и недовольство преподавателей, считавших, что назначение пенальти было несправедливым. Но судья оказалась не лыком шита и засвистела всех несогласных. Ей доставляло особое удовольствие возвышаться над всеми, стоя на трибунах, и дуть в свисток.

Счет 2:1 в пользу преподавателей разжег огонь в обеих командах, и мне стало как-то неуютно на поле, но я все же рискнула сунуться в очередное сражение за мяч, устроенное Хеиваном и Лопатычем.

Ой, зря.

Я углядела шанс перехватить мяч и почти это сделала, но теперь в ход шли не только ноги, пинающие мяч, но и руки, толкавшие соперника, а мне с парнями не тягаться. Потянувшись ногой за мячом, в следующий же миг я вдруг с удивлением обнаружила, что лежу на земле, а надо мной расплывается обеспокоенное лицо Тима.

— Ты в порядке? — спросил он.

Когда я сумела сфокусироваться на его словах, пришла боль. Она пульсировала в области носа и, дотронувшись до него рукой, я увидела на пальцах кровь.

— Спаси меня, — простила я.

Как хотите, но на такие жертвы я не подписывалась. Пускай мальчишки ломают свои носы во имя спорта, если хотят, но я умываю руки.

Меня уволокли на скамейку, и матч продолжился без моего участия.

Подошла Лечкинс, склонилась над моим лицом. Я догадалась, что она собирается колдовать.

— А может не... А-а-а!

Я не успела возразить — Лечкинс шепнула заклинание, поведив пальцем вокруг моего носа, и там что-то хрустнуло, обжигая болью. Я вскрикнула, но боль тут же схлынула, и медсестра платком вытерла всю кровь. Потом она схватила меня за нос и потянула из стороны в сторону, как будто хотела вытянуть его до состояния хобота.

— Шдо вы делаеде?.. — прогудела я.

— Боли-ит?

— Нед.

— Тогда-а все в поря-адке.

Лечкинс забрала окровавленный платок и отошла от меня. Я недоверчиво потрогала нос, боясь, что он сейчас отвалится. Но, должна признать, медсестра знает свое дело.

Пока я приходила в себя, игра продолжалась, и мне даже стало обидно. Человек пострадал за идею, а никто не спросит, все ли хорошо. Я села поближе к болельщикам и спросила, какой счет. Оказалось, студенты успели забить еще один гол, и счет сравнялся. Будем считать, что в этом есть моя заслуга — из-за моей травмы должны были назначить еще один пенальти.

Я поискала глазами Хеивана — теперь я припомнила, что это его локоть поздоровался с моим носом — и увидела его в крайнем секторе. Очевидно, бестиолога переместили туда в качестве наказания, отстранив от более оживленных средних секторов.

Также я заметила, что лаборантка сидит на скамейке с другой стороны поля.

— После твоей травмы решили девушек в игру не брать, — ответил на мой вопрос один из болельщиков. — Так что ее попросили покинуть игру.

Не так уж все и плохо. Я свое в футбол отбегала, армрестлингом путь занимают парни. А я присоединилась к болельщикам и кричала подбадривающие слова и хлопая в

ладоши, когда нашим удавалось завладеть мячом.

Теперь, сидя в безопасности на трибунах, я могла разглядеть, кто как играет в футбол. Не без злорадности заметила, что вредный замректора не так уж хорош. Зато посол Эрилон показал себя во всей красе, а когда он приподнял край футболки, чтобы утереть пот с лица, и продемонстрировал всем солидный пресс, девушки на трибунах завизжали. Воспользовавшись паузой, — капитаны команд обсуждали спорный момент с судьей — Эрилон помахал трибунам, и визг только усилился. Махнул он и в нашу сторону. Я надеялась, что он подойдет и спросит, как дела, но посол даже не посмотрел на меня. Вот так: то цветочки дарит, то словно и нет меня. А цветы, кстати, совсем исчезли с ладони.

Вместо посла ко мне подбежал Тим и спросил, как мой нос.

— Все хорошо. — Я для убедительности ткнула в обозначенную часть лица пальцем.

Тим улыбнулся и помчался обратно на поле.

Игра возобновилась, и я вскинула брови, когда мячом завладел принц Кримон. Я знала, что он полон сюрпризов, но он превзошел мои ожидания: гоблин двигался просто великолепно — плавно, уверенно, без лишней суеты. Может, в футбол он и не часто играет, но находится в прекрасной спортивной форме. В его движениях было что-то такое... большее, чем просто натренированность. Он походил на тигра, прикидывающегося большим, ласковым котом, но на охоте выдавшим в себе опасного хищника.

Кримон нанес завершающий удар на последних секундах, и судья объявила конец матча — 3:2 в пользу преподавателей. Они, конечно, были несказанно горды собой и на радостях объявили банкет в столовой. Эта новость помогла студентам достойно принять поражение.

Однако кто-то из болельщиков с другой стороны поля заявил, что футбольный матч никуда не годится без драки между фанатами. И хотя обе группы болельщиков были представлены студентами, наша сторона дружно поддержала эту идею. Я отодвинулась, не желая еще раз ломать свой нос, а болельщики ломанулись на встречу и даже успели слегка помутузить друг друга, прежде чем замректора пригрозил влепить каждому наказание, если драка, пусть и носившая шуточный характер, не прекратится.

Болельщики тут же мирно разошлись, и все двинулись к общежитиям, чтобы привести себя в порядок.

В столовой спешно готовили блюда и начали накрывать только к семи вечера. Но поздний ужин никого не смущал. Меня тоже привлекал бесплатный банкет, и я решила, что если и в этот раз столовая меня не подведет, в следующем семестре я дам ей второй шанс и забуду про того злосчастного таракана.

Студентов и преподавателей стало немного больше, чем в прошлый раз, и мы распозлились по двум залам. Ели, пили, веселились, хохотали так, что стены дрожали, а после ухода большей части преподавателей снова пошла музыка. В этот раз с частушкой я не опозорилась:

Получила травму носа -

Доигралась я в футбол.

А иначе бы команде

Не забили лишний гол!

Посиделки продолжались долго, я поздно легла спать и позже проснулась, около десяти. Посмотрев на часы, ахнула и резко поднялась в кровати.

Буран, дремавший на моем лице, начал падать на пол, но усиленно замахал крылышками и плавно опустился на пол.

— Буран, ты уже почти летаешь!

Дракончик сам от себя такого не ожидал. Он зевнул, стряхнул остатки сна и помахал крыльями, но взлететь пока не мог — егохватило только на парение. Я удивилась, как выросли его крылья; сложенные и прижатые к бокам, они по-прежнему казались маленькими, но стоило Бурану распахнуть их, как они протягивались сантиметров на тридцать каждое.

Буран привычно вскочил на подоконник, а я побежала в конюшню, не позавтракав.

— Что, гуляли допоздна? — хмыкнул бестиолог, завидев меня. Он опять занимался упряжью.

Я покаянно кивнула.

— А как... твой нос? — Голос Хеивана звучал несколько виновато.

— Ой, болит, — протяжно отозвалась я, улыбаясь. — Так болит, что сил никаких нет.

Хеиван усмехнулся в ответ.

— Да ладно, знаю я, что медсестра тебе все на место вправила. Но ты, это... все равно извини. Немножко увлекся вчера. Раз уж я виноват, сегодня конюшне можешь не помогать, разве что Плюша выгуляй. Тебе же все равно в радость.

Я закивала так, что голова чуть не отвалилась, и побежала к медведю. Он поприветствовал меня рыком.

— Плюш, идем гулять, — объявила я, открывая дверцу стойла.

Хеиван распахнул другие ворота, чтобы Плюш не проходил мимо лошадей, и я вышла на улицу. Медведь, переваливаясь, топал за мной.

Вот бы кого-нибудь попугать моим мохнатым спутником. Я перебрала в уме варианты, но к преподавателям не сунешься, на огородах Апогей с ума сойдет, а других студентов ищи-свищи на территории института. После вчерашних посиделок все, кому не надо на отработку, наверняка отсыплются.

Я побродила по парку, но так никого и не встретила. Плюш топал по холодной земле, погрыз кору одного из деревьев, поскреб когтями о другое. Я заметила, что когти у него коротенькие и тупые — Хеиван обрезал на всякий случай.

Медведь поравнялся со мной, и я потрепала его по высокой холке. Хотела было побегать вместе с ним, как с собакой, но представила, как эта огромная туша носится рядом, трется о меня, валит на землю... Пожалуй, я переживу без лишних травм.

Мы спокойно побродили по парку и вернулись к конюшне. Хеиван запер медведя в стойле и был так любезен, что разрешил идти в качестве извинения за сломанный вчера нос. Меня как ветром сдуло — не буду же я напрашиваться на лишнюю работу.

Буран встретил меня радостно — выплюнул изо рта какую-то бумажку и подбежал ко мне. Со времени вылупления он стал больше и тяжелее, и я чувствовала это, когда он разваливался на моих руках. Отпустив дракона, я подобрала с пола измочаленную бумажку — она оказалась кусочком березовой коры.

«Здравствуй, Рита!» — сообщали корявые буквы. Взглянув на конец послания, я увидела подпись Чепуша. Вспомнил обо мне, фей рогатый.

«Прости, что так вышло с экзаменом. Надеюсь, я все-таки смог тебе чем-то помочь, и ты все сдала. Руки никак не доходили написать тебе, но совесть замучила. (И фея Фифина пристаёт.) Я в некотором роде виноват перед тобой... — (Тут я хмыкнула.) — Не думаю, что

могу оказать тебе большую услугу, но если тебе все-таки что-то нужно, напиши на этой бересте. Когда поставишь свою подпись, она вернется ко мне. Чепуш».

В конце письма он пририсовал веселую рожицу с рожками.

— Где ты взял это? — спросила я у Бурана. Он вскочил на стол и повертелся на месте, показывая, что тут и лежала береста, а потом перепрыгнул на подоконник.

Я села за стол, задумавшись, чем мне может помочь Чепуш.

— Вроде и не надо ничего... — вслух поразмыслила я.

Ко мне на стол, отлепившись от стены, прыгнул Вася и подошел изучить письмо. Я поглядела на него и на остальные каракули, бегающие по стенам.

— А может, и надо, — задумчиво произнесла я.

Карандашом я заполнила свободное место на бересте:

«Здравствуй, Чепуш. Пересдача не состоялась: кто-то сглазил профессора, и он поставил нам всем «удовлетворительно». Но эту тройку я вынуждена отрабатывать тяжким трудом все две недели, вместо того, чтобы отдыхать и веселиться, как все остальные».

Вася обратил на меня укоряющий взор — человек знал, что труд не такой уж тяжелый, и я достаточно отдыхаю, да и веселья особого не было, не считая гулянок старшекурсников этажами выше. Я шикнула на Васю и вернулась к письму.

«Спасибо за предложенную помощь. У меня как раз завелись жильцы, которых нельзя оставлять в общежитии, иначе их кто-нибудь увидит и сотрет. Это рисунки, сделанные мелом на зачарованной доске. Они маленькие и тихие, проблем не доставят. Ты не мог бы приютить их у себя? Рита».

Как только я поставила точку в конце письма, береста исчезла. Вася выжидающе посмотрел на меня.

— Так будет лучше, — ответила я на немой вопрос. — Здесь вам нельзя оставаться. У нас проверки, да и Тиффани вернется... А вдруг на вас вода попадет? Чепуш о вас позаботится.

Вася грустно, но согласно кивнул, и я легко пощекотала человечка. Ответ от черта не пришел, и я решила не дожидаться его.

Побродив немного по парку, я не встретила никакой движухи и никаких заварушек. Тим еще где-то отрабатывал, и я решила провести свободный день в библиотеке. Зимний Буран на днях потерял еще несколько чешуек, но, памятуя невеселый опыт продажи на черномаргическом рынке, в этот раз я решила пустить чешую на заклинания.

Берек сидел за своим столом, положив на него ноги в тяжелых ботинках, и от нечего делать вырисовывал в воздухе неприличные картинки. Заметив, что кто-то вошел в библиотеку, он встрепенулся, но, увидев мое сияющее лицо, снова расслабился. Однако картинки рисовать больше не стал.

— Снова здорово, — кисло протянул Берек. — Чего тебе?

— Почитать хочу. Можно?

— Можно, можно. — Берек отстраненно махнул рукой.

Я поднялась по винтовой лесенке на второй этаж библиотеки и удобно устроилась на полу среди книжных шкафов, где меня никто не тревожил. Разложила вокруг книги и пролистывала страницы в поисках нужной информации, попутно читая отрывки и разглядывая картинки.

В одной из книг я нашла не подробные рецепты и заклинания, но примеры использования драконьей чешуи: она применялась при лечении различных болезней — от

простых до самых тяжелых; при изготовлении успокаивающих или, наоборот, дурманящих настоек; для снижения чувствительности к холоду. При достаточном количестве чешуи можно было применить очень сложное заклинание и получить некоторые способности дракона. Такое вряд ли стоило повторять в домашних условиях.

В основном, как я поняла, драконья чешуя применялась для лечения и воздействия на разум. Ее часто можно было заменить другими компонентами, но чешуя давала более сильный эффект. В общем, ничего интересного для эксперимента. Мне понравилась идея превратить себя в полудракона, но даже я не настолько сумасшедшая, чтобы менять свою сущность без чьего-либо надзора. Малейший промах — и нет больше Риты Лопуховой. Это нам четко дали понять еще на первом курсе, продемонстрировав несколько изображений неудачливых магов, решивших поэкспериментировать над своей физической оболочкой.

Пока я листала книги, кто-то вошел в библиотеку и поздоровался с Береком. Прислушавшись, я поняла, что это принц Кримон. Он сказал, что решил осмотреть библиотеку, и завел с Береком дружеский разговор. Гоблин рассказывал где-то в районе столов и книжных шкафов, и мне было плохо слышно, а напрягать слух я не стала. Потом Кримон вернулся ко входу и, судя по звукам, стал перебирать каталог. Отсюда я уже прекрасно разбирала, о чем они говорили.

— Слышали последние новости? — спросил принц-гоблин.

— Какие именно? Что-то не так между Арленсией и Раггером?

— Нет, нет. Между нашими странами все, слава богу, хорошо. Мир неукоснительно соблюдается обеими сторонами. Я о новостях с севера.

— А что там происходит?

— Говорят, что к югу от гор видели пролетающего дракона.

Я оторвалась от книги и насторожила уши.

— Вот как... — нервно отозвался Берек, немного помолчав. — Драконы уже давно не покидали своих гор.

— Изредка их видят над ближайшими к Драконьим горам поселениями, но вы правы, дальше этого они на юг не летают.

Мое сердце забилося чаще. Я знаю, что это за дракон — один из родителей Зимнего Бурана, ищущий свое чадо. Наверное, связь между ними стала сильнее, и родители поняли, в какой стороне искать пропавшего сына. Либо выбрали путь наугад.

Берек тоже понял, о ком идет речь, и занервничал. Я мысленно просила его успокоиться. Берек не хотел быть причастным к этой истории, но своим волнением выдавал себя. Неизвестно еще, с какой целью принц Кримон завел этот разговор — просто поделиться новостями или же выпытать что-то у Берека?

— Были какие-то жертвы? — спросил хранитель библиотеки.

— Нет, пока нет. Но вы знаете, новости доходят медленно, с тех пор кто-то мог и пострадать. Драконы давно перестали нападать на людей первыми... но с другой стороны, они и горы давно не покидали. Знать бы, что заставило его двинуться на юг.

— Знать бы, — согласился Берек.

На этом разговор утих, воцарилось молчание. Гоблин еще побродил по первому ярусу и спросил:

— Могу я подняться наверх?

— Да, конечно.

Я в панике быстро распахала книги, куда попало, прислушиваясь к шагам, клацающим

по винтовой лестнице, и схватила с ближайшей полки первую попавшуюся книгу. Как раз успела перевернуть ее вниз ногами, когда в проходе между шкапами, где я сидела, появился гоблин.

— Рита, добрый вечер.

— Добрый вечер, принц. — Смею надеяться, свое волнение я скрывала лучше, чем Берек. — Осматриваете библиотеку?

— Да. Я ведь говорил, что мы хотели бы оценить качество образования института. Думаю, логично осмотреть и хранилище знаний.

Я кивнула, и гоблин прошел дальше, вдоль рядов. Я поймала многозначительный взгляд Берека, следовавшего за принцем, и отвернулась.

Не верю, что дракон ни с того ни с сего будет нападать на людей. Как и сказал принц, они признали нас разумными существами и не охотятся, как на горных козлов. Но это при условии, что никто не крадет драконьи яйца. Да и потом, люди не такие уж и разумные. Если они первыми откроют охоту, посчитав дракона угрозой, то и тем, и другим может не поздоровиться.

В своей комнате я обнаружила записку от Чепуша, в которой он соглашался забрать к себе каракули. На бересте было достаточно места для моих рисунков, и я объяснила им, как и Васе, что у Чепуша будет лучше, чем здесь.

Кажется, они больше грустили, что не увидят Бурана, чем меня, но все же тоскливо распрощались и со мной и прыгнули на бересту. Я на прощание пожала Васе руку-палочку, написала чёрту мою благодарность и поставила точку. Береста исчезла вместе с меловыми рисунками, и дракон грустно проклекотал им вслед. Я привыкла, что у меня по комнате бегают маленькие каракули, и буду немного скучать по ним, но приятно знать, что они будут в безопасности, и их никто не сотрет.

Когда Тим заглянул в гости, я пересказала подслушанные новости о драконе.

— Надо отвезти к нему Бурана, пока он не добрался до института, — сказала я. — Если он окажется рядом, то почувствует своего сына и подожжет здесь все.

— Ты преувеличиваешь, — с сомнением ответил Тим. — Еще неделя — и твой дракон научится летать. Ничего не случится за это время. А потом выпустишь Бурана, и он найдет своих родителей.

Я кивнула, полагаясь на слова друга. Он сменил тему, чтобы меня развеселить.

— Не поверишь, что я сегодня видел. Меня послали в лес в качестве отработки, собрать кору деревьев и сосновые иголки. Знаешь купидонов, таких розовых птиц? — Я кивнула, улыбнувшись. — Так вот, я видел, как они играли в салки! Честное слово. Они выбрали водящего и бегали от него, пока он кого-нибудь не ловил.

— О, если бы ты только знал... — рассмеялась я, предвкушая, как расскажу эту историю.

Глава двенадцатая

в которой заканчивается отработка, студенты тикают прочь, а самая плохая ведьма решается на путешествие и ныряет в приключения с головой

Наступила пятница. Четвертый семестр неукоснительно приближался, а с ним росли тревоги о Зимнем Буране. После вчерашнего успеха он постоянно махал крыльями, словно мечтая поскорее научиться летать, а без своих меловых друзей слегка погрустнел. Утро после завтрака он провел на окошке, наблюдая за птицами в небе.

— Мне пора на отработку. — Я почесала затылок малыша, и дракончик отозвался писком.

День выдался ясным: небо стало голубым, ленивые облачка проползли где-то вдалеке, стороной обходя молодое февральское солнце.

Завернув к огородам, я помахала рукой Тиму и отправилась на конюшню. Хотя с утра мне было тревожно из-за Бурана, приятная погода подняла настроение, и я решила подурачиться, чтобы окончательно разогнать тоску.

— После-едний де-ень отрабо-о-отки-и-и! — пропела я, врываясь в конюшню с воздетыми к небу руками.

Ко мне обернулись две пары глаз: Хеивана и принца Кримона. Плюш отозвался приветственным рыком с другой стороны конюшни.

— Поздравля-а-аю-у-у! — пропел в ответ Хеиван, тоже вскинув руки.

Я густо покраснела, молча развернулась и вышла из конюшни, спрятавшись за углом.

«Вот дурочка, — корила я себя. — Что теперь подумает принц Кримон о студентах...»

Хорошо еще Хеиван поддержал, не то бы совсем стыдно было.

Я услышала, как принц Кримон вышел из конюшни, и спустя мгновение рядом вырос Хеиван, усмехнувшись.

— Нечего стоять, давай делом займемся, — весело сказал он. — Раньше начнешь — раньше закончишь.

Я сбегала потрепать Плюша за ушами, отчего он довольно заурчал, и мы с бестиологом взялись за чистку стойл и кормежку животных. Наконец, мне предстояло вычистить лошалопу. С ней любое действие превращалось в бесконечную борьбу характеров.

Нацепив на нее уздечку, я кое-как вытянула скотинку на улицу. Лошалопа упиралась, но чисто из вредности. Поставив ее у коновязи и предложив для отвлечения внимания листья салата, я принялась чистить рыжую шерсть и длинную лошадиную гриву черного цвета. Лошалопа меланхолично жевала листья салата, прядая большими ушами.

Наконец, с заданием было покончено, лошалопа заняла свое место в конюшне, и Хеиван подошел посмотреть, как я справилась с делом. Он с видом знатока обошел рогатое животное, нарочито придирчиво оглядел ее шерсть, похмыкал.

— Ну же! — Я нетерпеливо запрыгала, дожидаясь заветных слов.

— Ну что ж, — медленно протянул Хеиван, сдерживая улыбку. — Вынужден сообщить... что твоя отработка закончена.

— Урааа! — Я сплясала победный танец и бросилась в общежитие.

Едва только переодевшись в чистое, я плюхнулась на кровать с чувством выполненного

долга. Буран примостился сверху — сделал одолжение, лег к лицу мордой, а не хвостом.

Я почесывала его нежный подбородок и ждала, пока Тим закончит с отработкой у земляничек и зайдет в гости, как вдруг по коридору разнесся истошный вопль:

— Прове-е-ерка-а-а!!! — и для особо тупых добавили: — Бегите, глупцы!

Я села в кровати, прижимая к себе Бурана.

Просто замечательно! Сейчас нагрянет проверка комнат в лице комендантши мисс Битн, а у меня не только не прибрано (ввиду отсутствия Тиффани), но и самая главная проблема висит на руках, недоуменно попискивая.

В коридоре раздался шум: двери закрывались на ключ, по коридору быстро топали ноги. Все, кто не прибрал свой блок или просто не желал встречаться с суровой комендантшей, смывались через пожарную лестницу. Такая шумиха начиналась при каждой неожиданной проверке. Впереди всех обычно летели дежурные, отвечавшие за весь шальной этаж — а за него отвечать просто невозможно: только кухню приберешь, через пять минут уже всюду обертки, пятна и грязная посуда. За дежурными драпали все остальные, и только самые стойкие выносили присутствие комендантши — кто-то вроде безупречной Тиффани или скромняги Динки, которая в принципе никогда не носилась по лестницам.

Новость, должно быть, пришла со второго этажа. Первокурсникам приходилось тяжелее всего — к ним заглядывали в первую очередь. С другой стороны, они еще зеленые, непривыкшие тикать от комендантши. Но одно мы им вдолбили особенно четко: когда она приходит, бежать и сообщать этажам выше, спасти шкуры любимых старшекурсников.

Я положила Бурана на кровать и вскочила, в панике схватилась за голову. Закрытые двери для нашей комендантши — не проблема. Общежитие казенное, никаких секретов от руководства нам не полагается, и если кого-то нет на месте во время проверки, мисс Битн разрешается открыть комнату своим ключом, подходящим ко всем замкам общаги, и осмотреться без присутствия владельца. Но увидеть себя в длинном списке нерях намного проще, чем столкнуться лицом к лицу с нашей суровой комендантшей, поэтому все и сбегает.

В итоге остаться в комнате — не вариант, оставить дракона и уйти — тоже. Остается только взять Бурана с собой. Веселенькая перспектива.

Времени на размышления не было, и я поспешно накинула курточку, взяла на руки Бурана и застегнула над ним молнию, подвернув высунувшийся чешуйчатый хвостик. Мы сумели поместиться вдвоем, но меня знатно раздуло, и только слепой не заметит, что я что-то прячу. Однако ключевое слово — что-то. Я могу скрывать под курткой что угодно, а вот дракон, которого мисс Битн непременно найдет, куда бы я его ни засунула, будет только драконом и ничем иным.

Я выскочила из комнаты, заперла ее на ключ и шмыгнула в коридор. Все, кто хотел, уже сбежали, и я бросилась в тот конец коридора, где за дверью вилась пожарная лестница. Там я влилась в поток студентов, бегущих с верхних этажей. Какие-то парни кинули на меня любопытный взгляд, но ничего не спросили.

Нестройный хор ботинок простучал по железным лестницам — дунн, дунн, дунн. Последний рывок — перелезть через высокий парапет на первом этаже и спрыгнуть на землю. Но с драконом под курткой это сделать совсем не просто.

— Подсобишь? — попросила я одного из парней.

Он помог мне влезть на парапет и сесть, а потом подхватил под мышки и перегнулся, опуская вниз, и до земли мне осталось совсем чуть-чуть. Спрыгнув рядом со мной, он не

удержался от вопроса:

— Что у тебя там?

— Кое-что, чего мисс Битн видеть не стоит, — криво улыбнулась я. — Спасибо за помощь.

Ручеек студентов тек в парк, и я какое-то время шла вместе со всеми. Пойди я в другую сторону, комендантша могла увидеть меня из окна чьей-нибудь комнаты. На меня бросали взгляды и еще пару раз спросили, что под курткой, но я отвечала все так же.

— Кто пойдет в Кочуево? — предложил кто-то впереди. Все ответили согласными криками.

Я попыталась ускользнуть, свернув с дорожки на лужайку, но мое отступление заметил Кристоф.

— Рита, ты не идешь с нами? — громко поинтересовался он, и я прокляла глазастого крота.

— Отстань от нее, — весело крикнул кто-то в толпе, — не видишь, человеку контрабанду прятать надо.

Я вздрогнула, но нашла в себе силы улыбнуться и шутливо показать язык. Из-за этих крикунов теперь все, кто еще не видел мой выпученный живот, слышали, что я что-то несу. Мне стало не по себе.

— Прости, Буран, — шепнула я, — прости.

Каков шанс, что кто-то из студентов охотится за драконом? Довольно большой. А каков шанс, что, если это студент, то он по каким-то причинам не заметил мою ношу? Мизерный. А уж если контрабандист видел меня, то два плюс два сложить недолго, и я снова привлеку внимание преступника. Я справедливо полагала, что после посягательства на мою комнату в прошлые выходные, я стала вне подозрений, и лишнее внимание мне теперь ни к чему.

Я широкими шагами пересекла лужайку и прислонилась к дереву — экспериментальному образцу, склонявшему ветви до самой земли, как ива. Оно приветственно пошевелилось.

И куда мне податься? В общежитие нельзя возвращаться до вечера. Пойти к Хеивану? Он же любит животных... Но меня одолел дикий страх, что я могу довериться не тому человеку.

Я вдруг поняла, что из всех людей в институте могу положиться только Тиффани, Ким и Тима, но подруги были на каникулах, а Тим — неизвестно где. Мне не хотелось бродить по территории в его поисках.

Я оглянулась вокруг и увидела за деревьями бальный корпус. Туда я и направила свои стопы. От общежития меня там никто не увидит, а под козырьком можно посидеть на скамейке. Поднявшийся ветер дует с другой стороны, будет не так холодно, и в случае дождя не промокну.

Поднявшись по ступенькам, я на всякий случай дернула ручку и с удивлением обнаружила, что дверь не заперта. Но, в конце концов, второй учебный корпус открыт, да и первый тоже, со стороны общежития, только кабинеты закрыты, не считая лаборатории во втором корпусе. Почему бы и этому не быть открытым?

Я шагнула внутрь, прошла небольшой, скромный вестибюль и оказалась в громадном зале, где проходил тот самый бал, куда я выбралась с помощью Чепуша. Сейчас здесь было пусто — ни украшений, ни столов, ни, тем более, гостей, только канделябры с незажженными свечами на стенах. Но размеры комнаты и отделка деревом все равно

производили впечатление. Если двери не заперты, интересно было бы посмотреть на это великолепие сверху.

Слева от меня раздались звуки возни, и, повернув голову, я увидела посла Эрилона, тренировавшегося в боевой магии с вытащенным из задней комнаты манекеном. Посол надел плотную серую майку и широкие штаны, сапоги отложил в сторону. Двигаясь плавно и уверенно, он обстреливал манекен атакующими заклинаниями. Тот реагировал на атаки в одинаковым выражением деревянного лица: он был защищен надежным магическим щитом, невидным глазу, и заклинания в нем растворялись, как сахар в воде.

В тот же самый момент, когда я заметила Эрилона, он повернулся в мою сторону, и отступить было поздно — посол опустил глаза, посмотрев на выпяченную куртку. Оставалось только делать вид, что ничего не обычного не происходит.

— Я не хотела вам мешать, — сказала я. — Пойду, пожалуй.

— Что ты, — остановил меня посол, подходя ближе и приятно улыбаясь. Откинул с мокрого лба прилипшую прядь темных волос. — Ты хотела потренироваться в магии?

— Нет, вообще-то... Я несла книги из второго корпуса в первый, но показалось, что начинается дождь, и я решила спрятаться здесь. Но мне, наверное, показалось. — В этот самый момент «книги» чуть пошевелились, и я сделала вид, что поправляю «их». — А вы тренируетесь, да?

Эрилон небрежно повел плечами. Для тренировки он надел майку, и от этого движения нельзя было не обратить внимания на мускулистые руки. Я была права, он действительно прятал под одеждой натренированные руки, но сейчас мне хотелось лишь отнести Бурана в безопасное место, а не глазеть на посла Дарона.

— Вспоминаю былое, — пояснил Эрилон. — Помню, как нас гонял профессор Мейселе с боевой магией... Он у вас не преподает?

Я покачала головой.

— Может, еще будет. Хочешь, покажу несколько приемов? Пригодится, когда за вас возьмется Мейселе. Если избежишь ошибок всех новичков, считай, что ты его любимая ученица. Он становится сущим дьяволом, когда очередная партия студентов повторяет те же ошибки, что и каждое поколение до них.

— Нет, спасибо. — Я улыбнулась как можно вежливее и шагнула обратно в вестибюль. — Может быть, в другой раз. Сейчас мне нужно отнести книги.

Посол протянул руку, но я не подала ладонь в ответ, торопясь покинуть балльный корпус. В спешке я вылетела на улицу и остановилась на парковой дорожке. Не зная, куда еще податься, пошла в сторону южного леса, где обитали купидоны.

Укрывшись среди деревьев, я выпустила Бурана из-под куртки. У меня устали руки, да и дракону надо было размять лапы. Я присела под сосенкой прямо на землю, а Буран с неподдельным интересом озирался кругом. Его манили непривычные запахи и шорохи, он принялся копать в земле, обнюхивать голые кусты и осматривать деревья.

Поднялся ветер, пошевелив кроны, и Буран поднял голову, изогнул шею, затрепетал крыльями. Внутреннее драконье чутье подсказывало — он принадлежит этой синеве, и туда ему нужно стремиться. Буран подпрыгнул, усиленно махая крыльями, но никак не мог приспособиться. Иногда у него получалось ненадолго оторваться от земли, но он тут же падал.

Зимний Буран оставил попытки взлететь и насторожился, как охотничий пес, когда среди деревьев мелькнули розовые пятна.

— Цыпа, цыпа, — позвала я.

Я не была уверена, что купидоны запомнили меня, но все же они опасно приблизились. Дракон с восторгом бросился в их сторону, и птицы тут же разбежались.

— Буран! Не отходи далеко.

Дракон неохотно остановился, помедлил и вернулся ко мне. Купидоны снова подошли поближе, глядя на нас то одним глазом, то другим, и улепетывая, как только Буран пытался к ним приблизиться. Наконец, они настолько осмелели, что стали подбегать совсем близко к дракону. Видимо, они выбрали его водящим в салочках, вот только он никак не мог догнать быстроногих птиц.

Я не мешала им. Мне надо было посидеть и о многом подумать, и я вполглаза следила, чтобы дракон не убежал далеко и чтобы нас кто-то не увидел.

Так они и резвились, пока не настала пора возвращаться. Я основательно продрогла на холодной земле, но приняла мучительное решение.

Я спрятала Бурана под куртку и вернулась в общежитие. Меня уже не беспокоило, что кто-то еще заметит оттопыренную курточку, потому что сегодня ночью я увезу дракона на север.

Студенты опять допоздна устраивали пятничную гулянку. Уже пробила полночь, но веселье только набирало обороты, сконцентрировавшись на верхних этажах.

Я поднялась в свой блок, стараясь не разбудить Динку, и в комнате надела свою зеленую курточку и вязаную коричневую шапку, замотала вокруг шеи шарф с оленями, застегнула на левом запястье браслет — накопитель энергии. Накинула на плечи набитый рюкзак. Дракон сонно поднял голову от подушки.

— Идем, Буран. Нам пора.

Я застегнула молнию, пряча дракона, и снова спустилась на первый этаж. Лерой мирно посапывал в кресле. На вахтенном столе рядом с ним лежал журнал посещений, распахнутая художественная книга и стакан с остатками чая на доньшке, куда я подмешала сонную травку. Мне не хотелось причинять доброму вахтеру неприятности, пусть ответственность за мою пропажу не перекладывают на него.

Я вышла на морозный февральский воздух и остановилась на верхней ступеньке, вдохнула полной грудью. В прошлом году я немного путешествовала по Эльсу, но выезжать одной, ночью, без определенного маршрута и с опасностью за спиной — это совсем иное. У меня возникло чувство, словно я стояла перед границей, за которой уже ничего нельзя будет изменить, и как только я спущусь с этих ступенек, назад дороги не будет.

Буран пошевелился, тихо пискнул, и я спустилась вниз, не давая себе шанса передумать.

Широкими шагами я пересекла парк по дорожкам, освещаемым двумя лунами, ступила на промерзлую землю и тихо подошла к конюшне. Я опасалась, что Хеиван по каким-то причинам задержится до полуночи, или кому-то из хулиганистых студентов вздумается проникнуть сюда, но все было тихо. Ставни оказались опущены, передние двери закрыты на замок. Я подергала железный кирпич и проверила его на присутствие магии. Слабое свечение подсказало, что на замок наложили заклинание — скорее всего, от проникновения с помощью волшебства. Я нащупала в волосах невидимку, держащую непослушную прядь, и с трудом поборола соблазн поковырять ей в замке, хотя понятия не имела, как их взламывают. Нет времени играть в шпионов.

Я начала обходить конюшню и слышала тихое фырканье лошади. Подошла к дверям с

противоположной стороны, но наткнулась на такой же замок и отчаянно подергала его, перебирая в уме варианты, как попасть внутрь. Универсального заклинания, открывающего все замки мира, не существует, конечно, а от остального наверняка защитят наложенные на замок конюшни чары.

Прежде чем испробовать магию, стоит залезть наверх и проверить, не заперты ли ставни на сеновале. Только придется оставить Бурана внизу — с ним я по вертикальной лестнице не вскарабкаюсь.

— Ладно, малыш, посиди здесь. — Я вытащила дракона из-под куртки и поставила на землю.

Но не успела я выпрямиться, как из-за дверей раздалось глухое ворчание. Я подошла ближе, прислушиваясь.

— Плюш? — позвала я.

Медведь ответил мне довольным рычанием. Я вспомнила, что его стойло было самым дальним от лошадей и самым близким к этим дверям.

— Плюш, иди сюда, — позвала я. — Иди сюда, мальчик.

Судя по раздавшимся изнутри звукам, медведь перелез через дверцу стойла и шлепнулся на пол. Лошади проснулись и стали беспокойно переступать копытами и фыркать, но Плюшу не было до них дела. Медвежий нос шумно обнюхивал двери.

У такого здоровяка получится открыть замок самым простым путем — сломать его. Как учил нас Хеиван, магия выручает не всегда, нужно и головой думать, и руками что-то делать. Вот мы и воспользуемся золотым советом.

Я подхватила Бурана, отступила подальше, чтобы меня не пришибло открывающимися дверьми, и позвала медведя:

— Плюш! Иди сюда! Надави на замок. Сюда, мальчик, наружу.

Понял он меня или нет, но ему страшно хотелось выйти на улицу. Двери затряслись, когда Плюш навалился лапами один раз, другой, с силой. Лошади испуганно зафыркали. Надеюсь, учиненный обитателями конюшни шум не дойдет до преподавательского общежития.

Что-то треснуло, и я обрадованно вперила взгляд в замок, но тот остался целехонек. Зато широкие двустворчатые двери медленно повалились на меня. Спасла только хорошая реакция. Я попятилась, и двери с грохотом рухнули передо мной. В ночной тишине звук разнесся, кажется, на километры вокруг, и его слышали не только преподаватели, но и студенты, и гоблины в своем Рагтере, и драконы в Драконьих горах.

— Ну... можно и так, — выдавила я, осматривая поверженные двери с так и не поддавшимся замком. Лошалопа насмешливо заржала, приветствуя такое веселье.

Шершавый медвежий язык коснулся моей щеки. Буран ощерился и осторожно вытянул морду, уткнувшись в подставленный в ответ нос. Звери обнюхали друг друга. Плюш остался равнодушен к мелкому крылатому ящеру, зато в Буране взыграло врожденное чувство опасности при виде более крупного хищника, и он недовольно отпрянул, хотя мое спокойствие его немного расслабило.

Плюш шагнул вперед, словно звал на прогулку.

— У меня нет времени, — попыталась объяснить я. — Спасибо, что... открыл двери, но вернись в стойло.

Я помахала рукой, но это его не впечатлило. Тонкая связь чар, наложенных Хеиваном, позволяла ему лучше понимать людей, но не дословно, да и общий эмоциональный фон он

распознавал хуже дракона. Тогда я направилась в конюшню с намерением оседлать лошадь, но те заметались еще испуганнее, когда вслед за мной вошел медведь. Я обернулась к нему, и он ответил рычанием.

— Ладно, ладно, — вздохнула я. — Идем на прогулку.

Плюш радостно потопал обратно во двор. Я встала рядом и погладила теплый мех. Хозяин лесов явно был настроен на прогулку под луной и мое безраздельное внимание, но вот лошадь в его навязчивом присутствии никак не оседлать. Значит... придется ехать на медведе.

Плюш с подозрением скосил на меня свои крохотные глазки, но не стал возражать, когда я посадила Зимнего Бурана на широкую мохнатую спину и сама подтянулась на руках, с трудом перекинув ногу. Дракон с большим подозрением отнесся к прогулкам верхом. Он вцепился маленькими коготками в бурый мех и недовольно заворчал.

Плюш двинулся вперед, по жухлой траве парка, и я наклонилась вперед, пытаюсь одновременно не упасть и придерживать дракона. Ехать еще более неудобно, чем на лошади, зато опыт интересный. Я всем телом чувствовала, как подо мной перекачиваются мышцы Плюша, и меня слегка мотало из стороны в сторону. На спине подпрыгивал рюкзак.

Я представила, сколько времени ушло на мою возню в конюшне, и попросила медведя идти быстрее. Нужно оказаться как можно дальше, прежде чем меня хватятся. Но Плюш меня не понял, и мне пришлось подергаться из стороны в стороны, чтобы сообразить, как заставить медведя двигаться быстрее или медленнее и поворачивать в нужную сторону.

Дикая жизнь в лесу не подготовила Плюша к тому, что его будут использовать как презренное одомашненное животное, и у меня возникло большое подозрение, что до конца этого путешествия я не доживу — Плюш съест меня раньше, когда устанет от моих выходов. Но пока что все шло хорошо. Медведь затрусил по дорожке на север, и вскоре редкие огни института остались позади.

Небо сделало милость и разогнало тучи. Три четверти каждой луны давали достаточно света даже для меня, а Плюш и вовсе уверенно переставлял лапы, разглядывая в темноте каждую яму, каждый поворот дороги. Буран по-прежнему цеплялся за шерсть и опасно прижимался к ней, но с интересом разглядывал мрачные деревья, проплывавшие мимо. Драконы — дневные существа, но все же хорошо видят в темноте, и маленький дракончик с жадностью постигал мир вокруг. Несмотря на его отношение к Плюшу, так ему нравилось путешествовать больше, чем в рюкзаке.

Медведь трусил без усталости, как заведенный, до самой Берестницы. Там нас встретил дружный лай собак, учуявших медведя, и Плюш остановился и зашагал в сторону ближайшего забора, чтобы узнать, кто там смеет лаять на хозяина лесов, но я не дала ему этого сделать, потянув за шерсть. Плюш заворчал и неохотно послушался. Мы рысцой пробрались через деревню, прежде чем кто-то вышел посмотреть, отчего разлаялись собаки, но все же спугнули какую-то фигуру, зигзагами пересекавшую дорогу.

Фигура оказалась мужичком, праздно шатающимся по деревне в ту ночь. Издалека приняв меня за всадника на лошади, он приветственно вскинул бутылку и прогорланил:

— Привет всему неспящему народу!

Но когда мы подъехали ближе, остальные слова застряли у него в горле, и все спиртное мигом выветрилось из организма. Мужик с воплем сиганул в кусты у дороги, и мы проехали мимо, не останавливаясь.

Надо было идти в обход деревни, но я-то думала, что все давным-давно спят. Надеюсь,

что этот мужичок по утру примет все за ночной кошмар.

Я приспособилась к шагам Плюша и даже умудрилась задремать, прислонившись к широкой мохнатой спине и обнимая Зимнего Бурана. Когда выкарабкалась из дремы, уже рассвело. Я проморгалась, как старая сова, оглядывая дорогу и лес в утренней дымке, и только потом поняла, отчего проснулась: Плюш остановился и недовольно заворочался, словно пытаясь меня сбросить. Я сползла и едва успела подхватить Бурана, когда медведь сошел с дороги и зашагал в сторону леса.

— Плюш? — окликнула я его, но медведь только огрызнулся и скрылся за деревьями.

Я оторопело постояла, не зная, что делать дальше. Куда пошел Плюш? Он еще вернется или бросил меня насовсем? Меня не очень радовала перспектива шагать пешком, но, может быть, по дороге кто-нибудь проедет и подбросит меня. А пока я опустила дракончика на землю, и мы дружно размяли конечности. Потом я присела на землю у тракта и нашарила в рюкзаке ломоть хлеба с сыром и две морковки. Разделив скромный завтрак с Бураном, я отряхнула штаны и двинулась вперед по утоптанной дороге. Дракон не пожелал идти на ручки и заковылял следом за мной, по траве, так что мне пришлось идти помедленнее.

На ходу я развернула карту, выданную Береком. Я предполагала, что поеду на лошади, как все нормальные люди, и проезжая мимо населенных пунктов, буду прятать дракона. Теперь я лишилась транспорта совсем, и это открывало новые, совершенно безрадостные перспективы.

Во-первых, идти надо очень далеко, и я могу рухнуть от усталости прямо по дороге.

Во-вторых, меня ждет тяжелый переход пешком через все деревни и города с драконом подмышкой, а весит он уже далеко не как котенок. Населенные пункты можно обходить стороной, но рано или поздно мне придется зайти в один, чтобы купить еды. С собой у меня ровно столько, сколько влезло в рюкзак, и этого не хватит до конца путешествия. Конечно, я надеялась, что мама-драконица почувствует своего сына намного раньше, чем я дойду до гор, но насколько это «раньше» случится, я не знаю.

И в-третьих, путь займет столько времени, что меня успеют хватиться и догонят на лошадях раньше, чем я вообще куда-нибудь дойду. Конечно, о том, куда я иду, знает только Берек, к которому я заскочила перед отъездом с последней просьбой, а он никому не скажет. И Тим, узнав о моей пропаже, может догадаться. Но профессора на то и профессора — они-то уж сумеют придумать что-нибудь, чтобы меня найти.

— Выход только один, — сказала я вслух, разглядывая карту. — Придется нам идти напрямик.

Буран согласно пискнул.

Пройдя еще немного по дороге, я свернула в лес — как мне показалось по карте, в наиболее удачном месте. Но, к сожалению, мои представления о лесе далеки от реальности.

Поначалу, конечно, я шагала бодро, Буран семенил за мной, подпрыгивая и перелетая через кусты. Он уже неплохо парил, как белка-летяга. Иногда я брала дракона на руки и ускоряла шаг. Деревья над нами то смыкались, голыми или покрытыми иголками ветвями закрывая небо, то расходились в стороны, пуская солнечный свет. Я опасливо обходила стороной муравейники, хоть обитатели и не подавали признаков жизни, и разглядывала птиц над головами: стучащего дятла и стрекочущих сорок. Под ногами хрустели ветки. Пахло хвоей.

Шли мы до самого полудня, двигаясь на северо-северо-запад. На невысоком холме остановились на обед, и я оглядела раскинувшийся внизу серый луг, а за ним — снова лес. И

когда мы, отдохнув, пересекли этот луг и вошпи под деревья, начались неприятности.

Прежде всего, я услышала кукушку, тонко вздыхавшую где-то неподалеку. Конечно же, не могла не спросить:

— Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?

Бессовестная птица издала жалкое «кук», сорвалась с ветки и улетела.

Мне ее ответ не понравился.

Дорога стала затрудненной: то и дело на пути мешались голые заросли колючей ежевики или поваленные стволы с мощными корнями, усыпанными землей. Деревья тянулись ко мне крючковатыми ветками, цепляясь за одежду и рюкзак. Буран ловко справлялся с полосой препятствий, но, в конце концов, застрял в кустах, и мне пришлось вытаскивать дракона, пока он не подпалил лес в отчаянных попытках избавиться от цепких веток. Я изрядно исколола руки и посадила Бурана на плечи, чтобы он не запутался где-нибудь еще. Слева, за поросшими мхом стволами мелькнули хищные волчьи глаза, но я метнула в ту сторону яркую искру, и глаза исчезли. Комары вокруг зудели все настойчивее, и я отмахивалась от них подобранной с земли еловой лапкой, жалея, что не знаю противокомариных заклинаний.

Уставшая от длительного пути, тяжести на плечах и комариного зудения, я уже едва различала, куда иду, пока под сапогом не раздалось противное «чавк». Опустив взгляд, увидела, что одной ногой стою в болотной жиже, издали неразличимой из-за ровного поля осоки.

— Так и утонуть недолго, — пробормотала я, остановившись.

Я побрела вдоль болота, разглядывая землю под ногами, чтобы не оступиться. Как мне казалось, я обходила болото с восточной стороны, и если перейти на тот берег, то можно будет взять чуть западнее, чтобы вернуться на маршрут до гор. Но как выяснилось, у леса свои представления о пеших походах. Мало того, что я никак не могла обойти болото, так еще и снова чуть не ухнула в трясины, а в попытке вернуться немного назад и обойти болото по более широкому кругу, окончательно заблудилась в надвигавшейся темноте.

Наконец, в изнеможении я скинула рюкзак на землю, аккуратно сняла с плеч Бурана и плюхнулась сама, продолжая отбиваться от комаров. Дракона они не могла прокусить сквозь чешую, но мой маленький друг сделал одолжение и выдохнул струю пламени. Насекомые попадали, как сухарики. От пламенного дыхания дракона я разожгла небольшой костер, в свете которого развернула карту и напряженно вглядывалась в нее, пытаюсь найти это болото. Буран в это время развлекался, ловя комаров зубами или поджаривая их на лету, а потом поймал что-то в траве и съел — я решила не вглядываться, что это было.

Болото на карте никак не отыскивалось, зато в том районе, где я предположительно находилась, закорючки гласили: «Зачарованный лес». Раньше я не обратила внимания на эту надпись среди прочих «Темных лесов» и «Призрачных равнин» (чем дальше от населенных пунктов, тем «веселее» названия). Но сейчас я вспомнила, что из Зачарованного леса родом вымогатели, написавшие демо-версию волшебной книжки Берека. Интересно, где начинается этот лес? Может, я уже в нем? Почему же на карте не обозначено никаких населенных пунктов? Зачарованный лес занимает не так мало места на карте, но кроме надписи и символических деревьев здесь ничего нет. Видимо, авторы книжки прячутся тут от всего легализированного мира, поставляя контрабандой волшебные книги.

Мысль о том, что в этой местности обитает хоть кто-то, обладающий разумом и магией, несколько успокоила меня. Если повезет, я наткнусь на их жилище в Зачарованном лесу и

узнаю дорогу.

Поджарив на костре хлеб, нанизанный на ветку, и едва его не подпалив, я поужинала и улеглась рядом с маленьким костром, кутаясь в одежды от комаров. Буран еще повожился, прыгая в траве, и прилег рядом, свернувшись калачиком.

Проснувшись я на рассвете, но не от солнечного света, еле пробивавшегося сквозь деревья.

А оттого, что меня кто-то трогал.

Я в ужасе распахнула глаза, чувствуя, как маленькие лапки касаются лица и ладоней. С воплем подскочила, а перед глазами так и стояли противные серые мыши, ползающие по лицу. Мышей я не боюсь, но только если они сидят в клетке, а не топчутся по моему лицу крошечными лапками.

Впрочем, вопреки ожиданию, это оказались не грызуны, а... Я даже не могу сказать, что уставилось на меня снизу вверх. Поначалу я вообще никого не заметила и решила, что все мыши разбежались, но потом из травы повылазили зеленовато-бурые мохнатые комки не выше моего колена, и на них я разглядела глаза. Комки осторожно приблизились ко мне, но их взгляды были устремлены на проснувшегося от моих криков Бурана. Тот с интересом рассматривал незваных гостей и позволил им подойти поближе. Совсем осмелев, лилипуты вдруг подошли к дракону вплотную, из-под густой шерсти (или волос?) появились розовые ладошки, по две на душу, как у людей, — и каждая стремилась потрогать черную блестящую чешую. Буран не возражал против такого соседства и с интересом обнюхивал гостей. Я настолько не понимала, какого фея происходит, что решила просто замереть на месте и в случае чего хватать пожитки и дракона и бежать.

Вдруг лилипуты (а их было десятка два) расступились, рухнули на колени, скрывавшиеся под шерстью, и воздели ручки, что-то пропищав, а затем поднялись и заплясали вокруг дракона. Это мне уже не понравилось, и я подхватила Бурана, усадив его на плечи. Лилипуты разбежались в разные стороны, остановились в нескольких шагах от меня и вперили взгляды в дракона. Надеюсь, эти маленькие сектанты не намереваются принести моего крылатого ящера в жертву.

Лилипуты что-то пропищали, общаясь друг с другом, и засеменяли прочь, едва заметные на фоне бурой земли. Не успев скрыться с моих глаз, они обернулись и запищали, запрыгали, замахали ручками, недвусмысленно приглашая следовать за ними.

— Идем? — с сомнением спросила я.

Буран заурчал и потянулся в сторону лилипутов. Ему очень льстило внимание с их стороны.

— Ладно, — вздохнула я.

В конце концов, эти существа мне по колено, что в них может быть опасного? А я все равно не знаю, куда идти. Может, они выведут меня из леса.

Живые комочки шерсти длинной цепочкой семенили по лесу без остановки, ловко огибали колючие заросли и заячьи норы. Лилипуты словно знали в лесу каждую примятую травинку и торчащий из земли корень, каждую невидимую тропку и рухнувший через овраг ствол. Лилипуты выбирали такую дорогу, что нам не приходилось пробираться с трудом или искать обход. Я уже надеялась было, что они и правда выведут меня из леса хоть в каком-нибудь направлении, но оказались мы перед вчерашним болотом.

Однако лилипуты не остановились, а пошли прямо через топь, так же бодро шагая по тусклой траве. Они не провалились и не утонули, даже вода не чавкала под их невидимыми

лапками, и я опасливо шагнула туда же, куда и они. Перенесла вес на эту ногу и с облегчением приставила вторую, твердо укоренившись на тайной тропке через болото. Сама я не различала, где земля переходит в болотную жижу, и шла вслепую, доверившись маленьким существам.

— Совсем с ума сошла, — пробормотала я сама себе, но отступить было поздно.

Так мы и шли через топь: впереди семенила цепочка меховых шариков, за ними — я, осторожно делая широкие шаги. Вдруг спереди донеслось «бульк», за ним «бултых» и «шлеп». Я оторвала взгляд от земли, посмотрела вперед и вытаращила глаза.

Лилипуты сводили счеты с жизнью.

То есть, мне так показалось. Ничем иным я не могу объяснить тот факт, что они один за другим, не останавливаясь, прыгали в болото. Меня так поразило спокойствие, с которым они ныряли в зеленую муть, не всплывая обратно, что я даже ничего не успела предпринять: последний лилипут, приглашающе махнув мне розовой ладошкой, прыгнул вслед за товарищами.

Я остановилась на краю земли и воды. Ну вот, доверилась неизвестным товарищам, а они, как суицидальные лемминги, завели меня на верную погибель. Обернувшись назад, я поняла, что дороги обратно могу и не найти, но лучше уж попытать счастья, чем бессмысленно прыгать вслед за лилипутами.

Я уже развернулась и собиралась искать путь обратно, как вдруг Буран заворочался на моем плече и ласточкой спрыгнул вниз, нырнув следом за лилипутами.

— Буран! — закричала я, но крик мой потонул в глухом эхе.

Я растерянно смотрела на мутную воду, где только что с плеском исчез мой маленький друг. Ситуация была настолько абсурдной — ну ладно, маленькие чудики, но разве мог дракон ни с того, ни с сего утонуть? — что я лишь ошеломленно смотрела на воду и вдруг поняла, что не вижу, как расходятся круги или хоть немного колеблется ряска на воде.

Странно. Без магии явно не обошлось.

Я начертила в воздухе круг и произнесла заклинание: над водой тут же замерцали огоньки, так яркие, что я поспешно помахала рукой, развеивая чары. В этот миг я чувствовала себя глупо, как никогда, стоя в одиночестве посреди болота и намереваясь прыгнуть в самую трясиину. Но другого выхода у меня не было — под водой что-то скрывалось и, кажется, не угрожало моей жизни. По крайней мере, я очень на это надеялась.

— Фея-крестная, мать-драконица, кто там еще, — взмолилась я, — защитите меня и оградите от дальнейшей глупости с моей стороны вроде путешествия в одиночестве и через лес. Спасибо.

Сделав глубокий вдох и покрепче сжав лямки рюкзака, я солдатиком прыгнула в болото и с головой ушла под воду.

Глава тринадцатая

в которой дорога, которую я выбираю, приводит к старому другу, но под вечер меня одолевают тревоги

С зажмуренными глазами я приземлилась на спину, пребольно стукнувшись ей о землю. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: я не чувствую воду, хотя и нырнула в болото. Вокруг меня все было сухо и, кажется, воздухообразно. На всякий случай я пошевелила руками: судя по сопротивляемости окружающей среды, сижу я на твердой земле, а не на дне болотном. От такой хорошей новости я даже решилась выдохнуть и вдохнуть — кислород вокруг действительно присутствовал, еще и пахло довольно приятно, какими-то цветами. Где-то захала сова, отчего я вздрогнула. Если только это не морская сова (о чем я никогда не слышала, но в Эльсе чего только не бывает), я все-таки нахожусь над поверхностью воды.

Разведав таким образом обстановку, я осторожно открыла глаза.

Наверное, я все-таки умерла, утонув в болоте.

Я очутилась на большой поляне, со всех сторон окруженной лесом, таким зеленым, словно сейчас разгар лета, да и воздух был намного теплее. Посреди полянки ютилась одноэтажная деревянная избушка, сколоченная на совесть: на крыше, усыпанной свежей соломой, торчала, как перст, труба; из нее лениво выплывал бледный дымок; на распахнутых ставнях красовались вырезанные цветочки. Стены избушки украшала резьба, но отсюда я не могла разглядеть, что там изображено.

Поднявшись с земли, я отряхнулась и обернулась кругом. Позади меня, на расстоянии шага, голубело небольшое озеро, отражавшее в себе небо и пышные ветви, склонившиеся над самой водой. От озера к дому вела утоптанная тропинка, и у самой избушки по краям росли в рядках цветы самых разных видов. Справа я увидела рядки с капустой и морковкой, невысокие парники с огурцами и яблоню. Несмотря на время года, все это цвело и радовало глаз.

Я направилась к избушке, на ходу расстегивая куртку, снимая шапку и шарф. Из цветов вынырнул Буран и, подпрыгнув, попытался взлететь на мои плечи, но промахнулся и ткнулся довольной мордой мне в нос. Я посадила жизнерадостного ящера и разглядела домик. Передо мной были три окошка и ни одной двери. Вместо того, чтобы обходить дом стороной, я задорно выкрикнула:

— Избушка-избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом!

Буран весело запищал, а я направилась было в обход, как вдруг земля под избушкой затрещала, и деревянное строение, шатаясь из стороны в сторону, поднялось на добрых два метра. Я испуганно отшатнулась и чуть не упала, инстинктивно прижимая к себе дракона. Из зеленых кустов вокруг повысыпали лилипуты и бросились под мою защиту, сгрудившись позади.

Передо мной возвышались длинные, толстые птичьи ноги, торчавшие из-под основания избушки. Пока та поднималась, внутри, судя по звукам, все летало кувырком. Теперь же, выпрямившись, избушка довольно чихнула, и внутри нее все замерло. Но только до тех пор, пока она не начала разворачиваться. Птичьи лапищи переминались с места на место, вращая

избушку. Внутри опять загрохотало, и даже более того — донеслись чьи-то ругательства.

Избушка повернулась ко мне дверью и довольно приземлилась, втянув куда-то свои птичьи лапы. При этом маневре распахнулась дверь, и что-то черное кубарем выкатилось на улицу, сыпя отборными ругательствами вперемешку с оханьем и аханьем. Это нечто распрямилось и село, потирая рогатую голову мохнатой лапой, и я в изумлении воскликнула:

— Чепуш!

Я не сразу узнала черта без розового платья и крылышек — на нем сидел вполне приличный синий комбинезон, из штанин которого выглядывали копытца, а сзади, судя по всему, была проделана специальная дырочка для львиного хвоста, сейчас нервно подергивавшегося.

Чепуш, услышав свое имя, поднял взгляд и удивленно выдохнул:

— Рита! — Его взгляд тут же переметнулся на сидящего на моих плечах дракона, и он осоловело уставился на крылатого ящера. — Это у тебя дракон, что ли? Или у меня галлюцинации?

— Галлюцинации, — «успокоила» его я. — Меня здесь вообще нет. Я в универе, долги сдаю.

— Ну, раз нет, то и ладно. — Чепуш поднялся с земли и вернулся в избушку, закрыв за собой дверь.

— Эй, я же пошутила! — крикнула я вслед. — Здесь я, здесь, и дракон у меня самый настоящий. Зимним Бураном зовут.

Чепуш снова вышел на поляну, широко ухмыляясь.

— Я тоже пошутил, — хмыкнул он. — Значит, это ты тут хулиганишь, а? Я-то думаю, кто тут мою избушку трясет. А это ты.

— Извини, — покаялась я. — Не знала, что мои слова сработают.

— А что ты сказала, кстати? — полюбопытствовал черт. — Купил эту избушку на распродаже, инструкция не прилагалась. Уверяли, что она ходит, да только не пойму, как.

Я наклонилась и шепнула ему заветные слова в длинное ухо, чтобы избушка их не услышала.

— Вот оно что, — восхитился Чепуш. — Ну, спасибо, буду знать.

— Так ты не злишься? — уточнила я.

— Да чего уж там. — Черт дружелюбно махнул рукой и почесал волосатый затылок. — Давно хотел дверью к озеру поставить, быстрее за водой ходить. Ну а посуду... можно и новую купить, гм.

Я виновато потупилась.

Чепуш полюбовался на дракона и осторожно протянул толстый палец. Буран разрешил себя погладить.

— Красавец, — восхитился Чепуш. — Так, а это что?

Я проследила за его взглядом и увидела лилипутов, все еще толпившихся за моей спиной. Поняв, что хозяин избушки их заметил, они бросились врассыпную.

— Ух, опять они тут завелись, прошмыги. — Чепуш потряс кулаком в их сторону, но тут же смягчился: — Ты, Рита, не стой, проходи, гостем будешь. За беспорядок уж извини, чай таких гостей не ждали, — хмыкнул он.

Я вошла в избушку, едва не стукнувшись о дверной косяк. В сенях на полу валялись пустые горшки и кадучки; прялка съехала на середину помещения; дрова высыпались из поленицы. Устояла только лестница на чердак.

В самой избе обстановка была ничуть не лучше: валялась посуда, частично побитая; цветочные горшки с рассыпанной землей; с кровати улетела подушка; в углу перевернулась миска с молоком. С печки настороженно сверкали два глаза, и Буран тут же потянулся мордой к кошке.

— Иди сюда, Фырка, знакомиться будем, — протянул руки Чепуш.

Серо-черная, пятнистая кошка неохотно спрыгнула ему на руки, и мы поставили питомцев на пол рядом друг с другом. Фырка зашипела, но когда Буран приветственно запищал, она вдруг подобрела, подошла ближе и потерлась мордой о черную чешую гостя. Признала за своего.

Вдруг из-за печки повыскакивали мои рисунки, сделанные мелом на зачарованной доске, и подбежали к нам. Фырка окинула их покровительственным взглядом. Дракон весело замотал хвостом, приветствуя старых знакомых, а я наклонилась, чтобы пожать Васе руку.

— Рада, что у вас все хорошо, — улыбнулась я, и каракули радостно запрыгали в ответ.

Я скинула рюкзак, повесила верхнюю одежду на крючок у двери и предложила Чепушу помощь в уборке. Кошка и дракон запрыгнули на печку и с ехидством наблюдали, как мы подметаем пол и возвращаем все на свои места. Точнее, с ехидством наблюдала Фырка, а Буран, как всегда, с интересом. Но, поглядев на хозяйку дома, он старательно скопировал ее выражение морды и тоже стал смотреть на нас с ехидством. Каракули примостились рядом, но не могли изобразить выше обозначенную эмоцию при всем желании.

Черт принялся подбирать посуду: уцелевшую клал на стол, побитую — в ведро для мусора. Я подошла к рассыпавшимся книгам и, разглядывая обложки, стала класть их на место, в книжный шкаф. Чепуш увлекался исторической литературой, не без удивления я обнаружила и учебники по различным магическим дисциплинам. В руки мне попала небольшая книжка без названия — я тут же узнала книгу-подсказывалку, всученную мне Береком перед экзаменом.

— Откуда это у тебя? — удивилась я, поднимая из кучи книг еще одну такую же.

Чепуш, обернувшись, замялся, чуть не выронил из рук уцелевшую тарелку. Его длинные ушки нервно задергались.

— А-а! — воскликнула я, внезапно обо всем догадавшись, и вскочила на ноги, уличающе наставив книгу на черта. — Избушка-на-страусиных ножках в Зачарованном лесу! Это ты делаешь эти книжки-подсказывалки, вымогающие деньги со студентов!

Чепуш стыдливо отвел глаза и пожал плечами.

— Надо же как-то деньги зарабатывать, чтобы на мир посмотреть. А издательское дело, между прочим, денег стоит, — подбоченился он, но ушки все еще предательски подрагивали. — Это вы, студенты, хотите все бесплатно добыть и ничего не учить. А я в эти книги труд вкладывал! Столько материала перелопатил, чтобы их написать. И собственную магию вложил. И вообще, ты-то откуда знаешь, как эти книги работают?

Пришла моя очередь краснеть.

— Давай забудем, — предложила я, кладя книги на полку.

— Согласен, — буркнул рогатый делец, и мы вернулись к уборке.

Наконец, вся утварь заняла свое прежнее место, осколки и земля из цветочных горшков перекочевали в мусорное ведро, пол был подметен и вымыт. Тогда мы удовлетворенно присели за стол, накрытый клеенчатой скатертью в цветочек. Чепуш вынул из печи котелок с супом и от щедрот налил мне полную чашу.

— Хорошо, что печку и котелок закрыл, — порадовался он.

Черт налил вторую чашу супа для себя и еще одну для дракона. Фырке он выловил кусочек мяса. Вежливо подождя, пока хозяин зачерпнет первую ложку, я с жадностью набросилась на еду. А как же, самая важная трапеза дня — завтрак — пропущена! Теперь надо наверстать. Суп был замечательным — горячим, ароматным и питательным. То, что надо после долгого путешествия.

— Где вы друг друга нашли? — поинтересовался Чепуш, глядя на дракона.

— Ах да, ты же и не видел его, — припомнила я. Не отвлекаясь от обеда, рассказала: — Когда ты был у меня... в гостях, он еще не вылутился. Я нашла яйцо на территории института.

— На территории института? — удивленно переспросил Чепуш, уронив ложку в свою чашу.

Немного поразмыслив, я решила, что Чепушу доверять можно. Практика показала, что он неплохой человек — то есть, черт. Да и к институту не имеет никакого отношения. К тому же, такие существа, как черти, бережно относятся к природе, и в его интересах помочь дракончику.

Поэтому я выложила ему всю свою историю, не забывая наворачивать суп в логических паузах. Выслушав меня, Чепуш гневно стукнул кулаком по столу.

— Как же можно! Торговать малышами драконов! Это ведь даже запрещено вашим законом!

Я сочувственно покачала головой.

— И ты не знаешь, кто все это устроил? — допытывался черт.

— Тот, кто выкрал яйцо и подложил его в условленное место, скорее всего, сбежал. Думаю, что он затесался в свиту дворян, приехавших на бал. Вряд ли это был кто-то из наших...

Я потратила много времени на размышления, прежде чем прийти к такому выводу. Когда я говорила с Береком перед отъездом, он со мной согласился.

— А кому он продал яйцо?

— Ну... — Я замялась. Вдаваться в подробности не хотелось. — Главное то, что сейчас я везу... несу... В общем, мы с Зимним Бураном идем к Драконьим горам, чтобы вернуть его родителям.

Чепуш одобрительно закивал. Отложив пустые миски из-под супа в сторону, он занялся чаем: вскипятил воду в черном котелке, заварил какую-то ароматную травку в двух чашках.

В это время я откинулась на спинку стула и рассматривала пейзаж за окном. А Буран под неусыпным взором сытой и довольной Фырки исследовал избушку: залез под лавку и под кровать, сунул нос в книжный шкаф, расчихавшись от пыли. Кошка, лениво сузив глаза, наблюдала за ним с печки.

Чепуш вытащил с печки корзинку с ватрушками, переживую избушкотрясение, и я с готовностью вцепилась зубами в одну из них.

— Ммм, — только и сумела выдать я.

Кем бы ни был тот гений, впервые додумавшийся шлепнуть сверху на тесто картошку, моя ему благодарность. Ватрушки — очень простое не вид блюдо, но, как говорится, все гениальное — просто. Я взяла еще одну, запивая ее ароматным чаем.

— А как ты сюда вообще попала? — спросил вдруг Чепуш.

— Я заблудилась в лесу, а потом меня нашли те маленькие существа и привели сюда. Мы прыгнули в болото, а оказались здесь.

— Это Зачарованный лес, — пояснил Чепуш, — сюда так просто не пойдешь. Он со всех сторон окружен топями, чтобы люди не лезли. Но если знать нужные места, то переместишься с того берега на этот. Между прочим, у меня хороший земельный участок, — похвастался черт. — В центре леса, около озера и в уединении от остальных обитателей. Хотя до Фифины не так далеко идти. Мы у нее собираемся по выходным и играем в карты... ну, ты знаешь... — Чепуш скис.

Я хмыкнула. Знаю-знаю, чем эти игры заканчиваются.

— А что это за чудики, которые привели меня? — поинтересовалась я. За окном открывался великолепный вид на озеро, но лилипутов не было видно.

— Это леци, — угрюмо отозвался Чепуш.

— Леци? Где-то я слышала это название... — Я напрягла извилины, но так и не смогла вспомнить. — Тебе они не нравятся? Мешают?

— Да не то чтобы... Они вообще-то не из Зачарованного леса, но такие маленькие и пронырливые, что везде пролезут. Вот и обнаружили проходы к нам. Теперь шастают постоянно. Они, на самом деле, мирные большую часть года, но как раз в это время у них начинается активный период. В середине февраля они начнут линять, и сейчас готовятся к этому.

— Готовятся к линьке? — не поняла я.

— Видишь ли, у этих «чудиков», как ты говоришь, каждый год меняется вожак, — начал рассказывать Чепуш. — Им становится тот, кто первым полиняет. Но они немного... туповаты, в общем, и часто принимают за вожака существ другого рода. Я-то, к счастью, круглый год волосат, — Чепуш довольно похлопал по груди, заросшей черной шерстью, — но других обитателей Зачарованного леса этот народец сильно достает.

Я громко фыркнула. Ну и ерунда. Такая глупость, что и нарочно не придумаешь.

— Понятно, почему они водили хороводы вокруг Бурана. Им очень приглянулось, какой он лысый. — Буран недовольно заурчал из угла, и я спешно поправила: — Хорошо, хорошо. Не лысый, а чешуйчатый.

— Они, случайно, не возложили на Бурана корону? — опасно поинтересовался Чепуш.

— Нет, а что?

— Это хорошо, — выдохнул черт. — Если уж им взбрдет в голову выбрать кого-нибудь вожаком, так просто от них не отделаешься. Дурные они какие-то.

Чепуш щелкнул толстыми пальцами, и к столу подплыла кадка с водой. Черт сложил туда грязную посуду и стал отмывать ее жесткой мочалкой, а я принимала и вытирала насухо, складывая на комод в углу.

— Почему ты пользуешься магией, чтобы вымыть посуду? — поинтересовалась я, поставив ложку в деревянный стаканчик с дырочками на доньшке. — Ты с такой легкостью перемещаешь предметы, без заклинаний и жестов. Наверняка и все остальное умеешь так же легко.

Чепуш вылил грязную воду за окно, на клумбы.

— Так неинтересно, — ответил он.

— Ты как Хеиван, — фыркнула я. — Он тоже любит все своими руками делать.

Мы снова присели за стол, чтобы переварить обед, и смотрели на Бурана и каракули, затеявших игру в догонялки. Фырка все так же лениво наблюдала за ними, но вдруг прыгнула на пробежавшего мимо дракона и бешено замолотила по нему задними лапами, впрочем,

нисколько не повредив твердую чешую. Потом она задумчиво полизала дракончика, снова помолотила ногами, вывернувшись и убежала под лавку. Буран оторопел от такого странного поведения, свойственного кошкам, и из-за этого был пойман нарисованным солнышком — оно задело дракона, сделав его водящим, и укатилось на своих меловых лучиках.

— Спасибо, что приютил их, — сказала я Чепушу. — Они не доставляют проблем?

— О, нет, с ними весело, — довольно отозвался тот.

— А как ты написал мне то письмо, которое само появилось в моей комнате и само же исчезло? Можешь научить?

Я подумала, что было бы очень удобно отправлять такие письма вместо обычной почты или птиц. Конечно, в Эльсе мне пока некому писать, разве что Чепушу. Но и потом пригодится, когда жизнь пораскидает нас по разным уголкам мира. А может, я найду себе друзей по переписке. Или буду заказывать вещи по каталогу «МАГазин на диване».

— Ты не сможешь этому научиться, — улыбнулся Чепуш. — Наша магия не такая, как у людей. Нам не нужны учебники, заклинания, институты. Мы просто... знаем, как все это делается.

Я припомнила, что Хеиван говорил мне что-то подобное. Жаль, конечно.

Еще немного посидев в тепле и покое, я решила, что пора идти и встала, благодаря Чепуша за оказанное гостеприимство.

— Может, останешься на ночь и завтра с утра двинешься в путь? — предложил черт.

— Не могу. Сегодня уже воскресенье, завтра начнутся занятия. Вечером однокурсники меня хватятся, преподаватели будут искать. А я не хочу, чтобы меня нашли, пока Буран не будет в безопасности. Поэтому нужно поспешить.

Чепуш понимающе кивнул и торопливо засобирался. Он сложил в платок краюху хлеба и кусочки сушеной рыбы, достал из жестяной банки горстку сладких орехов.

— Возьми на дорожку, — предложил он.

Я рассыпалась в благодарностях и положила платок в рюкзак, а орехи — в карман куртки, повязав ее вокруг пояса.

— Идем, я провожу тебя, — сказал черт.

Я позвала за собой Бурана, и дракончик на прощание потерся мордой о каракули и лизнул важную Фырку. Та недовольно мотнула хвостом, но когда мы вышли на улицу, прыгнула на подоконник, провожая нас взглядом.

— Мне нужно прыгнуть обратно в озеро? — уточнила я.

— Нет, тогда ты попадешь обратно на южную часть болот, откуда пришла. Я проведу тебя туда, откуда ты переместишься на север.

Чепуш обогнул избушку и направился по тропинке, через вечнозеленый лес. Я шла рядом с ним с рюкзаком за плечами, а Буран прыгал за нами.

— Только не в болота, пожалуйста, — попросила я. — Сюда меня провели леци, но сама я путь через болото не найду.

— Не волнуйся, ты окажешься на самом краю болот, в топь точно не угодишь.

Шли мы недолго, около получаса. Хорошо было очутиться в летнем, цветущем лесу после мрачных голых деревьев, оставленных за пределами волшебного места. Единственное, что эти леса делили между собой — небо, но и оно сегодня радовало приятной голубизной.

В лесу пахло хвоей и смолой, где-то неугомонно стучал дятел. По широкой вытоптанной тропинке легко было идти. Я то и дело наклонялась за земляникой, растущей среди травы у дороги, и значительно замедляла путь, но не могла удержаться. Набрал в ладошке горсту

красных ягодок, разом сунула их в рот и зажмурилась от удовольствия. Бурана ягоды не интересовали — он охотился на какую-то мелочь в траве.

Вскоре за деревьями показался домик, и, подойдя ближе, я с удивлением поняла, что он как будто сделан из теста и украшен кремовыми розочками и огромными леденцами. Вокруг в полнейшем беспорядке росли цветы, в отличие от аккуратных клумб Чепуша, а на границе с лесом даже высились две пальмы с самыми настоящими кокосами. Между их стволами был натянут гамак, в котором кто-то лежал, скрыв лицо под журналом.

— Фифина! — громко позвал Чепуш, и я поняла, что сейчас встречу с крестной феей, выигравшей у черта в карты.

— Че-епуш? — томно отозвалась фигура на гамаке. — Проходи, дорогой, ты давно не заглядывал.

Чепуш неловко поерзал при слове «дорогой» и кинул на меня быстрый взгляд. Я сдержала смешок.

— Фифина, я не один, а с гостьей, — волнительно ответил черт.

— Какой-такой гостьей? — взвилась фея.

Она моментально откинула журнал и подлетела к нам, в прямом смысле слова — за спиной у нее порхали маленькие белые крылышки, почему-то никак не связанные с телом, но, тем не менее, прекрасно выполнявшие свою функцию.

Фифина оказалась самой прекрасной феей, которую я когда-либо видела, но исключительно потому, что я никогда раньше не видела фей. На самом деле, на вид ей было лет сто пятьдесят, и ее лицо представляло одну сплошную морщину, накрашенную ярко-красной помадой в области губ. На голове у морщины был нахлобучен светлый парик, чуть сбившийся набок от резкого полета. Фея предстала перед нами практически в неглиже — на ней был сплошной полосатый купальник, открывающий взору еще больше морщин, и большой красный платок с бахромой, обернутый вокруг худощавой талии. За платок Фифина заткнула волшебную палочку, которую я видела у Чепуша в ночь бала. На спичках, выполняющих функцию ее рук, болтались звенящие браслеты. Я начала переживать, как бы такое древнее и хрупкое создание не рассыпалось в прах при неосторожном движении, но Фифина, похоже, была крепкой старушенцией и собиралась пережить не только меня, но и весь род человеческий.

Подлетев ближе, она вперила в меня глазки-бусинки, слегка подергивая головой от старости, но признав во мне гомо сапиенса, мгновенно успокоилась и широко улыбнулась. Я догадалась, что меня сочли не конкурентно способной в борьбе за красавца-черта. Сам черт, как я заметила краем глаза, приосанился и пригладил шерсть на макушке.

Мне очень хотелось что-нибудь прокомментировать по этому поводу, но я сдержалась. Любовь зла, что и говорить. Но не мое дело судить.

— Здравствуй, здравствуй, — протараторила фея, на удивление крепко пожимая мне руку. — Нечасто у нас тут бывают люди. Какими судьбами?

— Я...

— О, какое прелестное создание! — Фифина отвлеклась на Зимнего Бурана и не дала мне даже рот раскрыть. — Матерь лесная, как давно я не видела драконов! Особенно малышей, а они так прелестны.

Буран вежливо стерпел, когда его потрепали по голове, и прыгнул в цветы, углядев там жирного кузнечика. Как говорится, не думал, не гадал он, никак не ожидал он... что встретит на своем веку хищника-дракона.

— Фифина, это Рита, — представил нас черт, отчего-то стреляя глазами в мою сторону.

Фея ничем не выдала того, что слышала обо мне, и я поняла, что Чепуш не рассказывал подробностей той ночи, когда выполнял за фею-крестную ее обязанности. Я стрельнула глазами в ответ, показывая, что все поняла, выдавать его секреты не буду, и нечего так на меня пялиться, а то косоглазие заработает.

— Очень рада, — сказала Фифина, и я тоже выразила радость от знакомства.

— Рите нужно выбраться из Зачарованного леса, чтобы отвезти этого дракона к его матери, — сказал Чепуш. — Мы хотели бы воспользоваться твоим выходом, если можно.

— Ах, конечно-конечно, — взмахнула руками Фифина. — Ради такого... А как же ты потом? Пойдешь пешком?

— Ну, у меня был медведь... — пожалала я плечами.

Фея и черт вскинули брови.

— Медведь? Как необычно, — пробормотала Фифина. — А где же он теперь?

— Ушел. Хеиван, преподаватель бестиологии, наложил на него успокаивающие чары, которые позволяли также ему понимать людей, в некотором роде. Наверное, они рассеялись.

— Скорее всего, он просто не любит служить кому-то лошадь, даже если находится под действием чар, — предположил Чепуш. — Я могу попробовать вернуть его.

— Правда? — восхитилась я. — Здорово!

Чепуш коснулся моего лба на несколько мгновений. Потом они с Фифиной отошли в сторону. Фея показала Чепушу выход — крепкий дуб с толстым стволом. Черт положил на него руку и замер.

Пока эти волшебные создания колдовали и не смотрели в мою сторону, я воспользовалась моментом, сделала парочку крабьих шагов в сторону, оказавшись рядом с домиком Фифины, и от души лизнула пряничный бок. Мне тут же пришлось отплеиваться, потому что на вкус домик был совсем не пряничным.

— Милая моя, дом сделан из кирпича, — сочувственно объяснила Фифина, как раз в этот момент отвернувшись от дуба. — Думаешь, я стану жить в домике, который привлечет мышей и развалится от первого же дождя? Не говоря уж о плесени. Брр, плесень! Но дизайн неплохой, согласись. Если тебе так хочется, могу дать леденец, — предложила она.

— Нет, спасибо... — пристыженно ответила я и сунула в рот сладкий орех, чтобы перебить вкус кирпича.

Чепуш сгладил неловкую ситуацию, велел мне подойти. Я выловила Бурана из цветов и взяла его на руки, приблизилась к дубу.

— Я нашел твоего медведя, — доложил Чепуш. — Кажется, его связь с людьми еще не нарушена. Я указал ему, где ты, и он догонит тебя. Главное, не превращай его в ездовую лошадь, когда он того не хочет. Он все-таки хозяин лесов.

— Хорошо, — пообещала я. — Спасибо. Вам обоим.

— Не стоит, милая, — махнула рукой Фифина, звякнув браслетами. — Ну же, торопись, проходи прямо сквозь дуб.

Я смело шагнула вперед и... со всего маху впечаталась лбом в кору.

— Не сюда, милая, не сюда... — Фифина заботливо обняла меня за плечи и пододвинула на два шага в сторону. — Вы, люди, такие хрупкие... Вот теперь проходи.

На этот раз я шагнула медленнее и почувствовала, что мне ничего не препятствует. Миг — и я оказалась посреди леса, только голос Чепуша раздался на прощание: «Идти вперед, на северо-запад. До встречи, Рита». Обернувшись, я увидела в нескольких шагах позади ровное

поле осоки.

— Ну что, Буран, продолжим путь?

Дракон согласно заклекотал.

Но мы не прошли и пяти минут, как из травы перед нами выскочил маленький комочек шерсти — леци. Я молча обогнула его, не давая Бурану спрыгнуть на землю. Не хватало еще тратить время на этих чудиков. И так уже солнце высоко в небе.

Но через несколько шагов передо мной выросло уже несколько леци. Как тараканы, они выскочили из ниоткуда и делегацией из семи персон встали перед нами. Тот, что посредине, протянул вверх розовые лапки с зажатым в них витым обручем из тонких прутиков. Мне он не налез бы даже как браслет, но все же не составило труда догадаться, что это корона, и леци определенно хотели вручить ее Бурану. Я помнила предостережение Чепуша о том, что делать этого не стоит, и опять обошла лилипутов стороной.

Они снова обогнали меня. На этот раз с воинственными намерениями.

Я остановилась, попав в ловушку: леци окружили нас плотным кольцом и наставили заостренные палки. Даже маленькие человечки представляют собой угрозу, если держат оружие в руках, и я начала переживать, что от них так просто не отделаешься.

— Что вам надо? — грозно, как могла, спросила я.

Один из них вышел вперед, настойчиво протягивая корону. Буран спрыгнул с моих плеч на землю, не успела я его остановить.

— Даже не думай! — крикнула я. Не хватало еще, чтобы дракон принял титул короля леци, и вся эта стая потащилась за нами на север.

Но Буран тоже не хотел иметь никаких подданных, а только вознамерился постоять за себя — и за меня. Он попытался выдохнуть огонь, но с первого раза получилось только облачко дыма, сопровождаемое натужным хрипом. Тогда дракон напрягся и выдохнул, что есть мочи: неожиданно сильная струя пламени опутала стоявшего впереди леци, и все в испуге уставились на лилипута. Буран, сам не ожидавший такого эффекта, тоже озадаченно посмотрел на леци.

Маленький человечек от неожиданности выронил корону, но сам нисколько не пострадал. Толстая шкура сгорела до основания, не осталось ни волоска, и перед нами теперь стояло лысое существо, похожее на бесхвостую крысу с огромными испуганными глазами и тонкими лапками.

Остальные леци осторожно приблизились и пощупали гладкую кожу собрата. Один из них восторженно бросил свою палку, подобрал с земли корону и водрузил ее на голову бедолаги. Остальные леци радостно запищали, подхватили нового короля, все еще ошарашенного случившимся, и с улюлюканьем понесли его прочь. Они скрылись среди деревьев, и крики замерли вдали.

Мы с Бураном остались одни.

— И что это было? — задала я риторический вопрос, зная, что никто не ответит.

Я уже прокручивала в голове заклинания, которые могла бы использовать против воинственных леци, но дело решилось само собой: видимо, леци сочли пострадавшего собрата еще более гладким, чем дракон, а значит, и более достойным короны. Буран растерянно пискнул.

— Ладно, главное, что они от нас отвязались.

Я поежилась от прохладного воздуха. Накинула курточку, надела шапку, замотала шарф и снова зашагала вперед. Буран последовал за мной.

Мы шли и шли, до самого вечера. Ноги одеревенели от долгой ходьбы, но я не разрешала себе отдыхать. Препятствий на пути больше не возникало: ни болот, ни странных существ. Погода благоприятствовала: хотя солнце скрылось за облаками и немного похолодало, но ни снега, ни дождя не предвиделось.

Ближе к вечеру Буран внезапно остановился и насторожился, как гончая, нашедшая добычу. Дракончик резко прыгнул вперед, но тут же остановился в нерешительности, сделал еще несколько шагов, радостно запищал и снова запрыгал вперед. Не стоило большого труда догадаться, что его мама-драконица где-то неподалеку.

Я думала, что вздохну с облегчением, когда закончится это трудное путешествие, а мой дракон будет в безопасности, но почувствовала только, как защемило в груди. Да, Зимний Буран был со мной всего две недели — но кажется, что он со мной уже годами. Да, с ним было тяжело, страшно, что его обнаружат, что я не смогу о нем заботиться — но все закончилось хорошо, и сейчас я не думала о трудностях, которые пришлось преодолеть. Я думала лишь о том, что скоро мне придется с ним расстаться. Навсегда. Только сейчас эта мысль так ясно пришла ко мне — когда я увидела, как Буран обрадовался, почувствовав свою родню.

Я подняла голову к небесам: высматривая дракона и унимая набежавшие слезы. Но небо оставалось чистым. Я вытерла глаза тыльной стороной ладони и подняла Бурана на руки — он уже немного успокоился.

— Далеко твоя мама? — спросила я.

Но Буран, конечно же, не ответил. Он только довольно заклекотал. Может быть, мама-драконица прилетит через пять минут. А может, мы доберемся в зону ее драконьего GPS только через неделю — я знаю только, что Буран ее уже почувствовал, но для него это проще, чем для его родителей, ведь они такие большие, а он совсем кроха.

На всякий случай я покрепче его обняла и потрепала по спине, прощаясь. Уловив мое настроение, Буран пискнул и потерся холодной мордой о мою шею.

Вдруг где-то хрустнула ветка, потом еще одна — ближе. Я испуганно обернулась на шум, Буран воинственно встопорщился. Я заметила, как что-то движется среди деревьев, но в сумерках не смогла разглядеть, кто это или что это. Вытянула вперед руку, начала плести несложный защитный узор, но тут же развеяла его, когда гость приблизился.

— Плюш! — со смехом воскликнула я. — Ну и напугал ты меня.

Бурый медведь вперевалочку приблизился ко мне и довольно ткнул мордой в плечо, едва не сбив меня с ног. Буран, все еще не вполне доверявший огромному зверю, недовольно пискнул.

— Как хорошо, что ты вернулся. С тобой я чувствую себя в безопасности, — честно призналась я, потрепав медведя по спине.

Благодаря Чепушу мой лесной защитник снова со мной. Я очень надеялась, что и средство передвижения тоже, но Плюш выразил неудовольствие от моей попытки забраться на него, так что я тихонько сползла обратно и потопала на своих двоих.

Мы прошли еще час и остановились на ночлег. Буран поджег собранные мной веточки, и мы перекусили, сидя в тепле у костра. Буран клубочком свернулся рядом со мной, Плюш развалился в тени, подальше от огня. Я тоже легла, подложив под голову рюкзак, но уснула не сразу.

Мысли не давали мне покоя, настойчиво стучались в голову и прогоняли сон. Я думала

о том, ищут ли меня в институте или до завтрашнего утра никто не заметит моего отсутствия. Тиффани, должно быть, уже приехала и допытывается у Тима, где я. Догадался ли он, что я забрала Бурана к Драконьим горам?

А Берек? Исполнил ли он мою просьбу или махнул рукой? Справился ли с тем, о чем я его просила?

И, в конце концов, получится ли у меня доставить Бурана домой? Непонятное чувство волнения поселилось в глубине души и противным червяком грызло изнутри. Мы уже почти на месте, но словно вот-вот что-то пойдет не так.

Я поплотнее закуталась в одеяло, надеясь, что моя интуиция решила взять отпуск, оставив после себя стажера, и ничего плохого не произойдет.

Глава четырнадцатая

в которой человек-невидимка предъявляет свой облик, и в лесу встречается большая компания

Наступил понедельник. Я проснулась с тяжелыми мыслями о новом семестре, начавшемся без меня. Если вчера на мои поиски мог никто и не отправиться, то сегодня-то одноклассники заметят мое отсутствие на парах и забьют тревогу. Не то чтобы я могла похвастаться регулярным посещением оных, однако в данном случае мое отсутствие выглядело подозрительным.

Эта мысль подгоняла меня. Успеть вернуть Бурана его родителям — вот все, о чем я могла думать, и ноги сами несли меня вперед. Я чувствовала себя так, словно иду уже месяц и буду идти всю оставшуюся жизнь, но не позволяла усталости брать верх. Запасы еды заметно таяли, но и об этом я старалась не думать.

Однако, в сложившихся далее обстоятельствах, мне не пришлось заботиться о еде и отдыхе. Жаль только, что не получится сделать приписку «к счастью», ибо такового совершенно не наблюдалось.

После воссоединения с Плюшем мы шли целый день. Медведь снова куда-то пропал и вернулся во второй половине дня. Пройденное мной расстояние оставляло желать лучшего, но я не сдавалась. Чтобы отвлечься от посторонних мыслей, по дороге я припоминала различные заклинания, чем изрядно повеселила Бурана: он зачарованно наблюдал за искорками в воздухе, за разросшимся до размеров лошади папоротником, за шариками воды, извлеченными из бьющего ключа, и прочими результатами моего творчества. Вечером безо всяких происшествий мы легли спать у костра.

Произошло все на следующий день.

К тому времени как солнце прошло половину небесного маршрута, мы уже давно были в пути: пересекли вброд небольшую речку и просторный луг, снова оказались под сводами деревьев. Буран время от времени подавал недвусмысленные знаки: он чувствовал свою родню. Где-то в глубине души я начала надеяться, что он ошибся, драконица за ним не прилетит, и я возьму Бурана обратно. Но умом я понимала, что так дело не пойдет.

Около полудня мы остановились на привал. Точнее, я рухнула на землю без сил, и мои спутники, обладавшие завидным запасом энергии, вынуждены были остановиться. Переведя дух, я села, прислонившись спиной к стволу дуба, и выдала холодный паек — себе и Бурану. Плюш вполне успешно добывал пищу сам. Буран, впрочем, тоже по дороге охотился на мелкую пакость и жевал растения, но от лишнего куса хлеба он не откажется. Однако переварить обед как следует мы не успели.

Среди деревьев что-то хрустнуло. За время нашего похода я уже успела привыкнуть к самым разным шорохам дикой природы: то сова пролетит, то мышка прошмыгнет. Ничего крупнее, к счастью, не попадалось. Поэтому на хруст я хоть и обратила внимание, но ничего не предприняла. Однако подскочила до небес, услышав знакомый голос:

— Прогуливаем пары?

Буран и Плюш тоже обернулись в сторону говорившего. Он вышел из-за деревьев на небольшую полянку, где мы обустроились на обед, и не спеша, с грацией льва, загнавшего

моську в угол, привязал поводья вороного коня к низкой ветке.

Проглотив удивление, я постаралась напустить на себя важный и спокойный вид.

— Эрилон, — сухо поздоровалась я, но голос дрогнул.

— Рита. — Он насмешливо кивнул в ответ и подошел ближе, остановившись в нескольких метрах от меня.

Эрилон принарядился по случаю слезки: в великолепный костюм для верховой езды с вышивкой на курточке, высокие черные сапоги и длинный плащ почти до земли. На поясе висел свернутый кнут. Посол принял небрежную позу, перекинув вес на одну ногу и засунув большие пальцы за ремень.

Мы просто смотрели друг на друга, делая вид, что ничего необычного не происходит. Всего лишь два мало знакомых человека встретились в лесной глуши и обменялись приветствиями. Конечно же, каждый в это время обдумывал план дальнейших действий.

В моей голове все присутствовавшие мысли в панике носились туда-сюда, сталкивались и размножались ускоренным почкованием, но ничего стоящего так и не появлялось на свет. Чтобы оттянуть время, я произнесла:

— Я знаю, что это вы контрабандист.

— А я знаю, что ты знаешь, — парировал он.

— А я знаю, что вы знаете, что я... — Я попыталась продолжить эту игру, но запуталась.

— Я и об этом знаю. Только, пожалуйста, не продолжай, — поморщился Эрилон.

Я сглотнула. Мое удивление при появлении посла было искренним — однако правда и то, что я догадывалась о его роли в происходящих событиях.

В тот вечер, когда я решила уехать с Бураном, я перебирала в голове все, что случилось за последние недели. Кто мог привезти яйцо на территорию института? Кто мог выкупить его? Я не хотела верить, что это может быть кто-то из наших, но ведь не все из присутствовавших были «нашими».

Тогда я припомнила слухи, что дворяне приехали еще до бала. Сколько длилось это «до»? Вполне возможно, что несколько дней, которых было бы достаточно для перекупки драконьего яйца. Кто именно приехал раньше бала? Невозможно выяснить. Это мог быть любой.

Конечно, преподавателей и студентов я со счета не списывала, но в ход моих размышлений вмешалось подозрительное поведение Эрилона. Во-первых, только он и принц остались после бала — и кое-какая охрана, периодически замечаемая вместе с ними. Но решение остаться на территории института принимали Эрилон и Кримон, а не их стража, поэтому «массовку» я не принимала в расчет.

Вряд ли контрабандист покинул бы институт без добычи, поэтому я вычеркнула из списка и всех уехавших дворян. Остались двое вышеупомянутых. Их причина остаться была странной: как будто высокопоставленным лицам больше нечем заняться, кроме как куковать в институте до начала семестра, если можно вернуться в любое другое время.

Честно сказать, я подозревала обоих, но по их манере общения друг с другом — в ней чувствовалась некоторая неприязнь — решила, что они не могут работать вместе. Да и что связывает посла Дарона и принца Арленсии? Только институт магии, где они учились в совершенно разное время. Нет, только один из них был контрабандистом.

И я сделала ставку на Эрилона.

В его поведении была еще одна подозрительная черта, отсутствовавшая у гоблина:

Эрилон навязывал свое общество, в частности, девушкам — и даже мне. Поначалу я думала, что он просто ловелас, но сейчас, перематывая в голове воспоминания и оценивая их с колокольни моих нынешних познаний, я понимаю, что он пытался найти Бурана. Расчет был верным: на территории института сложно спрятать дракона; кто-то должен был видеть или слышать что-то подозрительное — мало что значащее для случайного очевидца, но столь важное для контрабандиста. Писк за дверью. Странное поведение соседа. Шныряющая по ночам фигура.

— Это ведь вы были в моей комнате, когда я уезжала в город? — спросила я.

— Ты узнала, что я там побывал, — с уважением протянул посол. — Я не нашел никаких охранных заклинаний, хотя неплохо в них разбираюсь.

Я не стала пояснять про своих меловых друзей.

— Как вы узнали, что дракон у меня? Ведь это было еще до того дня, когда я зашла в бальный корпус.

— Просто догадка. Когда мы встретились у огородов — помнишь? — тот мальчик с потертыми коленками недвусмысленно выразился, что ты... гуляешь по ночам в области грядок. Я проверил тебя, но, увы, решил, что ты ни при чем. Где ты прятала дракона? В другой комнате? Я не мог обыскивать все общежитие, конечно же.

— Нет, я брала его с собой в город.

— В город?!

Эрилон расхохотался. Пока он вытирал набежавшие слезы, я сделала осторожный шаг влево, пытаясь встать между послом и драконом. Буран с недоумением взирал на происходящее. Плюш в это время развалился в сторонке, не обращая на нас внимания, но я надеялась, что он встанет на мою защиту.

— То есть, когда мы столкнулись на пути в город, ты прошла мимо меня с драконом в рюкзаке? — все еще посмеиваясь, уточнил Эрилон. — Поразительно.

— Я видела, как вы гладите Апогея, — вдруг вырвалось у меня. Неожиданная догадка пришла в голову, поставив на место кусочек паззла.

— И что?

— Я вспомнила, как тогда, у огородов... вы гладили Апогея, когда мы подошли. Его легко приручить, но не за пять минут. Вы подружились с ним еще задолго до этого. Еще до той ночи, когда я нашла яйцо. Вы подружились с Апогеем заранее, чтобы в ту ночь он не залаял.

— И ты догадалась, что это я, просто потому, что я гладил собаку? — хмыкнул посол.

— Нет. Эта мысль только сейчас пришла мне в голову. Хотите узнать, как я вас вычислила?

Я надеялась потянуть время, но Эрилон оказался нелюбопытен.

— Не надо быть большого ума, чтобы вычислить меня. Я не скрывался. Наоборот, знал, что если вор, похитивший мое драконье яйцо, догадается обо мне — то выдаст себя. Так и случилось. Видела бы ты свое лицо, когда столкнулась со мной в бальном корпусе с драконом под курточкой. О чем ты вообще думала, когда выносила его на улицу среди бела дня?

— В общежитии была проверка. Нельзя было оставлять его там.

Я потупилась. Та встреча стала последним пером, окончательно перевесившим чашу улик в пользу Эрилона. То выражение лица, с которым он смотрел на спрятанные под курточкой «книги»; якобы ненавязчивое предложение остаться — все это окончательно

убедило меня.

И тогда я попросила Берека проследить за Эрилоном.

Я старалась избегать этой мысли, но отрицать было глупо: если посол здесь, значит, с молодым библиотекарем что-то случилось. В тот вечер я рассказала ему, что собираюсь увезти Бурана, и попросила установить слежку за послом. Если он действительно контрабандист, то поедет следом за мной, как только поймет, куда я исчезла. И тогда Береку предстояло задержать его любыми способами. Но вот Эрилон здесь...

— Что вы сделали с Береком? — тихо спросила я, не в силах повысить голос, иначе посол услышал бы, как тот дрожит.

— С Береком? С тем мальчишкой, которого ты оставила своим сторожевым псом? Не уберег он тебя, — хмыкнул посол.

Я резко вскинула голову, невольно ахнула, вообразив самые ужасные картины. Но Эрилон сделал милость и успокоил меня:

— Да не убил я его. Что же ты из меня зверя делаешь? Просто оглушил. И усыпил на время.

— Но ведь он все расскажет, когда очнется.

Я обрадовалась, что Берек жив, но в то же время не поверила, что Эрилон просто так оставил свидетеля.

— Пускай, — кратко улыбнулся посол. — Кто ему поверит? Ни одного доказательства нет. Дракона здесь уже не будет. Как и студентки, по глупости решившей приютить его.

Я невольно сделала шаг назад, нисколько не обрадовавшись такой перспективе.

— Вас найдут, — неуверенно возразила я. — Если я умру от воздействия магии, Береку поверят, и вас посадят.

Эрилон чуть склонил голову и произнес без улыбки:

— Тут ты права. Однако, меня не в чем винить, если некая второкурсница, услышав про дракона к югу от гор, решила на него посмотреть и была растерзана диким, голодным медведем. Бедняжка, не сумела себя защитить. Надо было лучше учиться, верно?

Вслед за этими словами началась суматоха.

Эрилон вскинул правую руку в сторону Плюша, и я мгновенно отреагировала, запустив в контрабандиста наспех составленным взглядом. Но тот лишь пошевелил другой рукой, высвобождая заранее сплетенный щит. Тогда я подобрала с земли камешек и бросила его в Эрилона, шепнув заклинание. Камень стукнулся о щит и взорвался. Это не нанесло контрабандисту никакого вреда, но он покачнулся, прервав заклинание.

Однако того, что он успел натворить, хватило с лихвой. Плюш за моей спиной встал на четыре лапы и недовольно заурчал. Его маленькие глазки сфокусировались на том, кто стоял ближе, — на мне. Посол разорвал связь медведя с людьми, выстроенную Хеиваном, и косолапый мгновенно забыл, что он тут делает, почему ходит за мной, и вообще, почему он до сих пор не перекусил этим двуногим существом.

— Плюш? — неуверенно обратилась я к нему.

Медведь в данный момент представлял для меня большую угрозу, чем Эрилон, но если стоять спокойно, может, он просто уйдет восвояси.

Однако Зимний Буран, не понимавший, отчего мохнатый товарищ вдруг разъярился и ополчился на нас, прыгнул между нами и воинственно заклекотал, защищая меня.

— Буран! — только и успела крикнуть я.

Плюш, раздосадованный наглой малявкой, так неожиданно выскочившей перед его

носом, со всего размаху сбил дракончика лапой и свирепо зарычал. Он бросился в сторону Бурана, отлетевшего в сторону, но уткнулся в невидимый барьер — Эрилон, не желая повредить драгоценный товар, пришел на выручку. И поскольку в данный момент я ничем не могла помочь Бурану, то бросилась бежать.

Правильно расценив, что Плюш, не сумев добраться до дракона и посла, бросится за мной, я на ходу начала плести щит, чтобы хоть как-то защититься от могучих лап и острых клыков. Хеиван, конечно, постриг ему когти, но это не мешает лесному царю переломать мне кости и перегрызть глотку.

Плюш еще попытался добраться до Бурана, что дало мне время. Тот скромный запас боевых заклинаний, которым я обладала, не помог бы мне защититься от яростного хищника, только разозлил бы его сильнее. Да и что мне — убивать Плюша? Я бы не смогла. Усыпить или усмирить его я не в силах — для этого не хватает знаний. Какие там слова произносил Хеиван? Возможно, я смогу что-то припомнить... жаль, что нет под рукой той сонной травки. Но важнее всего сейчас защититься.

Плюш бросился в погоню за раздражающим движущимся объектом — мной — и в два счета преодолел расстояние. Я едва успела кинуться на землю и раскрыть над собой щит. Медведь всем весом навалился на него и замахал широкими лапами: короткие когти били в сантиметрах от моего лица, натываясь на едва заметный глазу щит, что каждый раз я прощалась с жизнью — что, если сейчас он пробьет барьер? Или сейчас?

Но щит держался, и медведь раздосадованно отступил. Обошел меня со всех сторон, предпринял еще одну атаку. Когда он делал передышку, я обновляла щит, кое-как шевеля дрожащими пальцами. Сосредоточиться... плетение туда, узелок сюда...

Плюш навалился на щит, словно зависнув надо мной в воздухе, надавил лапами. Из его рта капала слюна, глаза злобно уставились на меня, грозный рык оглушал.

— Плюш! — позвала я его, надеясь достучаться до подсознания. — Плюш, ты помнишь меня?

Медведь неуверенно повернул голову.

— Хороший мальчик, хороший.... Эйм... аст идио... айма сейс...

Я попыталась вспомнить заклинание Хеивана. Медведь перестал давить на щит и встал лапами на землю, обошел меня кругом. Не знаю, что помогло: или заклинание сработало, или он не совсем потерял связь с людьми, или просто успокоился. Но пока он топтался вокруг, я обновила щит и перевела дух.

— Аймасте то идио айма, эсейс кайэго.

Эти слова, звучавшие в точности как у Хеивана, вылетели не из моих уст: знакомый низкий голос повелительно выкрикнул их, и Плюш подчинился. Он успокоился, перестал топтаться и рычать.

— Макриа, — закончил мой спаситель, и медведь побрел прочь.

— Ты в порядке?

Рядом на колени плюхнулся Тим и попытался поднять меня, но руки натолкнулись на барьер, который я так и не сняла. Я поспешно распугала нити, едва не затянув узлы еще сильнее, и кое-как сумела освободить щит. Тогда Тим помог мне сесть и осмотрел с головы до ног.

— Где он? — нетерпеливо потребовал ответа другой голос.

Я обернулась, встретившись взглядом с желтыми глазами гоблина, сидевшего на своем жеребце. Это он подоспел вовремя и спас меня от разъяренного медведя; это его низкий

голос так уверенно выкрикнул заклинание и заставил Плюша отступить. Жеребец Кримона нетерпеливо гарцевал, рядом потряхивала гривой лошадка из институтской конюшни.

— Что...? — Мне хотелось узнать, что здесь делают принц Кримон и Тим, как они меня нашли, и в то же время рассказать о похищении Бурана послом Эрилоном — но принц-гоблин оборвал меня на полуслове:

— Где Эрилон?

— Там. — Я махнула рукой в сторону, откуда прибежала, и гоблин немедленно поскакал туда. Я крикнула вслед: — У него дракон! Не навредите ему!

Гоблин скрылся за деревьями, ничем не выказав, что слышал меня.

Глава пятнадцатая

в которой цвет волшебства озаряет лес, а все тайное становится явным и возвращается на круги своя

— Ты в порядке? — снова спросил Тим.

— Да... — выдохнула я.

На самом деле, конечно, я совершенно не понимала, что происходит. Однако, если оставить все вопросы на потом, существенным остается только одно — мой Зимний Буран в опасности.

Я поднялась на ноги не без помощи Тима — ноги стали ватными от пережитого потрясения. Тим принялся отряхивать землю и сосновые иголки с моей спины, но я только отмахнулась.

— За ними... Надо спасти Бурана.

Тим не стал возражать. Он вскочил в седло и помог мне забраться сзади. Мы вернулись к полянке, где все еще валялся мой рюкзак. Найти следы гоблина не составило труда — в спешке он прокладывал путь без лишней осторожности и заботы о природе: тут и там были сломаны ветви и растоптаны кусты, мешавшиеся на дороге. Следы копыт почти не отпечатались, но мы ориентировались и без них.

Вдалеке мелькнули яркие вспышки. Тим натянул поводья, и я торопливо соскочила с лошади. Едва не упала, но ухватилась за седло, отчего лошадка нервно переступила ногами. Не дожидаясь друга, бросилась вперед, на ходу снова плетя щит. Не составило труда догадаться, что мелькающие вспышки знаменуют собой борьбу между Эрилоном и Кримоном. Не хотелось, чтобы меня задело их магией, поэтому я по дороге плела еще один щит, не жалея сил.

Раздался грохот — одно из деревьев разнесло на щепки, и оставшаяся часть ствола повалилась на землю с другой стороны от поля битвы. Стая птиц с щебетом выпорхнула из леса, заносилась кругами и улетела прочь.

Я заметила коня принца-гоблина, остановившегося на безопасном расстоянии от битвы, но не слишком далеко — прирученный, он верно ждал своего хозяина.

Я подбежала достаточно близко, но сзади меня поймали чьи-то руки и заставили остановиться.

— Тим, пусти! — возмущенно крикнула я.

— Вот еще. — Он зажал меня в хитром приеме, не давая ни вырваться, ни дать ему тумака. — Куда ты лезешь? Они маги не нашего уровня. Семь лет обучения и годы тренировки после.

— Надо помочь принцу! Он ведь хочет вернуть Бурана, да? Он на нашей стороне?

— Да, но ты все равно не лезь, — упорствовал Тим. — Мы можем только помешать.

Я замерла, понимая, что он прав, но не могла успокоиться. Гоблин и посол разошлись не на шутку: они сыпали заклинаниями, пытались пробить оборону друг друга и в то же время блокировать магию соперника. Сталкиваясь, потоки магии вспыхивали и громыхали, отскакивали в сторону. Один из таких «отскочивших» потоков угодил в десятке метров от нас, подняв в воздух комья земли.

— Надо что-то делать, пока нас не задело! Выждать момент или подкрасться сзади... Посол не ожидает, что мы придем на помощь.

— Смотри, с той стороны! — вдруг указал Тим.

Я проследила взглядом за направлением его руки и увидела коня Эрилона, топтавшегося с той стороны. Отсюда ничего нельзя было разглядеть, но я поняла мысль Тима: наверняка Буран там, привязанный к седлу.

— Идем. — Тим потянул меня за руку, в обход поля битвы.

Мы побежали по широкому кругу, стараясь не попасться на глаза Эрилону. Хотя вряд ли он заметил бы нас в пылу сражения. Но не хотелось бы и стать жертвой случайного заряда магии.

Наконец, пробравшись по неровной лесной земле к коню Эрилона, мы ухватили его за уздечку и крепко держали. Конь задергал головой, не признавая в нас хозяина, но не сильно сопротивлялся. Когда он успокоился, я отпустила уздечку и подбежала к Бурану, лежавшему на холке коня. Он запищал, увидев меня, но не мог даже поднять головы. Сопротивляемость магии у детенышей драконов очень слабая, и Эрилону не составило труда опутать Бурана невидимыми узами, крепко державшими малыша.

Я попыталась распутать их, но ничего не вышло. Нейтрализация чужой магии — сложное дело, да и Эрилон постарался на славу. Я пыхтела над узлами и плетениями, как вдруг спиной почувствовала какое-то движение. Обернувшись, увидела только мельтешение образов: свет, магия, рухнувший щит, рана, снова щит.

Только позже до меня дошло, что Эрилон заметил нас и, боясь, что мы уведем лошадь, запустил в меня прицельное копьё, словно сотканное из лучей. Тим, стоявший рядом и, в отличие от меня, наблюдавший за битвой, вскинул заранее сплетенный щит, но магия Эрилона оказалась настолько сильнее, что пробила блок и ранила Тима. Но защита моего друга дала мне время обернуться и тоже выбросить щит, защитивший нас от остатков копья, разлетевшегося каплями света.

Щит треснул, и следующий удар он бы не выдержал, но принц Кримон воспользовался тем, что Эрилон отвлекся, и нанес последний, мощный удар. Применяв какие-то непонятные плетения и заклинание, он сумел пробраться за щит посла и опрокинуть мага на землю, скрутив его по рукам и ногам. Эрилон разрушил путы, но, потеряв преимущество в бою, уже не смог оказать достойное сопротивление.

В конечном итоге, Кримон вырубил его и крепко-накрепко связал по рукам и ногам невидимыми цепями.

Затем наступила тишина.

Гоблин, чуть пошатываясь, подошел к нам. Он не был ранен, но ужасно вымотался. Тяжело дышал, по зеленой коже стекали ручейки пота. Но держался Кримон уверенно.

— Можно? — спросил он, указывая крючковатым пальцем на мою левую руку.

Я опустила взгляд и увидела широкий браслет-накопитель, торчащий из-под рукава куртки. Совсем забыла, что он у меня есть. Я не так сильно устала, чтобы пользоваться им, поэтому без вопросов отдала браслет принцу. Гоблин принял его с благодарностью, выкачал из браслета всю энергию и вернул его мне. Это не восстановило его силы полностью, но все же гоблина полегчало.

— Вы не могли бы помочь? — Я указала на Бурана, прижатого к холке коня, и посторонилась.

Гоблин с благоговением подошел к малышу и коснулся черной чешуи. Тот

настороженно сверкнула глазами, но я успокаивающе погладила его.

— Все хорошо, Буран, все хорошо.

— Буран? — удивился гоблин, бросив на меня взгляд.

— Я назвала его так... Зимний Буран...

Принц оставил это без комментариев и быстро, но не без усилий распутал чары. Дракон радостно прыгнул мне на руки, и я прижала крылатого ящера к себе.

— Никогда не видел драконов, — задумчиво пробормотал принц Кримон, явно испытывая симпатию к Бурану. Тот в благодарность за спасение позволил гоблину погладить себя.

Я обернулась к Тиму и только тогда заметила, что он прижимает к себе левую руку и придерживает ее правой. Опустив дракона на землю, я бросилась я другу.

— Покажи руку!

— Да пустяки, — попытался отнекиваться Тим, но я настояла.

Тыльная сторона его левой руки была сильно обожжена. Покраснение с какими-то странными белыми полосками, как веточки снежинки, распространилось на пальцы и на руку чуть ниже запястья. Я ахнула, увидев эту картину. Принц Кримон тут же поспешил на помощь и успокоил меня:

— Ничего страшного, заживет. Всего лишь немного задело.

— Жаль, что левую, а то не пришлось бы писать лекции, — отшутился Тим.

Кримон поводит рукой над покалеченной ладонью Тима, утишая боль, а я отошла в сторонку и без сил опустилась на землю. Буран тут же подскочил ко мне и запрыгнул на колени. Так мы и сидели вдвоем, пока гоблин колдовал над Тимом. Потом они подвели жеребца Эрилона к месту побоища. Заставили его опуститься на колени и перекинули неподвижное тело посла через седло.

Принц отправился за своим конем, по дороге потушив занявшийся после битвы огонь на кустах. В это время Тим присел рядом на землю.

— Испугалась? — спросил он.

Я очнулась и покачала головой.

— Нет... То есть, да, но не в этом дело. — Испуг почти прошел, но последовавший за ним ступор был вызван вовсе не страхом. — Просто... мы не были к этому готовы, понимаешь? — Я повернула голову и посмотрела в серые глаза. — Мы столько раз прогуливали пары, учили предметы как попало, не обращали внимания на скучные дисциплины... Я не могла себе представить, что от этого будет зависеть моя жизнь. И жизни тех, кто рядом. Если бы не принц Кримон, и если бы не ты, меня бы уже не было в живых, а Буран попал бы в вечный плен.

Дракон согласно пискнул.

Принц Кримон оставил своего коня рядом с жеребцом посла и подошел к нам, без стеснения растянувшись на земле в полный рост и закрыв глаза.

— Кстати говоря, что вы здесь делаете? — спросила я. — Как вы оба узнали, где я? Принц... вы знали про дракона? Что вообще происходит?

И Тим, и Кримон вздохнули, предчувствуя долгую историю.

— Я заметил, что тебя не было в комнате в выходные. Сначала подумал, что ты хочешь спрятать Бурана, поэтому не стал бить тревогу. Но тебя не было и все воскресенье. Во второй половине дня я искал тебя на территории, но нигде не мог найти, а вечером столкнулся с принцем Кримоном. Он спросил, не видел ли я тебя. Я сказал, что ты собираешь

компоненты для зелья в лесу... но он догадался, что я вру. И тогда принц спросил прямо: у тебя дракон или нет.

Я выпучила глаза. Принц Кримон и посол Эрилон были главными подозреваемыми, но я не думала, что они оба как-то причастны к делу.

— Откуда вы знали о Буране?!

— Я из МОРГа, — пояснил гоблин, не открывая глаз.

— Откуда? — Я ошалело захлопала глазами.

— Из Магического Отделения Рагтерского Гарнизона, — с усмешкой пояснил гоблин. — Иными словами, из магической полиции. Мы давно ведем дело о контрабандистах, орудующих в Драконьих горах. Недавно стало известно, что на черном рынке появилась не только чешуя драконов и некоторые другие несертифицированные товары, но и яйцо с еще не вылупившимся драконом. К этому делу также подключилась Арленсия и страны-соседи, включая Институт магии.

— То есть, когда вы приехали на бал, вы знали, что яйцо в это время было на территории института? — удивилась я.

— Мы это предполагали. Нам стало известно, что передача осуществится именно там. Поначалу я решил, что упустил контрабандистов или что информация была ложной — у нас было и несколько других зацепок. Но потом я догадался, что яйцо перехватил кто-то из студентов. — Гоблин открыл глаза и с улыбкой посмотрел в мою сторону. — Я следил за Эрилоном и убедился, что это он — скупщик. Но поскольку мне надо было поймать его с поличным, я ничего не мог сделать, пока не обнаружится яйцо. Эрилон подозревал тебя, но потом, похоже, счел, что ошибся.

— Откуда вы знаете?

Кажется, мне стоило сделать табличку с надписью: «Откуда вы знаете?» — и просто поднимать ее в нужное время вместо того, чтобы каждый раз восклицать.

— Он установил за тобой слежку. Помнишь ту татуировку на руке? По ней он мог отследить, куда ты идешь. Когда ты подошла к нам в столовой и я в первый раз увидел татуировку, то заметил, что над ней сплетено слишком много линий для такой простой вещи. Позже, когда мы встретились вновь — у конюшен, я понял, что на волшебные цветы наложено заклинание слежения, и добавил такое же от себя. Когда ты сказала, что цветы «подарил» Эрилон, это только укрепило мое убеждение, что он контрабандист.

Пролистав в голове события, я действительно припомнила, что все сходится.

— Так вот как вы нашли Риту, — вставил Тим. — Ну, тогда, когда она ходила к магазинам с черного рынка в Лунграде.

Он воздержался от лишнего напоминания, как глупо я тогда поступила. Я вспомнила тот случай — действительно, я тогда еще удивилась, как это Кримон так удачно проезжал мимо и «почувствовал мою магию».

— Да, — признал гоблин. Он, наконец, сел, но не спешил вставать на ноги, прислонившись спиной к дереву. — Я не мог поверить, что ты причастна к похищению дракона, Рита. Думал, что Эрилон ошибся. Но все же проследил за тобой до Лунграда и заметил, что ты забралась не в самый благополучный район.

— Вовремя вы подросли, — призналась я.

Гоблин чуть склонил голову, словно признавая свои заслуги, но не желая это обсуждать.

— Твое присутствие в подобном месте заставило меня сомневаться в твоей непричастности. Однако позже, при содействии лунградских властей, мы задержали тех

магов и выяснили, что ты хотела продать им чешую.

Я сглотнула, вспомнив, что продавать чешую без лицензии запрещено. Тим тоже неловко заерзал. Но принц Кримон только усмехнулся:

— Думаю, учитывая твои заслуги в деле по спасению этого малыша, — Кримон кивнул на черного дракончика, — мы можем оставить без внимания тот инцидент. Как бы то ни было, после этого я убедился, что дракон у тебя.

— И вы ничего не сделали? Никому не сказали?

— Только ректор Боскарента знал о контрабандистах и сотрудничал с МОРГом в этом деле. Но я не говорил ему о тебе, — пожал плечами гоблин. — Нельзя было спугнуть Эрилона до получения улики. Однако я не предполагал, что ты решишься отвезти дракона к горам, да еще и в одиночку.

Боюсь, что, если бы я этого не сделала, мое бездыханное тело могло бы стать отличной уликой в деле — Эрилон однозначно понял в тот день, что это я укрываю Бурана, и не замедлил бы действовать. Но я промолчала. Меня немного задело, что гоблин все знал, но продолжал подвергать меня опасности.

— Эрилон пропал в воскресенье, — продолжал гоблин. — И, встретив Тима, я выяснил, что тебя нет второй день. Это дало мне надежду, что ты покинула территорию института раньше посла Дарона, а он поехал следом за тобой. Да и медведь пропал... До этого я видел, что вы с ним подружились.

Я даже не заметила, что Кримон следил за мной, когда я выгуливала Плюша.

— А как вы нашли меня?

— Поначалу шел по следу Эрилона, но потом он, очевидно, заметил мои чары слежения, наложенные на сбрую его коня, и сбросил их. Однако я догадывался, куда ты направляешься, и после долгих поисков сумел напасть на твой след. Ты оставляла за собой следы из неприкрытых заклинаний, и в такой глуши несложно было отследить единственный источник магии.

Я уже устала поражаться собственной недалекостью, поэтому просто вздохнула, вспомнив, как тренировала заклинания направо-налево. Все это и привело к тому, что Эрилон, а потом и Кримон с Тимом меня нашли.

— Не расстраивайся, — утешил принц. — Если бы тебе удалось скрыться от нас и достичь Драконьих гор, у меня не было бы доказательств, чтобы осудить Эрилона. Теперь они есть. Главное только, что мы подоспели вовремя.

— А что ты, собственно, тут делаешь? — спросила я у Тима.

— Ну, здравствуйте, — обиделся тот. — Тебя спасать приехал.

Гоблин не сдержал улыбку:

— Он благородно вызвался помочь, когда выяснил, что ты можешь быть в опасности.

— Спасибо, — от души поблагодарила я, и Тим просиял.

— Все же не стоило ехать в одиночку, — пожурил он. — Надо было сказать мне.

— Я не хотела подвергать тебя опасности... И потом, я ведь попросила... О, нет! — Я чуть не подскочила. — Берек!

— Опять Берек? — поморщился Тим.

— Я попросила его проследить за Эрилоном и задержать, если что. А Эрилон признался, что усыпил его. Берек должен быть жив, но я не знаю, где он.

— Ничего, найдем, когда вернемся в институт, — сказал Кримон. — Собственно говоря, нам пора.

Гоблин поднялся, отряхивая одежду. Я замешкалась:

— Но... надо вернуть Бурана родителям.

— Мне некогда делать крюк к горам, — строго сказал Кримон. — Я должен немедленно доставить Эрилона к своему войску и препроводить в Дарон, где его предадут суду.

— Я сама могу отвезти Бурана. — Я настойчиво посмотрела на гоблина, закрывая дракона руками и не решаясь встать, чтобы не смущать низкорослого принца взглядом сверху вниз.

Кримон долго не раздумывал.

— Что ж, в данных обстоятельствах дракона можно счесть в большей степени угрозой населению, нежели уликой в деле. Если его не отвезти в горы, взрослая особь дракона может учинить беспорядки. Предполагаю, что это можно предотвратить, если доставить детеныша к родителям. Однако предупреждаю, что вы должны будете выступить свидетелями против Эрилона. Поэтому вы нужны мне живыми и невредимыми.

— Все будет хорошо, — пообещал Тим. — Вдвоем мы справимся.

— В таком случае удачи. И не задерживайтесь.

Мы поднялись на ноги и удостоились чести пожать на прощание руку зеленокожего принца-гоблина. В этот миг я подумала, что хотя внешне Эрилон больше соответствует моим представлениям, все же именно Кримон — настоящий Прекрасный Принц, благородный, самоотверженный, честный и смелый.

Взобравшись в седло, гоблин помедлил и сказал:

— Я рад, что в моем родном институте учатся такие смелые студенты. Для меня честь иметь знакомство с вами.

Мы зарделись и промямлили что-то приличествующее в ответ. Кримон развернул коня и направился на юг. Жеребец Эрилона, чья уздечка была привязана к задней луке седла Кримона, последовал за ним. Так процессия из двух лошадей и двух всадников (один из которых по-прежнему находился без сознания) двинулась на юг.

Я опустила Бурана на землю, и втроем мы отправились за лошадкой Тима, Ночкой. Она мирно выщипывала из стылой земли остатки травы. К седлу были приторочены небольшие сумки с едой и водой, но мы все же вернулись и за моим рюкзаком — не пропадать же добру. Чтобы немного отдохнуть, мы неторопливо пошли пешком, ведя Ночку на поводу.

— Как мы найдем драконицу? — спросил Тим.

Я пожала плечами.

— Скорее всего, она найдет нас сама. А пока что Буран укажет путь — смотри!

Дракон действительно скакал в траве вперед нас, полностью оклемавшись от пережитого. Он уверенно вел нас куда-то на север, и я не сомневалась: он знает, где его мама.

— А ты не боишься, что драконица нами поужинает? — засомневался Тим.

— Подавится, — усмехнулась я. — Нет, не боюсь, честно. Я уверена, что Буран ей все объяснит... ну, своим, телепатически-драконьим методом.

После недолгого молчания я сказала:

— Посол Эрилон... он ведь только купил Бурана. Но кто его продал? Кто добыл его и положил среди грядок для передачи Эрилону?

— Да, насчет этого... — Тим посерьезнел и отвернулся, словно не мог смотреть мне в глаза. — Это Лерой.

— Что-о-о?! — воскликнула я. — Не может быть! Как?! Он ведь... но...

Я не могла себе представить, чтобы наш старый-добрый Лерой был контрабандистом. Я подозревала, что у него много талантов и на самом деле он не такой простак, каким кажется, но чтобы так...

Тут я заметила, что у Тима трясутся плечи.

— Ах ты, шутник несчастный! Обманщик! — воскликнула я обвиняюще, но сама засмеялась, и мне полегчало. — Но кто все-таки это сделал?

Тим отсмеялся и пожал плечами.

— Принц Кримон сказал мне, что это один из охранников, прибывший вместе с дворянами на бал. У них есть несколько зацепок, которые проверяют остальные полицейские. Не волнуйся, его поймают.

Я согласно кивнула.

Оставшуюся часть дня, до самых сумерек мы шли молча. Это было не то неловкое, напряженное молчание, когда не знаешь, что сказать, а приятная тишина, молчаливый разговор, не требующий слов. Я машинально переставляла ноги, думая о своем, и не заметила, как стемнело. Мы остановились на ночлег. Я занялась лошадкой, сняв с нее весь груз и стреножив, а Тим набрал воду в мелком ручье и собирал ветки для костра. Буран нетерпеливо прыгал вокруг, дожидаясь своей очереди поучаствовать в деле: в глотке у него бурлил огонь, готовясь вырваться. Наконец, Тим сложил костер, получившийся намного аккуратнее, чем у меня, и ветки сразу занялись, когда Буран ополоснул их огнем.

Мы поужинали и легли спать на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Буран растянулся между нами. В стороне пофыркивала Ночка.

Сон был мирным и долгим. Я проснулась, когда солнце уже стояло высоко над горизонтом, и костер совсем потух. Тим проснулся чуть раньше меня и сидел, подслеповато щурясь. По утрам он был похож на ежа: глаза едва открывались, волосы торчали по все стороны. Мы умылись в ручье, позавтракали, оседлали Ночку, затоптали за собой кострище, двинулись в путь.

Буран по дороге становился все больше и больше взволнованным. Он снова прыгал впереди, иногда подскакивая повыше и паря на слабых крылышках, и уже делал успехи в полете: он мог продержаться в воздухе несколько минут. Мы с Тимом по очереди ехали на лошади.

Мы вышли из бесконечных лесов и оказались в холмистой местности. Серое небо во всей широте раскинулось над нашими головами. Чтобы дать отдых лошадке, я спешила, и мы с Тимом оба пошли пешком.

— Интересно, что сейчас проходят наши одnogруппники? — задумчиво спросила я, когда мы взбирались на очередной холм. — Я не успела даже расписание на семестр посмотреть.

— Как ты относишься к философии?

— Предмет, на котором можно почесать языками? Обожаю. А что насчет практической магии? Кто ведет?

— Профессор Смолик опять в строю, с нормальными человеческими ушами.

Я обрадовалась этому. Не хотелось бы поменять Смолика на какого-нибудь придиру. Надеюсь только, что он не злится из-за ослиных ушей и никогда не узнает, что причиной их появления стал Кристоф, иначе несдобровать нашей группе.

— А что... — начала было я, но осеклась: — Ты слышал?

Мне показалось, что в небе пролетел самолет, но потом я вспомнила, где нахожусь. Задрав головы, мы увидели в небе парящую птицу. Буран восторженно запищал и запрыгал, пытаясь взлететь, но крылья еще не так хорошо его слушались.

— Это не птица, — тихо пробормотала я, — это дракон.

Крылатая фигура описывала в небе круги, постепенно опускаясь все ниже. Она росла и росла в размерах, и я подумала, что если она не прекратит расти, но заполонит собой все небо.

Ночка испуганно заржала, увидев дракона, и дернулась так сильно, что чуть не вывихнула мою руку. Это отрезвило меня: я оторвалась от созерцания крылатого ящера и кинула Тиму поводья.

— Уведи Ночку. Сядь на нее и скачи отсюда.

— Думаешь, я тебя тут оставлю? — Голос Тима звучал сдавленно — мой друг, как и я, был ошеломлен появлением могучего дракона.

— Если Ночка вырвется и убежит, на своих двоих мы домой не доберемся. Надо увести ее на безопасное расстояние.

— Тогда идем вместе, оставь Бурана тут.

— Нет, он увяжется за мной... и мне надо попрощаться... Все будет хорошо. Ну же, нет времени спорить!

Драконница опустился на высоту птичьего полета и закружил над нами, оценивая обстановку. Тим, наконец, согласился, запрыгнул в седло и развернул Ночку. Та с радостью припустила вниз по холму. Драконница последовала за ними, но потеряла интерес и вернулась к нам. Кружась, она продолжила снижаться и опустилась на землю, примяв разом десятки кустов.

Огромная, размером с дом, черная ящерица сложила мощные перепончатые крылья, повернула ко мне слоновью голову и уставилась внимательными желтыми глазами. Толстый хвост с зазубринами мотнулся из стороны в сторону, повалив молодое деревце, имевшее неосторожность расти неподалеку. По зазубринам я поняла, что передо мной не мама-драконница, а папа-дракон.

Стоя перед самым громадным существом, которого я когда-либо видела в своей жизни, перед настоящей легендой животного мира, я чувствовала, что того и гляди упаду в обморок, но не слишком сопротивлялась этому ощущению: может, поглядев на мою неподвижную тушку, дракон не станет меня есть. Однако пока что Буран-старший не предпринимал никаких действий, и я лелеяла надежду, что все действительно закончится благополучно.

Мой маленький Буран вприпрыжку подбежал к отцу. Громадный ящер не выказал теплых чувств, лишь повернул голову в сторону сына. Буран посмотрел на него в ответ. Драконы, судя по всему, общались телепатически. Представляю себе их разговор!

— Сынок, где ты был?

— Да так, сначала жил в общежитии, гонялся за розовыми курицами, потом путешествовал через лес и побывал в гостях у черта и феи, а затем на меня напал медведь и чуть не похитил один человек, но меня спасли.

— А это что за представитель презренного человеческого рода?

— Это моя добрая, хорошая подруга, она обо мне заботилась, пожалуйста, не ешь ее.

И все в таком духе.

Какими бы мыслями не обменивались драконы на самом деле (если их мысли вообще поддаются облачению в слова), к выводу они пришли однозначному — есть меня не стоит.

Буран потерялся о морду отца и, развернувшись подбежал ко мне. Я взглянула на малыша, понимая, что настала пора прощаться — на этот раз окончательно. Осторожно, чтобы не разозлить отца-дракона своими действиями, я наклонилась и погладила Бурана в последний раз. Он закрыл глаза от удовольствия и тихонько пророкотал.

— Еще увидимся, малыш, — ласково сказала я.

Буран согласно пискнул и побежал к отцу. Тому пришлось лечь на землю, чтобы сын смог забраться на спину и свернуться калачиком в специальной ямке у основания шеи, где драконы носят детенышей.

Могучий дракон поднялся и распахнул крылья во всю ширину. Взмахнул ими, подняв в воздух травинки и комья земли, оттолкнулся когтистыми лапами и взмыл в небо. Меня тоже задело потоками воздуха, и я плюхнулась на пятую точку. Дракон, кругами летая над землей, набрал высоту и устремился на север. Я провожала его глазами, пока он не превратился в черную точку и не исчез совсем.

Зрение затуманилось от набежавших слез. Я вытерла их рукавом куртки, но они все текли и текли. Даже за такой короткий срок я успела привязаться к Зимнему Бурану, и расставаться было очень тяжело.

Заботливая теплая ладонь провела по щеке, вытирая слезы, — я и не заметила, как рядом опустился Тим. Увидев, что дракон улетел, он поспешил обратно. Ночка еще немного нервничала, но смирно стояла рядом.

Тим молча вытирал мои слезы: платка ни у кого не нашлось. Наконец, я справилась с эмоциями и перестала рыдать. Друг тепло улыбнулся, досуха вытирая мои щеки, потом нерешительно наклонился и осторожно-осторожно поцеловал. Я опешила, но ответила на поцелуй.

Тим покраснел до самых кончиков ушей, да у меня и самой пылали щеки, несмотря на прохладную погоду. Ночка ехидно фыркнула.

Тим неловко вскочил на ноги и помог мне подняться.

— Какой он — дракон? — поинтересовался Тим.

— Величественный. — Я не нашла другого слова, чтобы его описать.

Тим запрыгнул в седло, я села за ним, обхватив моего... м-м, друга руками, и лошадка неспешным шагом начала спуск с холма.

— Как думаешь, нам дадут какую-нибудь награду за такой подвиг как спасение дракона? — задумчиво спросила я. — Например, все экзамены в следующем семестре — автоматом, а?

— Ага, — усмехнулся Тим. — Не отвесить нам люлей будет единственной наградой.

Я фыркнула, понимая, что он прав.

— Слушай, — вдруг протянула я, — мы ведь уже пропустили три дня от начала семестра. День туда — день сюда, чего уж там, хуже не будет...

Тим ничего не ответил, но обернулся ко мне с заговорщицким выражением лица.

И мы отправились в небольшое путешествие по Эльсу.

Вдвоем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net